

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

№ 5469.
1900/2
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ И НАУЧНОЕ
И НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ДРЕВНЯГО ВОЛХВОВАНІЯ
ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ДРЕВНЯГО ВОЛХВОВАНІЯ ЖИВОТНАГО

МАГНЕТИЗМА И СПИРИТИЗМА.

СУМАРСКОВ
//
А. СУМАРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. БИЗОВРАЗОВА и Комп.
(Вас. Остр., 8 линия, № 45).

1878.

P.F. 1251

.592.

15724

Clayton

Какъ самыя явленія, такъ отчасти и теорія спиритизма сдѣлались извѣстны у насъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, т. е. со времени всеобщаго верченія столовъ или маніи столоверченія, и возбудили множество ложныхъ толковъ и неправильныхъ понятій.

Не такъ давно извѣстный спиритъ Юмъ предложилъ ученой комиссіи изслѣдовать явленія, происходящія въ его присутствіи и отъ него независящія, но которыя случаются при извѣстныхъ психическихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ, Юмъ, не можетъ дать себѣ точнаго отчета.

Какъ извѣстно, опытъ этотъ, произведенный въ одной изъ залъ с.-петербургскаго университета, неудался, и вызвалъ даже полемику за и противъ, съ опубликованіемъ протокола составленнаго комиссіей.

Приверженцевъ спиритизма, возникшаго въ Америкѣ, немало и въ Россіи, но многіе изъ нихъ едва-ли знакомы съ научнымъ взглядомъ на этотъ предметъ и съ его исторіей.

Невдаваясь въ разсужденія о сущности духовнаго спиритизма или, вѣрнѣе, спиритуализма, мы постараемся изложить здѣсь все, что извѣстно до сихъ поръ о *физическихъ явленіяхъ*, производимыхъ медіумами-спиритами, и доказать, что этотъ-то спиритизмъ есть ни что иное, какъ особенная форма

древней магіи, имѣющая много общаго съ животнымъ магнетизмомъ и сомнамбулизмомъ. Какъ увидимъ ниже, явленія сомнамбулизма и животного магнетизма были извѣстны еще въ глубокой древности, а современный намъ спиритизмъ только соединилъ въ себѣ, видоизмѣнивъ ихъ нѣсколько, различныя старинныя магическія и животное-магнитныя ученія, преданія и суевѣрія.

Въ самой глубокой древности мы встрѣчаемъ уже рассказы, вполне сходные съ рассказами спиритовъ, и если истина, на которой основываются явленія животного магнетизма, сомнамбулизма и пр., не нова, то и заблужденія, которыя примѣшиваются къ этой истинѣ, вовсе не новость спиритовъ, а повтореніе старыхъ заблужденій.

При безчисленномъ множествѣ рассказовъ о сверхъ-естественномъ и чудесномъ, — рассказовъ, часто ложныхъ и порожденных невѣжествомъ и суевѣріемъ, многіе изъ нихъ, своею собственной ложью и несостоятельностью, подрываютъ вѣру въ самыя дѣйствительныя, но пока необъяснимыя явленія, а потому задача всякаго добросовѣстнаго изслѣдователя должна состоять въ томъ, чтобы отличить истинные факты отъ заблужденій воображенія и истину отъ лжи и обмана. Чтобы понять неправду дѣйствія, необходимо раскрыть ложь, закрашивающую въ убѣжденія того, кто дѣйствуетъ.

ГЛАВА I.

Мы такъ часто употребляемъ слова: необыкновенное, чудесное, сверхъ-естественное, что даже недосугъ намъ подумать объ ихъ значеніи, о разграниченіи обыкновеннаго отъ необыкновеннаго и естественнаго отъ сверхъ-естественнаго ¹⁾.

Что же такое сверхъ-естественное и есть-ли оно на свѣтѣ?

Переходи послѣдовательно всѣ ступени мышленія о сверхъ-естественномъ въ природѣ и человѣкѣ, мы легко можемъ дойти до такого парадокса, что чуть-ли не все въ естественномъ—сверхъ-естественно.

Начать съ того, что кажущееся одному сверхъ-естественнымъ, другому можетъ показаться очень естественнымъ.

Простая записка, передавшая мысли одного отсутствующаго лица другому, показала американскому дикарю временъ Колумба какимъ-то злобнымъ, таинственнымъ демономъ; точно также и обыкновенное зеркало покажется волшебнымъ, заколдованнымъ веществомъ тому, кто никогда его не видалъ.

Итакъ, нѣтъ общей мѣрки для сверхъ-естественнаго, и

¹⁾ Мы пользовались статьями и сочиненіями: Штерна, Шульцъ-Шульценштейна, аб. Кальмета, Рейхенбаха, д-ра Гергардта, Диксона, Бекона, Майо, Гамильтона Декарта, Таунзенда, ст. Тибо, Курта-Предча, журн. „Знание“ 1871 № 2 (К—скаго), Мильчевскаго, Мори и друг.

это, очевидно, усложняетъ отвѣтъ на взятый нами вопросъ. Наука должна положительно отвѣтить на него слѣдующее: до сихъ поръ ни въ природѣ, ни въ дѣятельности человѣка не было и нѣтъ явленій, которыя можно бы сюда причислить.

Всякое сверхъ-естественное явленіе, совершенное природою или человѣкомъ, сводилось и постоянно сводится къ естественнымъ, коль-скоро мы условимъ всѣ обстоятельства, при которыхъ оно совершалось и совершается.

Очевидно, что чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, чѣмъ уже, тѣснѣе кругъ его знаній и понятій, тѣмъ болѣе будетъ для него сверхъ-естественныхъ явленій и тѣмъ легче убѣдить его въ ихъ сверхъ-естественности.

Но теперь спрашивается: какъ мы должны поступать съ тѣми явленіями, которыя никакъ не поддаются подъ естественныя объясненія? Неужели отвергать ихъ? Наука должна дорожить наблюденіями и опытами: она ими питается, ими живетъ, на нихъ создается и растетъ,—стало-быть ни одного факта ей безусловно отвергать не приходится; она должна все изучать, разбирать, анализировать, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Значитъ она не вправѣ отвергать и такихъ такъ-называемыхъ сверхъ-естественныхъ явленій, которыхъ она еще не въ силахъ разъяснить естественнымъ путемъ, — иначе ей пришлось бы приговорить себя къ вѣчному застою; вѣдь то, что она можетъ объяснить, принадлежитъ уже къ области изслѣдованныхъ ею явленій, и если она будетъ допускать въ себя только одно изслѣдованное, то что же она будетъ изслѣдовать?

Итакъ, чисто медвѣжьёю услугу оказываютъ наукѣ тѣ изъ ея дѣятелей, которые строго замыкаются въ заколдованный кругъ только строго-дознанныхъ явленій. Ни въ природѣ, ни въ человѣческой дѣятельности мы до сихъ поръ не видимъ ничего сверхъ-естественнаго, но для изслѣдованія, для критики, для анализа какого-нибудь явленія намъ нужно имѣть его обстоятельное описаніе.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію взятаго нами пред-

мета ¹⁾, мы хотимъ обстоятельно познакомить читателя съ тѣми объясненіями, которыя придуманы для явленій спиритизма, и съ самыми явленіями, какъ ихъ описываютъ не только спириты, но и ихъ противники.

Вотъ краткое извлеченіе изъ того, что рассказываетъ одинъ спиритъ, Алланъ-Кордекъ, въ своей книгѣ; мы говоримъ здѣсь не отъ себя, а передаемъ его слова, мысли и выводы.

«Спиритизмъ основанъ на вѣрномъ убѣжденіи въ существованіе двухъ самостоятельныхъ міровъ: тѣлеснаго и душевнаго; но подъ духами, душами спириты, какъ и древніе магики, понимаютъ что-то свое, стало быть, даютъ нашему слову «душа» совершенно превратное значеніе ²⁾.

Эти души наполняютъ міровыя пространства и ихъ-то спириты называютъ духами: итакъ, духи ничто иное, какъ души, сбросившія съ себя вещественную оболочку, т. е. тѣло.

Представимъ себѣ теперь, что такой духъ соединенъ съ тѣломъ; главное существо — духъ: онъ думаетъ, онъ переживаетъ тѣло; стало быть тѣло есть только вещество, подчиненное духу, оболочка, одежда, которую духъ оставляетъ, когда она ему сдѣлается ненужной. Все это пока согласно съ общепринятыми идеями, но затѣмъ спириты допускаютъ слѣдующее понятіе: духъ не прямо, не непосредственно соединенъ съ матеріей, т. е. съ тѣломъ, но между ними есть что-то полутѣлесное, полудуховное. Смерть не отдѣляетъ духъ отъ этой второй оболочки, которую можно назвать внутренней.

Форма этой оболочки соответствуетъ формѣ человѣческаго тѣла, но она воздушна, парообразна, невидима для насъ, хотя и представляетъ нѣкоторыя вещественныя свойства.

¹⁾ Все, что относится до описанія спиритизма, взято нами изъ сочиненія Мильчевскаго о древнихъ магическихъ наукахъ.

²⁾ Мы должны здѣсь оговориться — разъ навсегда. Говоря о душѣ, духѣ, мы употребляемъ эти слова не въ ихъ высокомъ, христіанскомъ смыслѣ, недоступномъ человѣческому пониманію и подлежащемъ вѣрѣ, а разумѣемъ подъ этими словами какую-то воображаемую, фантастическую силу, созданную спиритами для объясненія своихъ странныхъ дѣйствій.

Итакъ духъ не есть какое-нибудь отвлеченное понятіе, но это—существо, имѣющее свои предѣлы; ему только надо быть видимымъ и осязательнымъ, чтобы походить на человека.

Почему же такой духъ, находящійся и внѣ вещества, не можетъ дѣйствовать на вещество? спрашиваютъ спириты. Развѣ потому, что его существо невидимо?

Но развѣ самые сильные дѣятели въ вещественномъ мірѣ не представляютъ чего-то необыкновенно-тонкаго и неуловимаго, какъ, напримѣръ, электричество?

Что такое сверхъ-естественное по ученію спиритовъ и представляютъ-ли подобный характеръ явленія спиритизма?

Нѣтъ; спириты утверждаютъ, что ихъ дѣйствія не заключаютъ въ себѣ ничего сверхъ-естественнаго, что они имѣютъ даже полное право на ученое значеніе.

Духъ есть; мысль есть только одна изъ принадлежностей духа; стало быть возможность дѣйствовать на вещество, производить впечатлѣнія на наши чувства, а, вслѣдствіе этого, и передавать наши мысли—все это прямо и неизмѣнно зависитъ отъ свойствъ духа. Слѣдовательно, что же тутъ чудеснаго, что сверхъ-естественнаго?

Итакъ вотъ, въ общихъ чертахъ, всѣ основанія спиритизма:

1) Всѣ спиритическія явленія имѣютъ въ основаніи существованіе души, то, что она переживаетъ тѣло, и ея проявленія.

2) Такъ какъ эти явленія основаны на законахъ природы, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего сверхъ-естественнаго.

3) Сверхъ-естественнымъ нерѣдко называютъ явленіе, причина котораго непонятна; но спиритизмъ прямо указываетъ на причины своихъ явленій—стало быть дѣлаетъ ихъ естественными.

4) Есть много такъ-называемыхъ сверхъ-естественныхъ явленій, возможность которыхъ можетъ доказать именно спиритизмъ.

5) Спиритизмъ, объясняя нѣкоторыя народныя преданія,

имѣть, однакожъ, очень мало общаго съ разными волшебными сказками.

6) Нельзя судить о спиритизмѣ на основаніи фактовъ, которыхъ онъ не допускаетъ.

7) Спиритизмъ, какъ всякая наука, требуетъ подробнаго и внимательнаго изученія.

Безспорно, самымъ необыкновеннымъ явленіемъ спиритизма нужно считать непосредственное письмо, но это только одно изъ дѣйствительно сложныхъ и тонкихъ явленій силъ природы.

Итакъ, для уразумѣнія явленій спиритизма (съ точки зрѣнія спиритовъ) непременно нужно допустить, что духъ, отдѣлившись отъ тѣла, все-таки сохраняетъ полувещественную оболочку, и что человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей или элементовъ: 1) духа, элемента понимающаго, разумнаго, 2) тѣла — грубой, вещественной оболочки, въ которой заключенъ духъ для выполнения имъ тѣхъ или другихъ цѣлей Провидѣнія и, наконецъ, 3) изъ полувещественной оболочки, служащей связью между тѣломъ и духомъ.

Конечно, этотъ третій элементъ, какъ новое открытіе въ нашемъ организмѣ, нѣсколько увеличить и безъ того трудное пониманіе нашей жизни.

Мы затруднялись уразумѣть взаимоотношенія въ насъ двухъ міровъ—тѣлеснаго и духовнаго, а тутъ еще помѣщаютъ въ насъ третій; но, безспорно, что ближайшее знакомство съ нимъ очень интересно.

Что же думаютъ о немъ спириты, такъ какъ они одни съ нимъ знакомы?

Они говорятъ, что черезъ эту оболочку духъ получаетъ ощущенія извнѣ, дѣйствуетъ на органы тѣла и, посредствомъ ихъ, на внѣшніе предметы; эта оболочка—то, что физиологи называли нервною жидкостью.

Очень интересно объясненіе спиритами слѣдующаго вопроса: какъ узнать, что наша душа дѣлала до нашего рожденія?

Конечно, это узнать очень любопытно. Въ самомъ дѣлѣ,

вѣдь душа наша жила и прежде рожденія нашего тѣла, стало быть она что-нибудь думала, чувствовала, дѣлала.

Тутъ объясненія могутъ быть очень разнообразны: въ древности, какъ извѣстно, нѣкоторые народы вѣрили, что душа непрерывно переходитъ изъ одного животнаго въ другое и въ человѣка: ну, тутъ, конечно, не трудно было бы опредѣлить, что она дѣлала, когда была въ свиномъ или собачьемъ тѣлѣ—имѣла свиныя мысли, собачьи чувства и пр.

Но спириты не допускаютъ или не совсѣмъ допускаютъ ученіе о переселеніи душъ, а потому имъ труднѣе отгадать, что же дѣлала душа до рожденія своего тѣла?

Средство къ этому они видятъ — во снѣ. Они говорятъ, что сны, представляющіе намъ переходы въ какія-нибудь далекія мѣста, какъ-будто нашъ полетъ, ни что иное, какъ воспоминаніе душою ея прежняго состоянія, когда она парила только со своей внутренней, полувоздушной оболочкой.

Мало этого, — во время сна, по ученію спиритовъ, душа отлетаетъ отъ насъ со своей воздушной, полувещественной оболочкой и паритъ гдѣ-нибудь въ далекихъ странахъ.

Замѣтимъ, что тутъ спириты ничего новаго не выдумали, и что подобными фантазіями наполнены преданія всевозможныхъ временъ и народовъ.

Теперь посмотримъ, что же могутъ дѣлать для спиритовъ эти духи, которыхъ они открыли. Самое простое, вещественное проявленіе духа, по мнѣнію спиритовъ, это — обращеніе столиковъ вокругъ себя. Надо замѣтить, что такое круговращеніе могутъ сообщить духи всякому предмету; но что эта способность ихъ была изучена человѣкомъ преимущественно на круглыхъ столахъ, какъ на самомъ удобномъ для этого предметѣ, а потому это первое и самое простое проявленіе духовъ и было названо вертящимися столами.

Всякій-ли можетъ, такимъ образомъ, вертѣть столы?

Нѣтъ, не всякій, говорятъ спириты. Вотъ и затрудненіе.

Но кто же?

Люди, одаренные особенными для этого способностями; ихъ называютъ *медиумами*, т. е. посредниками—разумѣется, меж-

ду людьми и духами. Такихъ медиумовъ должно быть нѣсколько, и они-то производятъ вращеніе столовъ; что же касается до лицъ, неимѣющихъ качествъ медиумовъ, то ихъ присутствіе при операціи верченія столовъ скорѣе для нея вредно, чѣмъ полезно.

Но, позвольте, — нельзя-ли узнать, въ чемъ заключается особенность медиумовъ, какъ ихъ отличить отъ прочихъ смертныхъ, какъ узнать, напримѣръ, не медиумъ-ли я или мой читатель? Вѣдь согласитесь, что это нужно знать прежде всего, иначе нельзя приступить ни къ какимъ спиритическимъ дѣйствіямъ, такъ какъ производить ихъ имѣютъ привилегію только медиумы.

Тутъ встрѣчается большое затрудненіе: сами вожди спиритизма, авторы книгъ по этой наукѣ, говорятъ смиренно, что нѣтъ никакихъ признаковъ для распознаванія медіальности или способности быть медиумомъ; узнать ее можно только на практикѣ, т. е.: повернете столъ—значитъ вы медиумъ, не повернете—не прогнѣвайтесь.

Пробовать надо такъ: сѣсть вокругъ круглаго стола и положить на него руки не нажимая. Но тутъ есть необходимое правило: нужно — *сосредоточенное* вниманіе на занимающемъ предметѣ, положительное молчаніе, а въ особенности терпѣніе, если долго не получится никакого дѣйствія. Вѣдь можетъ случиться, что такое дѣйствіе произойдетъ въ нѣсколько минутъ, а иногда можно преждать и съ часъ.

Никакія вещества не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на это движеніе стола; только размѣры его могутъ затруднить это дѣйствіе, но и то только въ такомъ случаѣ, когда медіальность дѣятелей недостаточно сильна.

Если же она сильна, то даже дитя можетъ вертѣть столъ въ нѣсколько пудовъ.

Когда начинается дѣйствіе медіальности, т. е. столъ готовъ пуститься въ вальсъ, то въ немъ слышенъ небольшой трескъ, чувствуется какой-то трепеть; столъ какъ-будто дѣлаетъ усиліе, чтобы начать движеніе; затѣмъ вращеніе становится скорѣе и скорѣе и, наконецъ, совер-

шается такъ быстро, что нѣтъ возможности услѣдить за нимъ.

Когда оно начнется, то можно даже удалиться отъ стола и столъ все-таки будетъ продолжать обращаться въ различныхъ направленіяхъ.

Бываютъ и такіе случаи, что столъ приподнимаетъ ноги и стоитъ то на одной, то на другой, а прочія держитъ вверхъ, точно всталъ на дыбы, потомъ понемногу принимаетъ свое обыкновенное положеніе. Не-то онъ качается изъ стороны въ сторону.

Спиритисты говорятъ, наконецъ, что, при сильной медіальности дѣятелей, столъ можетъ подняться съ полу и нѣсколько времени держаться въ воздухѣ безъ всякой точки опоры, что онъ можетъ подняться такимъ образомъ до самаго потолка. Поднявшись, столъ или тихо опускается на полъ, какъ падающій листокъ, или быстро падаетъ и ломается на куски.

Вообще замѣтите, что спиритическія дѣйствія зависятъ отъ характера натуры самого медіума; различные медіумы производятъ въ одномъ и томъ же предметѣ различныя дѣйствія.

Такъ, напримѣръ, есть медіумы, которые своей медіальностью не вертятъ столовъ, а только производятъ стукъ въ самомъ деревѣ стола; этотъ стукъ, иногда очень слабый, иногда же довольно сильный, слышится и въ другихъ предметахъ: дверяхъ, стѣнахъ и потолкѣ. Если этотъ стукъ происходитъ въ столѣ, то замѣтно для пальцевъ, и въ особенности для приложеннаго уха, его дрожаніе.

Ну, хорошо, скажетъ читатель, пусть-себѣ на здоровье вертятся и стучатъ столы, стулья, стѣны и пр.; что же изъ этого? Можетъ быть это просто какое нибудь чисто-физическое явленіе, какихъ много можетъ производить человѣческой организмъ? Наконецъ, что пользы для человѣка изъ подобныхъ довольно ребяческихъ проявленій духовъ, еслибы они и въ самомъ дѣлѣ были?

— Позвольте, позвольте, — по ученію спиритовъ, духи до того пристрастились ко всему земному, ко всѣмъ человѣче-

скимъ дѣлишкамъ, даже дрызгамъ, что, и разлучившись съ тѣломъ, они очень ими интересуются и не прочь давать людямъ совѣты, наставленія, поучать, рассказывать разныя исторійки и проч.

Спириты называютъ эту болтливость своихъ духовъ разумными проявленіями и находятъ для нихъ множество формъ. Ихъ-то мы и должны рассказать.

Уже въ движеніи и стукѣ столовъ они находятъ такіа разумныя проявленія, и для нихъ кривлянья и трескъ какого-нибудь невзрачнаго столика есть языкъ, вполне для нихъ понятный и, такъ сказать, вдохновенный.

Кромѣ того, своимъ трескомъ столы могутъ подражать различнымъ другимъ звукамъ: барабанному бою, пальбѣ и пр. Изъ нихъ, конечно, при нѣкоторой игривости фантазій, можно выводить весьма любопытныя заключенія.

Но духи сначала были весьма плохи насчетъ разговоровъ съ своими живыми пріятелями; они могли отвѣчать на разные вопросы этихъ послѣднихъ только словами: *да и нѣтъ*, выражаемыми извѣстнымъ количествомъ стуковъ.

Это надо понять такъ: медіумъ говорилъ, напр., столу или столовому духу: если хочешь отвѣтить *да*, то стукни разъ, если *нѣтъ*, то два, и затѣмъ давалъ ему разные вопросы.

Но есть такіе вопросы, отъ которыхъ не отдѣлаешься только словами *да и нѣтъ*, а надо сказать что-нибудь побольше. Какъ тутъ быть?

Духи тутъ ничего не придумали, а придумать должны были опять сами спириты, и они придумали, что каждой буквѣ азбуки должно соответствовать извѣстное число стуковъ, а затѣмъ изъ группъ такихъ стуковъ слагались слова и цѣлыя фразы.

Тутъ обнаружили, по истинѣ, чудеса, говорятъ спириты: стали получаться отвѣты, о которыхъ никогда не думали медіумы, которыхъ вовсе не желали, которые были нерѣдко выше ихъ пониманія и даже высказывались на языкѣ, совершенно имъ неизвѣстномъ.

Ну, не чудеса-ли, въ самомъ дѣлѣ?

Только и этотъ способъ okazaдся несовсѣмъ удобнымъ; было выше всякаго человѣческаго терпѣнія считать удары для каждой буквы и потомъ слагать изъ этихъ послѣднихъ слова и цѣлыя фразы.

Если вы обозначите каждую букву числомъ ударовъ, которое будетъ равняться числу, обозначающему мѣсто ея по порядку въ азбукѣ (напр., а—первая буква, б—вторая и т. д.), то посмотрите, какъ много долженъ былъ насчитать медіумъ, чтобы получить хоть нижеслѣдующій пріятный отвѣтъ:

т	м	г	л	у	п	ъ
19	28	4	12	20	16	27

Вмѣстѣ будетъ—126 ударовъ. Вотъ сколько нужно насчитать, чтобы получить отвѣтъ, который и безъ того ясенъ, коль-скоро человѣкъ начинаетъ разговаривать со столомъ.

Итакъ, и стучащая азбука была отброшена; придумали еще новый способъ: заставили духовъ писать.

Какъ же и чѣмъ?

Руку у этихъ духовъ нѣтъ, нѣтъ и ногъ,—словомъ никакихъ удовъ, которыми можно бы изловчиться писать, а потому не взыщите—извольте писать хоть ножками стола.

Безъ всякой церемоніи медіумы вставили въ ножку стола карандашъ, подложили подъ него бумагу и скомандовали: пиши!—и столъ сталъ писать.

Но и тутъ пошли улучшенія за улучшеніями, благо духа запрягли въ работу: стали употреблять крошечные столики, потомъ пишушія корзинки, картонныя коробочки, наконецъ—простыя дощечки.

Получилось письмо столь же быстрое, четкое, какъ письмо ручное. Только нужны-ли и эти деревянные писатели? Нельзя-ли и безъ нихъ обойтись?

Почему бы нельзя?—Можно.

И дѣйствительно, сами медіумы стали держать въ рукѣ карандашъ и рука писала невидимой силой духовъ вещи, въ которыхъ воля и голова медіума не принимали никакого участія: вотъ ужъ подлинно—рука писала, а голова не знала.

Теперь, когда мы знаемъ, что рассказываютъ спириты о

вертящихся и пишущихъ столахъ, намъ любопытно знать, какъ они объясняютъ это дѣйствіе духа на вещественные предметы.

Прежде всего спириты заявляютъ намъ, что всемірная жидкость есть основаніе, первобытное вещество для всѣхъ міровыхъ вещей, и этимъ объясняютъ, какимъ образомъ духъ можетъ произвести движеніе въ вещественномъ предметѣ.

Онъ соединяетъ часть всемірной жидкости съ жидкостью, которую выдѣляетъ медиумъ. Предметъ неодушевленный оживляется, одушевляется и, подобно одушевленному, уже подчиняется волѣ духа.

Что же здѣсь дѣлаетъ медиумъ?

Онъ соединяетъ свою первобытную жидкость со всемірной, сгущенною и скопленною въ одномъ мѣстѣ духомъ; такое сочетаніе необходимо, чтобы сообщить столу жизнь и одушевленность.

Въ этихъ случаяхъ, по мнѣнію спиритовъ, духъ можетъ дѣйствовать даже вовсе безъ медиума, можетъ пользоваться медиумомъ такъ, что этотъ послѣдній и знать этого не будетъ; духъ воспользуется жидкостью медиума—и только.

Теперь посмотрите, какъ спириты смотрятъ на отношенія будто бы открытой ими силы къ животному магнетизму. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что дѣйствія спиритизма во многомъ очень сходны съ дѣйствіями магнетизеровъ, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить подробнѣе, но спириты, желая прославить свое ученіе, какъ новое открытіе, какъ что-то до сихъ поръ небывалое, говорятъ слѣдующее:

Конечно, магнетизмъ играетъ довольно важную роль во многихъ спиритическихъ явленіяхъ, но все-таки эти двѣ вещи не одно и то же: доказательство въ томъ, что есть очень могущественные магнетизеры, которымъ не повернуть самага маленькаго столика, и, напротивъ, многіе, неимѣющіе никакой магнетической силы, даже маленькія дѣти, могутъ привести въ движеніе самые тяжелые столы простымъ прикосновеніемъ пальца.

Итакъ, еще разъ повторяемъ: не духъ поднимаетъ столы,

кружить ихъ, заставляеть стучать, писать и пр.,—онъ только въ нихъ производить соединеніе своей міровой жидкости и міровой жидкости медиума, насыщаетъ его, такъ сказать, этими жидкостями, одушевляеть на-время; но какъ такой столъ все-таки не имѣеть собственной воли, то онъ вполнѣ подчиняется волѣ оживившаго его духа.

Спириты физически и осязательно стараются объяснить дѣйствіе всемірнаго вещества, напр., при поднятіи стола на воздухъ; они спрашиваютъ: отчего же, если подѣ колоколомъ, сгущенный воздухъ поднимаетъ его вверхъ, вопреки законамъ тяготѣнія, отчего не можетъ поднять такимъ же образомъ и столъ первоначальное вещество, сгущенное подѣ нимъ силою духа? Вѣдь-въ обоихъ случаяхъ сгущены вещества?

Спириты далѣе замѣчаютъ, что нерѣдко предметы, подвергнушіеся дѣйствію духовъ, увеличиваются въ вѣсъ, и хотѣть также объяснить это сравненіемъ съ дѣйствіемъ атмосфернаго воздуха; они говорятъ, что всемірное вещество можетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ же, какъ воздухъ на колоколъ, изъ-подѣ котораго онъ вытянутъ; это увеличеніе вѣса можетъ происходить отъ того, что предметъ напитывается первобытнымъ веществомъ, которое, какъ и подobaеть веществу, должно же имѣть какой-нибудь вѣсъ.

Самыя простыя, вещественныя проявленія духовъ — шумъ и стукъ. Шумъ спиритическій, однакожъ, имѣеть свой особенный характеръ и никакъ не можетъ быть смѣшанъ съ какимъ-нибудь другимъ; онъ представляетъ стукъ сухой, то глухой, слабый и легкій, то чистый, явственный, нерѣдко шумный, мѣняющій мѣсто и повторяющійся безъ всякой механической правильности.

Но эти проявленія не всегда ограничиваются шумомъ и стукомъ; они нерѣдко поднимають суматоху и возню: мебель и различные предметы опрокидываются, разнаго рода вещи бросаются чѣмъ-то снаружи въ комнату, окна и двери отпираются и запираются невидимыми руками, часто стекла разбиваются въдребезги.

Понятно, что тутъ уже не шуточное дѣло и что все это

не может быть объяснено обманомъ чувствъ, какъ, напр., простой трескъ въ столѣ.

Такія самобытныя, ничѣмъ не вызванныя проявленія духовъ случаются очень рѣдко въ уединенныхъ мѣстахъ: они бывають большею частью въ жилыхъ домахъ и въ присутствіи многихъ людей.

Чѣмъ же это объясняютъ спириты?

Опять свѣдѣніи мировыми жидкостями: между лицами, живущими въ такихъ домахъ, есть непременно такіа, которые одарены медіальностью, хотя сами этого не знаютъ; духи пользуются ихъ жидкостью, и спириты называютъ такихъ лицъ *естественными медіумами*.

Спириты увѣряють даже, что есть такіе благодѣтельные, доброжелательные духи, которые сами по себѣ, безъ всякаго внѣшняго побужденія, вдругъ приносятъ въ какое-нибудь мѣсто прекрасныхъ цвѣтовъ, вкусныхъ плодовъ, конфектъ и даже великолѣпныхъ, роскошныхъ драгоцѣнностей.

Но чтобы произошло подобное милое явленіе, нужно присутствіе какого-нибудь медіума, котораго можно бы назвать чувствительнымъ (сенситивомъ), т. е. который бы обладалъ въ высшей степени способностью изліянія своей жидкости и проникновенія ею.

Такими медіумами бывають чаще всего люди, чрезвычайно впечатлительные,—люди, которыхъ нервы приходятъ въ раздраженіе отъ малѣйшаго ощущенія, отъ самаго незначительнаго чувства, которыхъ раздражаетъ малѣйшее физическое или нравственное вліяніе—внѣшнее или внутреннее.

Но мы должны замѣтить, что, по словамъ тѣхъ же спиритовъ, подобныя доставки разныхъ пріятныхъ предметовъ — явленія очень рѣдки. Вообще подобныя явленія совершаются легче всего въ сомнамбулизмѣ, такъ какъ въ этомъ состояніи есть естественное выдѣленіе первобытнаго вещества, временное отдѣленіе духа и его полувещественной оболочки.

Изъ всѣхъ дѣйствій спиритизма, конечно, самыя любопытныя будутъ тѣ, которыя производятъ видѣнія и призраки, т. е. дѣлають духовъ видимыми. Въ самомъ дѣлѣ, не инте-

ресно-ли увидѣть, встрѣтиться, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ духомъ, посмотрѣть, какой онъ на самомъ дѣлѣ этотъ духъ—толстый, тонкій, призрачный или нѣтъ, неподвижный или очень юркій, въ платьѣ или такъ-себѣ, въ чемъ нибудь другомъ, а можетъ быть и въ первобытной наготѣ?

Сейчасъ же вспомните, во-первыхъ, что, во время тѣлеснаго сна, духъ сбрасываетъ съ себя вещественныя узы и, стало-быть, можетъ пуститься въ странствованіе, дѣлать визиты, такъ-сказать, на-легкѣ.

Ну, разумѣется, если вы съумѣете пригласить такого духа, то онъ, можетъ быть, и явится къ вамъ.

Но этого для васъ недостаточно; вамъ можетъ показаться скучнымъ проводить съ такимъ посѣтителемъ время въ безмолвномъ созерцаніи другъ друга, какъ безжизненные истуканы; вы, въ качествѣ существа словеснаго, вѣроятно, захотите побесѣдовать съ нимъ.

Спрашивается, можетъ-ли такой духъ говорить? Можетъ-ли онъ произвести сильный члено-раздѣльный звукъ, или такіе духи пищать едва слышно, вмѣсто того, чтобы говорить, какъ слѣдуетъ?

Если они могутъ производить всякіе трески, стуки, свисты, голоса разныхъ животныхъ, то почему же имъ не изловчиться производить и человѣческіе звуки. Уже коли они духи, такъ должны быть на все горазды.

Спириты, незанимаясь, отвѣчаютъ, что духи могутъ говорить; что когда такой духъ посѣтитъ васъ, то вы должны, какъ вѣжливый хозяинъ, спросить его: кто онъ, чего желаетъ и чѣмъ вы можете быть для него полезны?

Если этотъ духъ страдаетъ, если онъ несчастливъ, то состраданіе къ его горю облегчаетъ его; если онъ принадлежитъ къ доброжелательнымъ, то можетъ явиться съ цѣлью дать вамъ хорошій совѣтъ.

Духи говорятъ иногда члено-раздѣльными звуками, но большею частью бываетъ только передача мыслей изъ ихъ головы въ нашу, такъ сказать, непосредственно. Они могутъ производить человѣческія слова намъ на уши или въ воздушномъ

пространствѣ, и это явленіе спириты обозначаютъ словомъ *иневматофонія*.

Такъ, напримѣръ, часто случается, что въ полуснѣ вдругъ слышишь, что кто-то произноситъ слова, имена, часто даже цѣлыя фразы, и произноситъ такъ сильно, что можетъ вдругъ разбудить.

Такія слова и рѣчи могутъ произноситься или внѣ насъ, или даже въ насъ самихъ. Но какъ бы ни происходило это явленіе, оно очень рѣдко можетъ быть вызвано человѣкомъ.

Лица, которыхъ вы видите во снѣ, говорятъ спириты, не созданія вашего воображенія, но въ самомъ дѣлѣ духи, съ надлежащей оболочкой этихъ лицъ, цосѣтившіе васъ.

Почему нѣкоторыя видѣнія чаще встрѣчаются въ болѣзненномъ состояніи, чѣмъ въ здоровомъ? спрашиваютъ спириты и отвѣчаютъ:

Оттого, что въ болѣзни сила вещественной оболочки тѣла разрушена или ослаблена, а потому проявленія духа дѣлаются свободнѣе; духъ, вслѣдствіе этого, легче входитъ въ сообщеніе съ другими духами.

Ну, положимъ, явится вамъ духъ; спрашивается, вы его глазами увидите или нѣтъ?

Нѣтъ, не глазами, отвѣчаютъ спириты, а душой, прямо душой, потому что такихъ духовъ можно видѣть и закрывши глаза.

Мы здѣсь должны сдѣлать поясненіе, которому послѣ, пожалуй, не будетъ мѣста: въ сообщеніе съ внѣшними предметами человѣкъ можетъ приходить только посредствомъ своихъ нервовъ, которые уже передаютъ впечатлѣніе душѣ; душа же непосредственно не можетъ постигать внѣшнихъ предметовъ,—таково ученіе психологовъ; такъ же думаютъ, какъ мы видѣли выше, и спириты; стало быть, видѣніе духа прямо душою показываетъ, что этотъ духъ не есть внѣшній предметъ, а образъ, воображеніе.

Спириты, какъ видите, сбились тутъ съ толку.

Всѣ-ли могутъ видѣть духовъ?

Тутъ надо различать два состоянія человѣка: сонъ и бодр-

тованіе. Во снѣ всякій человѣкъ, по мнѣнію спиритовъ, можетъ видѣть духовъ, потому что его душа въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ не стѣснена въ это время и не ограничена узами тѣла. (Возраженіе см. выше).

Но въ бодрственномъ состояніи человѣкъ только тогда можетъ видѣть духовъ, когда его органы особеннымъ образомъ къ этому расположены, т. е. когда ихъ жидкость легко можетъ соединиться съ міровою.

Можно-ли вызвать духа?

Иногда можно, но очень рѣдко, отвѣчаютъ спириты, — большею частью духи появляются сами.

Какъ же они объясняютъ вообще видѣнія и какую придумали для нихъ теорію.

Большею частью эти видѣнія являются во снѣ. Они могутъ быть различныхъ родовъ: или являются предметы, существующіе во время самаго видѣнія, или бывшіе въ прошломъ, или, наконецъ, принадлежащіе только будущему времени, — видѣнія предсказательныя, т. е. является то, чего вовсе нѣтъ.

Конечно, это послѣднее замѣчаніе уже очень хитро; но это говоримъ не мы, а говорятъ спириты.

Разумѣется, чтобы хоть сколько-нибудь успокоить обыкновенный здравый человѣческій умъ, который никакъ не можетъ переварить сейчасъ сказанной нелѣпости, спириты должны бы сказать, что новыхъ предметовъ въ мірѣ нѣтъ, а что будущими они могутъ быть только для насъ, которые ихъ до извѣстнаго времени не знали.

Но есть явленія, которыя въ извѣстное время могли и не быть, а совершиться только впоследствии; любопытно знать, какъ же спириты объясняютъ ихъ видѣнія? Вѣдь, по ихъ мнѣнію, всякое видѣніе есть дѣйствительный предметъ!

Впрочемъ, кажется, что спириты думаютъ, будто духи могутъ намъ представлять нѣчто въ родѣ живыхъ или туманныхъ картинъ, даже иносказательныя (аллегорическія), которыя должны намъ преподавать какой-нибудь полезный урокъ, предостереженіе и т. п., а иногда и разжечь наши страсти, ввести насъ въ заблужденіе и пр.

Спириты очень далеко заходят въ своихъ разсказахъ о являющихся духахъ; такъ они съ точностью описываютъ, какія части являющагося духа бываютъ рѣзче обрисованы, какія слабѣе; слабѣе всего, говорятъ они, обозначаются нижнія конечности (ноги). Притомъ такіе духи никогда не ходятъ, а скользятъ, какъ тѣни.

Любопытный народецъ эти, придуманные спиритизмомъ, какіе-то воображаемые духи!

Вездѣ-ли могутъ они войти?

Вездѣ, потому что ихъ полувещественная оболочка имѣетъ способность проникать сквозь всякое вещество; стало быть, никакая дверь, никакая стѣна не могутъ защитить отъ ихъ визита. Неправда-ли, что на свѣтѣ найдется очень много людей, которые бы дорого дали за такую способность?

ГЛАВА II.

Впослѣдствіи мы будемъ говорить подробно о галлюцинаціяхъ, но теперь должны сказать, какъ объясняютъ это состояніе спириты.

Галлюцинаціей обыкновенно называютъ обманъ чувствъ какого-нибудь лица, состоящій въ томъ, что ему кажутся различныя представленія и впечатлѣнія, которыхъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Физиологи объясняютъ это болѣзненнымъ состояніемъ нервовъ, спутанностью ихъ дѣятельности, но спириты говорятъ не то.

Причина сновъ, разсуждаютъ они, никогда не была удовлетворительно объяснена наукой: она приписываетъ ихъ воображенію; она говоритъ, что сны — это воспоминаніе о томъ, чѣмъ душа была занята наканунѣ. Пусть же наука, восклицаютъ они, объяснитъ, откуда происходитъ столь частое совпаденіе появленій во снѣ умершаго лица съ минутой дѣйствительной его кончины?

Спириты объясняютъ все это, какъ мы уже знаемъ, дѣйствительнымъ появленіемъ во снѣ различныхъ предметовъ.

Вотъ какъ можно объяснить по спиритизму, напр., появленіе фигуры человѣка въ то же время, какъ этотъ настоящій человѣкъ обрѣтается въ другомъ болѣе или менѣе отдаленномъ мѣстѣ: во снѣ духъ, съ своей внутренней оболочкой, очень легко отдѣляется отъ тѣла; а такъ какъ эта оболочка можетъ сдѣлаться и видимой, то, конечно, въ то время,

когда внѣшняя тѣлесная оболочка человѣка прозаически-грубо храпитъ, — его внутренняя, тонкая оболочка, вмѣстѣ съ сидящимъ въ ней духомъ, можетъ странствовать, гдѣ ей угодно. Духъ и внутренняя оболочка живого человѣка хотя и позволяютъ себѣ иногда странствовать вдали отъ тѣла, но всегда держатся этимъ послѣднимъ, такъ-сказать, на нѣкоторой веревочкѣ, а именно: какъ бы далеко ни отошелъ духъ отъ тѣла, они всегда соединены свѣтлой лентой, которую и видятъ многіе медиумы.

Если духа видятъ на такой свѣтлой веревочкѣ, то онъ принадлежитъ живому тѣлу; если же нѣтъ, то мертвому, или, вѣрнѣе, никому не принадлежитъ — получилъ вольную, ибо смерть, говорятъ спириты, производитъ совершенное отдѣленіе отъ тѣла его внутренней оболочки и духа.

Теперь другой вопросъ: превращеніе.

Превращеніе состоитъ въ томъ, что живое тѣло перемѣняетъ свой видъ. Эту штуку духа уже гораздо труднѣе объяснить, чѣмъ видѣнія; но умъ человѣческій хитеръ: посмотрите, какъ сейчасъ спириты докажутъ вамъ, что, принимая на себя другой видъ, часто неимѣющій ничего общаго съ первымъ, обычнымъ его видомъ, духъ въ то же время нисколько не отдѣляется отъ своей оболочки.

Надо принять, говорятъ спириты, что духъ можетъ сообщать своей оболочкѣ всякія формы, всѣ фигуры, фізіономіи и пр. (почему надо принять — не извѣстно).

Вы видите, что это — старья бредни древнихъ магиковъ, которые никакъ не могли отрѣшиться отъ матеріи своихъ воображаемыхъ духовъ.

Надо допустить, что духъ можетъ произвести такое измѣненіе въ группировкѣ, расположеніи и сгущеніи частицъ внутренней оболочки, что она совершенно измѣнитъ свою форму и сдѣлается видимою, осязательною. Эта перемѣна можетъ совершиться соединеніемъ первобытныхъ жидкостей. Представимъ себѣ, напр., внутреннюю оболочку живого лица, не отдѣльную, но, облекшую тѣло какъ будто легкимъ облакомъ или туманомъ; это значитъ, что внутренняя оболочка

вылезает наружу, или, такъ сказать, тѣло и внутренняя оболочка, лицевая сторона и изнанка, будутъ какъ бы выворочены. Неправда-ли, занимательно?

Вотъ эта-то полувоздушная оболочка и дѣлается вдругъ непрозрачной, а тѣло сквозь нее становится невидимымъ, т. е. или мы ничего не видимъ на мѣстѣ бывшаго тѣла, или видимъ что-нибудь другое, ту форму, которую угодно было принять полувещественной оболочкѣ.

Мало этого, спириты еще говорятъ, что духъ можетъ сдѣлать все, что ему угодно изъ первобытной эфирной матеріи, такъ какъ всѣ вещества природы суть только извѣстные видоизмѣненія этой первобытной матеріи.

Стало быть, духъ можетъ сейчасъ же сдѣлать табакерку, востюмъ, шапку, сапоги и пр. Оно и нетрудно: эфирная матерія наполняетъ всю природу, всегда находится подъ руками и ничего не стоитъ.

Не потому-ли духи и могутъ такъ расточительно дарить цвѣты, конфекты и драгоценности: вѣдь имъ за нихъ не деньги платить!

Итакъ, духъ дѣйствуетъ на вещество; онъ черпаетъ во всемірномъ веществѣ необходимые элементы для образованія предметовъ, которые имѣютъ видъ различныхъ вещей, находящихся на землѣ.

Онъ точно также можетъ дѣйствовать на первобытное вещество, можетъ своей волей производить въ немъ совершенное преобразованіе, которое даетъ ему опредѣленные свойства. Эта способность есть природное свойство духа; онъ ее часто обнаруживаетъ инстинктивно, безсознательно. Предметы, имъ такимъ образомъ сдѣланные, имѣютъ существованіе временное, подчиненное его волѣ; онъ можетъ ихъ сейчасъ же сдѣлать и разрушить. Они могутъ казаться людямъ видимыми, осязательными, словомъ — дѣйствительными.

Ну, не великіе-ли фабриканты и ремесленники эти почтенные духи?

Этой же теоріей объясняютъ спириты и то, что магнети-зеры измѣняютъ, какъ имъ угодно, свойства воды.

Что же тутъ происходитъ, по мнѣнію спиритовъ?

Тутъ дѣйствуетъ духъ магнетизера, большею частью въ сообществѣ съ другимъ какимъ-нибудь духомъ; онъ производитъ это измѣненіе посредствомъ магнетической жидкости, которая, какъ извѣстно, больше всего приближается къ міровому веществу или первобытной всемірной матеріи.

Если магнетизеръ можетъ производить измѣненіе въ свойствахъ воды, то нѣтъ причины, почему бы ему не производить подобныхъ же измѣненій и въ свойствахъ другихъ жидкостей организма, а этимъ и объясняютъ они цѣлительное дѣйствіе правильно употребленнаго магнетизма.

По словамъ спиритовъ, духи дѣйствуютъ на всѣ наши органы, на всѣ наши чувства, могутъ быть видимы глазами въ видѣніяхъ, могутъ дѣйствовать на осязаніе, явно или тайно, на слухъ—шумомъ, на обоняніе—различными запахами, вдругъ распространяющимися безъ всякой видимой причины.

Но самыя важныя и безопыбчныя средства сообщеній — это стукъ, слово и письмо.

Простой стукъ, какъ языкъ духовъ,—это важное открытіе спиритовъ; въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ никто и никогда не предполагалъ, чтобы трескъ мебели, стола, какого-нибудь невзрачнаго стула или шкафа обозначалъ не просто трескъ, напр., отъ сырости, но слова духовъ, ихъ языкъ! А между тѣмъ это также утверждаютъ спириты. Науки, толкующія объ этихъ предметахъ, они даже назвали особенными именами: *сематологій* и *типтологій*.

Начнемъ съ разныхъ подергиваній стола.

Во-первыхъ, столъ можетъ поднять одинъ свой край и затѣмъ опуститься, топнувъ ножкой. Для этого нужно только, чтобы медиумъ положилъ руку на край стола; если онъ хочетъ говорить съ духомъ опредѣленнымъ, то онъ долженъ прежде всего вызвать его по имени; иначе явится духъ, какой ни-попало.

Мы уже знаемъ, что одушевленный столъ можетъ отвѣчать да и нѣтъ на различныя вопросы, знаемъ даже и азбуку, которой можно выучить этихъ духовъ.

Замѣтили очень любопытную особенность въ этихъ стукахъ, выражающихъ да и нѣтъ; чуткія, такъ сказать, спеціальныя уши спиритовъ и въ этихъ простыхъ звукахъ замѣчаютъ нѣкотораго рода мимику... Дѣло въ томъ, что для спиритовъ эти стуки выражаютъ различныя степени и характеръ чувствъ духа въ данное время: они бываютъ нѣжные, благосклонныя, печальныя, веселыя, сердитыя и пр.

Въ знакъ благоволенія, столъ можетъ однимъ концомъ наклониться передъ вами въ видѣ поклона; если духъ захочетъ обратиться со своей рѣчью именно къ одному лицу въ обществѣ, то онъ направляетъ къ нему столъ слегка или порывисто, смотря по тому, что онъ чувствуетъ къ этому лицу: симпатію или отвращеніе.

Языкъ такихъ знаковъ спириты называютъ *сематологіей*, а языкъ стука, треска — *титологіей*.

Мы уже говорили объ азбукѣ такихъ стуковъ; сказали, въ чемъ она состоитъ, и что она замедляетъ интересную бесѣду съ такими дорогими гостями, какъ духи.

Этотъ способъ былъ еще упрощенъ слѣдующимъ образомъ: Надо имѣть передъ собою азбуку и цифры до 10. Затѣмъ слѣдитъ чѣмъ-нибудь, напр. карандашомъ, по азбукѣ и останавливать его на той буквѣ, которую укажетъ духъ своимъ стукомъ: напр., вы ведете карандашомъ по буквамъ а, б, в, г, — и вдругъ, когда карандашъ проходитъ черезъ д, духъ стучитъ—это значитъ, что ему нужно д. Эту букву и записываютъ.

Такимъ образомъ довольно скоро получаютъ слова и цѣлыя фразы. Такимъ же образомъ можно получить и какія угодно обозначенія количества, если дѣло идетъ о нихъ.

Конечно, ошибаться свойственно смертному, въ особенности разговаривая съ невѣдомымъ духомъ; можно, напр., отнѣтитъ одну букву вмѣсто другой, но и тутъ духъ помогаетъ. Онъ сейчасъ же предупреждаетъ нѣсколькими безпокойными стуками или движеніями, подергиваніями стола, что сдѣлана ошибка, — и ее нужно сейчасъ поправить.

Даже и эту работу можно сократить: вѣдь по началу слова

большею частью легко бывает отгадать его конецъ, стало быть, нечего и выслушивать духа до конца каждаго слова, а довольно знать его начало. Этотъ способъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что представляетъ обширное поприще вымысламъ и прихвотной фантазій; по началу нѣкоторыхъ словъ можно составлять какіе угодно отвѣты.

Но все-таки всѣ эти способы, какъ ни усовершенствованы они, не могутъ, однакожъ, соперничать въ быстротѣ съ прямымъ письмомъ. Поэтому всѣ они теперь очень мало употребляются.

Какъ же получить грамотку отъ духа?

Сосредоточенностью, просьбами, мольбами, вызываніемъ. Видите, сколько еще церемоній!

Для такого писанія духъ не нуждается ни въ нашихъ веществахъ, ни въ нашихъ орудіяхъ; онъ самъ собѣ приготовляетъ вещества и орудія, черпая свои матерьялы изъ первобытныхъ элементовъ, которымъ онъ придаетъ, силою своей воли, требуемыя измѣненія.

Потому-то онъ такъ же легко можетъ приготовить красный карандашъ и какіи угодно чернила, какъ и черный карандашъ; по крайней мѣрѣ спириты увѣряютъ, что были и такіе случаи.

Мы уже видѣли, что лицо, одаренное медіальностью, можетъ сообщить круговращеніе столу и всякому другому предмету. Возьмемте же теперь, вмѣсто стола, маленькую корзинку, вершковъ 5 въ шприну, все равно изъ какого бы то ни было дерева.

Если мы вставимъ въ дно этой корзинки вертикально карандашъ, хорошенько укрѣпимъ его, и если будемъ такъ держать корзинку, чтобы карандашъ упирался прямо кончикомъ въ бумагу, подъ него подложенную, то, когда установимъ корзинку какъ сейчасъ сказано и положимъ на края ея пальцы, она начнетъ писать.

Она не будетъ вертѣться, но станетъ чертить карандашемъ на бумагѣ или совершенно бессмысленныя черточки, или буквы, а скорѣе — ихъ подобіе.

И вотъ, если хотять разговаривать съ предполагаемымъ духомъ, то, вмѣсто постукиваній, онъ будетъ отвѣчать писанными словами.

Движенія корзинки, по мнѣнію спиритовъ, совершенно разумны, сознательны, — однакожъ несовсѣмъ; такъ, напр., духъ не умудрился переходить со строчки на строчку, какъ умѣть дѣлать у насъ даже самый плохой бумагомаратель, а пишетъ концентрическими кругами, отчего его письмо представляетъ видъ свернутой пружины. Вообще, сіе писаніе есть порядочное вараксанье, ибо буквы нечетки, слова не раздѣлены, но истый медіумъ долженъ легко разбирать эти каракули.

Вмѣсто корзинки могутъ быть употреблены и картонныя коробочки, хоть въ родѣ конфектныхъ.

Медіумъ, въ качествѣ учителя малограмотнаго духа, можетъ ему помочь слѣдующимъ образомъ:

Онъ кладетъ на края корзины палочку, укрѣпляетъ ее и въ одинъ конецъ вертикально вставляетъ карандашъ; затѣмъ весь приборъ ставитъ на бумагу и кладетъ на края ея пальцы. Приборъ начинаетъ писать, но гораздо четче предъидущаго, да и строчки-то идутъ какъ слѣдуетъ, потому что медіумъ переноситъ корзинку куда нужно, какъ только она напишетъ строчку. Читатель безпокойнаго нрава можетъ спросить: отчего же медіумъ не можетъ такимъ же образомъ руководить корзиной, когда карандашъ воткнуть въ ея дно? — или, если этого ужъ никакъ нельзя, то почему же духи, столь хитрые на все, — духи, созидающіе всякія вещи почти что изъ ничего, имѣющіе мудрость змія и изобрѣтательность нѣмца, — отчего же эти духи не могутъ сдѣлать самаго пустого дѣла — перенести корзинку со строчки на строчку?

Но мало-ли чего бы вы ни спросили у спиритовъ!

Вмѣсто корзинокъ, надо полагать, для разнообразія, употребляютъ и маленькіе столики, а также и просто дощечки: четвероугольныя, трехъугольныя или яйцевидныя (овальныя); ихъ длина должна быть не больше 5 вершковъ и на одномъ ихъ концѣ надо сдѣлать косвенную дырку для карандаша.

Но въ сущности не нужно заказывать ни этихъ корзинокъ,

ни столиковъ, ни даже дощечекъ; обо всемъ этомъ спириты разговариваютъ для пущей важности или для препровождения времени; дѣло въ томъ, что духъ можетъ взять прямо руку медиума, вооруженную карандашомъ, и писать ею.

Что же такое эти медиумы? Пора же и съ ними покороче познакомиться, такъ какъ они составляютъ, такъ сказать, тѣлесную канцелярію безтѣлеснаго начальства.

Всякое лицо, чувствующее въ какой бы то ни было степени вліяніе духа, есть медиумъ. Замѣтите, что эта способность не во всѣхъ медиумахъ обнаруживается одинаково.

Медиумы бываютъ различнаго сорта, и всѣхъ ихъ даже трудно перечестъ, но попробуемъ описать нѣкоторыхъ:

1) *Медиумы, производящіе физическія дѣйствія.* Они производятъ разные шумы, стуки, движенія безжизненныхъ предметовъ и пр.

2) *Медиумы чувствительные или впечатлительные.* Такіе медиумы тотчасъ же чувствуютъ присутствіе духа, испытывая при этомъ какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, какой-то трепетъ во всѣхъ членахъ, — трепетъ рѣшительно безотчетный.

3) *Слушающіе медиумы.* Они имѣютъ способность слышать голоса духовъ; мы сказали выше, что эти голоса называются *пневматофоніей* и опредѣлили, что она такое.

4) *Говорящіе медиумы.* Собственно говоря, это тоже слушающіе медиумы, передающіе только голоса духовъ; они даже не могутъ сами отъ себя сказать ничего путнаго, а ихъ органы рѣчи служатъ для духовъ такими же механическими орудіями, какъ, напр., корзины или ножки стола.

5) *Видящіе медиумы.* Сюда относятся такіе медиумы, которые одарены способностью видѣть духовъ. Этой способностью они пользуются и въ бодрственномъ состояніи и могутъ помнить совершенно ясно то, что видѣли; другіе же имѣютъ эту способность только во время сомнамбулическаго усыпленія.

6) *Пишущіе медиумы.* О нихъ мы уже говорили выше.

7) *Медиумы-сомнамбулы.* Сомнамбулизмъ, о которомъ мы вполнѣдствіи будемъ говорить подробно, считается спиритами

только однимъ изъ видовъ медіальности или, вѣрнѣе, они думаютъ, что эти два явленія очень часто сопровождаютъ другъ друга.

8) *Медиумы-врачи*. Это такіе медиумы, которые имѣютъ способность излечивать отъ всякихъ болѣзней прикосновеніемъ рукъ и даже взглядомъ, безъ помощи какого-бы то ни было лекарства.

Нѣкоторые скажутъ, что это ничто иное, какъ животный магнетизмъ. Конечно, магнетизмъ играетъ тутъ важную роль; но правильное магнетизированіе есть послѣдовательное и методическое леченіе; въ спиритизмѣ же это дѣлается нѣсколько иначе. Медиумы часто лечатъ, сами того не зная.

Затѣмъ есть еще очень много разнообразныхъ сортовъ медиумовъ: мы перечислимъ ихъ названія, которыя покажутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ особенныя занятія.

Такъ, есть медиумы *пневматографы*, медиумы—страдательныя орудія духовъ, медиумы: стучащіе, двигающіе, переносящіе предметы, музыканты, ночные и пр., и пр.

Мы должны сдѣлать еще слѣдующую замѣтку относительно пишущихъ медиумовъ: вамъ извѣстно, что у каждаго человѣка есть свой почеркъ. Спрашивается: какимъ почеркомъ вообще пишутъ медиумы: своимъ собственнымъ или почеркомъ какого-нибудь духа? Спириты утверждаютъ, что такіе медиумы пишутъ не своимъ почеркомъ, но что они пишутъ различными почерками, смотря по тому, подъ вліяніемъ какаго духа находятся. Мало этого — почеркъ одного и того же духа никогда не мѣняется и притомъ соотвѣтствуетъ почерку, который имѣлъ этотъ духъ во время своей тѣлесной жизни.

Мы сказали выше, что дѣйствія медиумовъ могутъ быть объяснены какой угодно изъ самыхъ древнихъ магическихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вамъ, напр., объясненіе дѣйствій медиумовъ приверженцами ученія о міровомъ звѣздномъ свѣтѣ (Элифаса Леви).

„Звѣздный свѣтъ есть живая душа земли, душа вещественная и роковая, управляемая въ своихъ дѣйствіяхъ и произ-

веденіяхъ вѣчными законами всемірнаго равновѣсія. Этотъ свѣтъ, который проникаетъ и окружаетъ всѣ тѣла, можетъ уничтожить ихъ тяжесть и заставить ихъ вертѣться около одного центра, если этотъ послѣдній имѣетъ въ значительной степени способность поглощать этотъ свѣтъ.

Вотъ этому-то явленію и нужно приписать, напримѣръ, древніе магическіе вихри, въ средину которыхъ помѣщался волшебникъ. Этимъ свойствомъ звѣзднаго свѣта надо объяснить порабощеніе нѣкоторыхъ птицъ различными пресмыкающимися, а также вообще чувствительныхъ человѣческихъ натуръ—спльными.

Сюда же относятся и медиумы. Въ самомъ дѣлѣ, что они такое?

Это существа большей частью больныя (?), втягивающія въ себя звѣздный свѣтъ. Вотъ этимъ-то потокомъ звѣзднаго свѣта, стремительно проникающимъ медиума, и производятся разныя физическія явленія спиритизма; онъ-то и можетъ увлечь, какъ соломенку, самые тяжелые предметы.

Въ медиумахъ нарушено естественное равновѣсіе тѣла и духа; жидкое первобытное вещество въ нихъ дурно сформировано; они могутъ дѣйствовать своей притягательной силой на большое разстояніе и даже въ воздухѣ создаютъ себѣ невидимыя руки.

Въ самомъ дѣлѣ, когда знаменитый медиумъ Юмъ вытягивалъ вокругъ себя безтѣлесныя руки, то его собственныя были холодны, точно у покойника; отсюда заключаютъ, что у медиума вообще жизнь борется со смертію.

Стало быть и медиумы, и всѣ люди, портящіе людей и животныхъ,—люди, которые могутъ слазить и пр., ничто иное, какъ сказочные вампиры, втягивающіе въ себя изъ другихъ недостающія имъ жизненныя силы. Они иногда дѣлаютъ это совершенно невольно, и тогда ихъ надобно лечить.

Неправда-ли, странный взглядъ на медиумовъ?

И сомнамбулизмъ, и медиальность—вещи мало объяснимыя; но недавно они вздумали провѣрить другъ друга, что, конечно, вышло очень любопытно.

Въ обществѣ спиритовъ былъ сомнамбуль. Какъ только духъ принимался стучать, сомнамбуль видѣлъ духа. Онъ объявлялъ его намѣренія и дѣйствія, описывалъ всѣ подробности его приготовления ко вступленію въ разговоръ съ людьми, предупреждалъ о случаяхъ, которые готовы были произойти.

И замѣчательно, что стукъ невидимой руки, карандашъ медиума и дальнѣйшія его дѣйствія — все это въ совершенной точности соотвѣтствовало предупрежденіямъ сомнамбула.

Мы должны еще упомянуть о новомъ употребленіи, которое можетъ сдѣлать спирить изъ поработеннаго имъ духа — это именно употребить его, какъ матеріалъ для освѣщенія; вѣдь несомнѣнно для спиритовъ, что духъ можетъ свѣтить.

Вотъ что рассказываетъ объ этомъ предметѣ одинъ спирить:

Этотъ свѣтъ, произведенный духомъ въ темной комнатѣ, является не вдругъ; надо ждать его довольно долго.

Наконецъ появляется блескъ — точно отъ куска фосфора. Но дѣло въ томъ, что это все-таки не фосфоръ; отъ него нѣтъ никакого запаха, обыкновенно отличающаго это вещество.

Свѣтъ этотъ въ восемь разъ больше свѣта свѣтящагося червячка и поднимается аршина на полтора; въ немъ переливаются желтый и зеленый цвѣтъ. Этотъ свѣтъ то исчезаетъ, то появляется снова, вспыхиваетъ у ногъ медиума и гаснетъ.

Проходить нѣсколько секундъ — и новая вспышка свѣта является за однимъ изъ сидящихъ лицъ, свѣтитъ, затѣмъ блѣднѣетъ и становится слегка лучезарною.

Замѣтимъ, что этотъ свѣтъ не похожъ ни на какой другой изъ извѣстныхъ до сихъ поръ свѣтящихся предметовъ; ни мало не похожъ и на электрическое освѣщеніе.

Объясните этотъ свѣтъ, какъ хотите, и пользуйтесь имъ хоть для освѣщенія вашей комнаты, если вы — медиумъ.

ГЛАВА III.

Вотъ все, что говорятъ спириты о своей наукѣ; мы изложили все это по ихъ понятіямъ, ихъ языкомъ, и присодинали свои замѣтки только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Теперь намъ надо сказать кое-что о спиритизмѣ съ другой точки зрѣнія, посмотрѣть, что о немъ говорятъ не-спириты, что такое, въ самомъ дѣлѣ, этотъ спиритизмъ, откуда онъ вдругъ взялся, что о немъ надо думать?

Разсмотримъ все это нѣсколько обстоятельнѣе:

Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся вдругъ въ новѣйшее время этотъ спиритизмъ? Вѣдь до послѣдняго времени о немъ рѣшительно ничего не было слышно, хотя уже и нашъ читатель могъ замѣтить, что спиритизмъ черпаетъ свои ученія изъ очень многихъ весьма старыхъ магическихъ наукъ: такъ, напр., ученіе о всемірномъ первобытномъ веществѣ.

Но все-таки несомнѣнно, что спиритизмъ значительно видоизмѣнилъ всѣ эти ученія и ихъ дѣйствія, а потому спрашивается, какой же великій умъ могъ изобрѣсти его въ настоящее время, — время такого необъятнаго прогресса наукъ?

Мы расскажем исторію возникновенія спиритизма или, правильнѣе, случай возникновенія этого ученія.

Спиритизмъ, какъ мы уже выше замѣтили, возникъ въ

Америкѣ. Духи обнаружались американскому люду въ первый разъ стукомъ. Дѣло, говорить, случилось такъ:

Въ деревнѣ Гидвилъ, въ 1849 году, въ домѣ, занимаемомъ семействомъ Фоксъ, въ первый разъ услышали этотъ странный стукъ. Семейство это состояло изъ матери и двухъ дочерей.

Вотъ, 19 марта, онѣ услышали у себя въ домѣ странный шумъ: трещали столы, стулья, передвигались съ мѣста на мѣсто и пр. Ну, мало-ли подобныхъ случаевъ во всякихъ домахъ? Нѣтъ, этому случаю суждено было сдѣлаться источникомъ многихъ человѣческихъ глупостей.

Фантазеркѣ г-жѣ Фоксъ пришло въ голову, что стукъ этотъ не простой, что это дѣло какой-нибудь нечистой силы, т. е. то, что приходитъ въ голову и нашимъ деревенскимъ бабамъ.

Однакожъ, какъ извѣстно, деревенская баба вообще не отличается привычкой развивать свои идеи, какова бы ни была степень ихъ геніальности. Далеко не то американка: бѣда идеѣ, которая невзначай попадетъ въ ея изобрѣтательную голову: изъ нея возникаетъ цѣлая философская система, цѣлая промышленность, цѣлый романъ,—возникаетъ даже спиритизмъ.

И спиритизмъ возникъ. Г-жѣ Фоксъ пришло въ голову, что если стучатся въ дверь духи,—духи—существа, конечно, разумныя,—то вѣдь не даромъ же стучатся, а, разумѣется, затѣмъ, чтобы ихъ впустили, чтобы поговорить, побесѣдовать.

Стало-быть простая вѣжливость велитъ обратиться къ духу съ вопросомъ хоть бы для того, чтобы завязать разговоръ; дама должн дѣйствовать дамскимъ оружіемъ.

Итакъ, начался однажды разговоръ весьма, впрочемъ, невиннаго содержанія, какіе обыкновенно бываютъ между мало-знакомыми лицами.

— Сколько лѣтъ моей старшей дочери? спросила г-жа Фоксъ.

Послышалось 14 ударовъ; это г-жа Фоксъ естественно написала отвѣту духа. Дескать, четырнадцать лѣтъ вашей дочери. Это было совершенно вѣрно.

Насчетъ младшей было сказано такимъ же образомъ, что ей 12 лѣтъ — и это было совершенно вѣрно.

Вопросы и отвѣты, конечно, не могли этимъ ограничиться; несчастный духъ попался пытливой и, вѣроятно, очень праздной барынь, которая очень скоро ухитрилась выпытать у него слѣдующія подробности: она узнала, что духъ—мужескаго пола, что во время своей тѣлесной жизни жилъ въ этомъ же домѣ, что былъ отцомъ многочисленнаго семейства и что-пятеро его дѣтей еще и теперь живы. Отъ этого препровожденія времени до основанія выгоднаго предпріятія—для американки одинъ шагъ.

Вскорѣ и мать, и дочери сдѣлались очень искусными въ бесѣдахъ съ духами, научились получать отъ нихъ для себя различные отвѣты—и дѣло пошло въ ходъ.

Вскорѣ, говорятъ американскіе статистики, число медиумовъ въ Америкѣ дошло до 30,000.

Вотъ и вся исторія происхожденія знаменитаго спиритизма.

Нѣкоторые кружки, производящіе въ Америкѣ обращеніе столовъ, основываютъ также свои дѣйствія на двухъ силахъ: положительныхъ или магнетическихъ и отрицательныхъ или электрическихъ.

Каждый такой кружокъ обыкновенно составляется изъ 12 лицъ; изъ нихъ 6 должны представлять силу положительную, а другіе 6 — отрицательную или чувствительную.

Но, спрашивается, какъ же узнать, кто именно изъ членовъ этого кружка будетъ вмѣстилищемъ силы положительной, а кто—силы отрицательной?

Прежде всего замѣтьте, что это различіе не основывается здѣсь вообще на различіи половъ, хотя новѣйшіе спиритисты и признаютъ, что въ женщинахъ заключаются преимущественно качества отрицательныя и чувствительныя, а въ мужчинахъ—положительныя и магнетическія.

Вообще преобладаніе тѣхъ или другихъ качествъ зависитъ отъ крѣпости и другихъ особенностей организаціи; вотъ почему пужно изучить ихъ прежде, чѣмъ составить такой кружокъ.

Такъ, есть очень нѣжнаго сложенія женщины, у которыхъ оказываются чисто мужскія спиритическія качества и наоборотъ.

Затѣмъ, когда будутъ выбраны и составлены кружки, нужно установить столъ. Для этого надо выбрать просторную комнату съ неспертымъ воздухомъ.

Между членами долженъ быть непремѣнно медиумъ, и онъ садится на концѣ стола совершенно отдѣльно отъ другихъ. Своимъ спокойствіемъ и своей созерцательностью онъ долженъ служить проводникомъ электричества кружка.

Вообще хорошій сомнамбуль бываетъ превосходнымъ медиумомъ. Когда медиумъ выбранъ, то надо выбрать 6 натуръ электрическихъ или отрицательныхъ, которыхъ узнаютъ по ихъ нѣжнымъ, женственнымъ чувствамъ и наклонностямъ.

Ихъ надо посадить по правую руку медиума, а ближе всѣхъ къ нему посадить самыя чувствительныя натуры; точно также нужно распорядиться и съ другими 6 лицами, которыхъ нужно посадить по лѣвую руку медиума. Тутъ самымъ близкимъ лицомъ должно быть наиболѣе одаренное силою ума.

Теперь надо образовать цѣпь, и съ этой цѣлью надо, чтобы каждое лицо положило на столъ правую руку, а на нее лѣвую руку сосѣда. Только медиумъ не долженъ прикасаться ни къ кому руками.

Когда такимъ образомъ будетъ составленъ кружокъ, то можетъ случиться, что всѣ лица разомъ почувствуютъ сотрясеніе именно въ то время, когда онѣ вызовутъ въ умѣ какого-нибудь духа.

Тоже надо сказать и относительно таинственныхъ стуконъ и странныхъ звуковъ; бываетъ, что нѣсколько лицъ, даже очень нечувствительныхъ, услышатъ все это въ одно время.

Что-же касается до лицъ особенно чувствительныхъ, то, въ опытахъ американскихъ медиумовъ, они очень скоро приобретали удивительныя способности, а именно писать чисто механически, благодаря невидимому притяженію.

Чувствуютъ это вліяніе и нечувствительные люди, но

оно недовольно сильно, чтобы заставить дѣйствовать ихъ руки.

Вертящіеся и говорящіе столы проникли въ Европу не раньше начала 1853 г. и быстро распространились отъ Нью-Йорка до береговъ Амура.

Вотъ еще любопытное описаніе одного господина, дѣлавшаго спиритическіе опыты, которое можетъ пополнить и пояснить наши свѣденія и понятія о спиритизмѣ.

„Въ срединѣ залы поставленъ столъ четырехугольный, простой, безъ всякихъ ящиковъ и безъ всякаго скрытаго механизма. Онъ состоитъ изъ двухъ складныхъ столешницъ изъ цѣльнаго краснаго дерева, лежащихъ на четырехъ ножкахъ, которыя соединены дощечками изъ этого же дерева.

„На такомъ столѣ поставлена лампа, которая образуетъ трехугольникъ съ двумя другими, поставленными на каминѣ.

„И вотъ медіумъ (женскаго пола) легко прикасается къ этому столу маленькимъ пальчикомъ. Это обыкновенный знакъ и исходная точка спиритическихъ опытовъ; очень часто случается, что сказанный медіумъ вовсе не касается стола пальцами.

„Иногда кажется, что такой медіумъ погруженъ въ какой-то внутренній разговоръ съ невидимымъ духомъ. Но вотъ духъ этотъ начинаетъ дѣйствовать—и обнаруживаются очень любопытныя явленія, какъ въ самомъ столѣ, такъ и въ окружающихъ его предметахъ; столъ становится предметомъ одушевленнымъ.

„Большей частью случается слѣдующее дѣйствіе: медіумъ вызываетъ или вопрошаетъ духъ; на это духъ сейчасъ отвѣчаетъ ударами, которые раздаются изъ сосѣдней мебели, изъ изъ пола или стѣнъ, но чаще всего изъ досокъ стола.

„Эти удары обнаруживаютъ всевозможные оттѣнки въ своей звучности.

„Но часто бываетъ, что эти звуки, этотъ стукъ являются сами собой: ихъ никто не вызываетъ, не требуетъ. Они становятся тогда знакомъ, что медіумъ вдохновился; тутъ-то онъ обыкновенно схватываетъ карандашъ, медъ тѣмъ какъ

его глаза подняты кверху, или блуждаютъ; медиумъ пишетъ, и является не болѣе, какъ орудіемъ пишущаго духа.“

Въ дополненіе свѣденій о спиритизмѣ мы дадимъ читателю извлеченіе изъ одной новой нѣмецкой книги о таинственныхъ наукахъ (Die Wahrsagung. V. C. Sterne); тутъ спиритизмъ рассматривается съ нѣсколько-ученой и неблагопріятной ему точки зрѣнія.

„Круговращеніе стола принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ движенія разныхъ неодушевленныхъ предметовъ, которыя производятся нашими пальцами, такъ сказать, неулловимо и могутъ составить предметъ особенной науки — *дактиломантіи*.“

Понятно, что для сообщенія движенія тяжелой мебели нужно содѣйствіе силъ нѣсколькихъ лицъ; вотъ почему обыкновенно многія изъ нихъ принимаютъ участіе въ подобныхъ спиритическихъ дѣйствіяхъ. Намъ уже извѣстно, что первоначально для этого движенія стола соединялось нѣсколько лицъ, которыя образовали на краю стола цѣпь положенными на него руками (какъ описано выше).

Сила этихъ рукъ мало-по-малу такъ скоплялась, что столъ поднимался, колебался, вертѣлся и приходилъ въ такое быстрое движеніе, что общество не въ силахъ было за нимъ слѣдить.

Мы сказали выше, что движеніе столовъ появилось въ Европѣ недавно, а именно въ первый разъ въ Бременѣ въ мартѣ 1853 г. Въ нѣмецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что въ Америкѣ 8 человекъ, мужчинъ и женщинъ, приводятъ въ круговое движеніе столъ вѣсомъ въ 160 фунт.

Опыты стали дѣлаться по всей Германіи, во всѣхъ городахъ и даже деревняхъ, и тысячи невѣрующихъ сдѣлались почти мгновенно самыми горячими поклонниками спиритизма, потому что эти опыты съ движущимися столами почти вездѣ были удачны.

Настало время, что во всей Европѣ, почти въ каждомъ домѣ были вечеромъ вертѣвшіеся столы, что всѣ почти столбцы газетъ наполнялись опытами надъ движущимися столами

и вытѣсняли на задній планъ самые горячіе общественные и политическіе вопросы.

Конечно, другіе (и большая часть) просто дѣлали всевозможныя усилія, чтобы во что бы то ни стало вертѣть столы, но нашлись и такіе пытливые умы, которые стали доискиваться причинъ этого страннаго явленія, старались объяснить его науками.

Прежде всего было предположено, что тутъ дѣло идетъ объ электрической и магнитной силѣ; и вотъ разные физики, химики, медики принялись изслѣдывать эти шаловливые столы электроскопами, магнитными стрѣлками, уединять ихъ, сами уединяться.

А толку все-таки не добились никакого: столы вертятся себѣ, а почему—не разберешь.

Ученый нѣмецъ Эннемозеръ заявилъ, что стальные магнитныя стрѣлки теряли свою силу вблизи двигавшагося стола, но что получали ее, и въ гораздо большей степени, когда помѣщали ихъ на такихъ вращавшихся столахъ. Такимъ образомъ готовы были признать эти столы электро-магнитными.

Приверженцы электрическихъ теорій предполагали, что опытъ удастся лучше при сухой погодѣ и съ совершенно сухой мебелью, а также, когда руки производящихъ его смочены хорошо проводящими электричество растворами.

Предполагалось, что нужно было равномерно зарядить электричествомъ весь столъ и скопить въ немъ много электрической силы; при этомъ и полъ долженъ быть также заряженъ электричествомъ, чтобы одноименныя электричества стола и пола, по законамъ физики, могли отталкиваться и столъ приподниматься на воздухъ.

Замѣчено, что если столъ пріостановится въ своемъ движеніи отъ перерыва цѣпи изъ рукъ или отъ какой-нибудь другой причины, то когда снова стануть его приводить въ движеніе, онъ будетъ двигаться гораздо легче, потому что, говорили физики, въ немъ уже скоплено много электрической силы отъ прежняго движенія.

Но такъ-какъ думали, что, во время движенія стола, вся ручная цѣпь была заряжена электричествомъ, то были убѣждены, что стоило кому-нибудь подойти къ ней и прикоснуться къ одной изъ ея рукъ — и столъ долженъ былъ сейчасъ остановиться, такъ-какъ электричество цѣпи выводилось этимъ прикосновеніемъ посторонней руки внѣ цѣпи и стола.

„Конечно, замѣчаетъ нашъ нѣмецкій авторъ, — всѣ эти ученыя объясненія обнаруживаютъ только совершенное незнаніе физики; вѣдь уже если приписывать это движеніе стола электричеству, то это послѣднее должно дѣйствовать по всѣмъ, уже отлично изученнымъ, его физическимъ законамъ.

„А между-тѣмъ видимъ совершенно противное: столъ ничѣмъ не отдѣленъ (уединенъ) отъ земли, а электричество въ немъ скопляется и не уходитъ въ землю; затѣмъ прикосновеніе руки подошедшаго человѣка выводитъ изъ стола все его электричество, а гораздо болѣе сильное соприкосновеніе съ поломъ непосредственно и посредствомъ всѣхъ, сидящихъ вокругъ этого стола лицъ — не могутъ этого сдѣлать.“

Конечно, настоящіе физики оstonбѣнли отъ подобныхъ объясненій; но, какъ-бы то ни было, самыхъ явленій они не могли отрицать, потому что они совершались предъ ихъ глазами.

Были еще физическія объясненія явленія движущихся столовъ, но они мало встрѣтили сочувствія въ ученыхъ и публикѣ: для ученыхъ онѣ показались несовсѣмъ точными и правильными, а для публики — недовольно удобопонятными, а, можетъ быть, и занимательными...

Между тѣмъ, какъ физики пытались такимъ образомъ неудачно объяснить разсматриваемое явленіе, фізіологи начали стараться объяснить его своей наукой: принялись за нервныя раздраженія, за мускульныя сокращенія, за месмеризмъ и проч.

Думали, что эта нервная сила идетъ круговымъ движеніемъ по всей ручной цѣпи и этимъ вызываетъ въ деревѣ стола силу, дѣйствующую въ противоположномъ направленіи. Это объясненіе частью основывали на томъ, что отъ этого

вращенія стола чувствуется въ рукѣ какое-то вытягиваніе— конечно, отъ усталости.

Усталость и задержанное кровообращеніе въ такихъ частяхъ тѣла, которыя были въ напряженномъ состояніи и въ одномъ положеніи довольно долго, есть совершенно простая причина всѣхъ странныхъ, необыкновенныхъ ощущеній; дѣйствительно, какъ-бы ни было удобно принятое нашимъ тѣломъ положеніе, мы его сохраняемъ обыкновенно не больше нѣсколькихъ минутъ.

Будемъ-ли мы спать или нѣтъ, мы постоянно и безсознательно измѣняемъ положеніе органовъ нашего тѣла; если же мы нарочно будемъ удерживать ту или другую часть тѣла въ извѣстномъ, опредѣленномъ положеніи, то получатся болѣзненные припадки, которые могутъ, наконецъ, перейти въ судороги, обморокъ и пр.

Изъ наблюденій оказывается, что спиритическая сила различныхъ лицъ бываетъ очень разнообразна; такъ, всего сильнѣе дѣйствуютъ молодыя дамы, въ періодъ ихъ полового развитія; старики больше препятствуютъ дѣлу, чѣмъ помогаютъ ему.

Нерѣдко случается, что вдругъ получается гораздо болѣе сильное дѣйствіе, какъ только къ обществу присоединится одно какое-нибудь лицо; если такихъ лицъ нѣтъ, то часто приходится ждать по цѣлымъ часамъ начала движенія стола.

Предполагали, что начало такого движенія обнаруживалось тѣмъ, что столъ колебался волнообразно; правильнѣе сказать: онъ начиналъ слегка покачиваться, при чемъ обыкновенно слышался небольшой шумъ, стукъ, трескъ. Говорили, что иногда столы при этомъ раскалывались.

Затѣмъ было узнано, что движеніе, подобное движенію столовъ, могутъ получить какіе угодно предметы: и вотъ волея-неволей пустились въ плясъ шляпы, тарелки, стаканы, даже люди.

Но читателю, наконецъ, любопытно знать, что же говорили объ этомъ обще-наблюдаемомъ, несомнѣнномъ явленіи знаменитые ученые естествоиспытатели? Они сначала просто-на-

просто молчали, такъ-какъ самое явленіе было очень неопредѣленно и толки о немъ спутаны и, очевидно, преувеличены.

Но наконецъ высказали свое мнѣніе и Ал. Гумбольдтъ, и Араго, и Фарадей, знаменитый англійскій физикъ. Мы приводимъ здѣсь цѣлкомъ мнѣніе этого послѣдняго, какъ наиболѣе обстоятельное:

„Обращеніе столовъ приписывали то электричеству, то магнетизму, то всемірному притяженію, то какой-то еще неизслѣдованной физикою силѣ природы, которая можетъ оживлять неодушевленные предметы, то, наконецъ, обращенію земли, вліянію демоиническихъ силъ и пр.

„Всѣ перечисленныя вліянія, за исключеніемъ послѣдняго, до котораго наукѣ нѣтъ никакого дѣла, должны быть изслѣдованы физикомъ.

„Прежде всего были сдѣланы опыты, не имѣеть-ли на это движеніе стола вліяніе мускульная сила руки, и для этихъ опытовъ подкладывали подъ руки различныя вещества: песочную бумагу, клей, стекло, гипсъ, картонъ, гутта-перчу, каучукъ, дерево, цементъ и пр.

„Но все это нисколько не измѣняло дѣйствія: столы вертѣлись, какъ-будто ничего не было подъ руками, на нихъ лежавшими.

„Затѣмъ нужно было изслѣдовать источникъ этихъ движеній, нужно было узнать, что чѣмъ движется—столъ-ли руками или руки столомъ. Съ этой цѣлью были устроены особые указатели.

„Одинъ изъ такихъ указателей состоялъ изъ легкаго рычага, имѣвшаго точку опоры на столѣ; болѣе короткое плечо его находилось въ сообщеніи съ бумагой посредствомъ иглы; эта бумага могла скользить по поверхности стола; болѣе длинное плечо должно было служить указателемъ движенія.

„Понятно, что при движеніи стола влѣво (по волѣ производящаго опытъ) и указатель долженъ былъ также двигаться влѣво, такъ-какъ его точка опоры была прикрѣплена къ столу. Если-же, напротивъ, двигались руки нѣсколько влѣво и

движеніе не выходило отъ стола, то указатель долженъ былъ двигаться вправо.

«И вотъ получились какія явленія:

«Пока дѣлавшіе опытъ смотрѣли на указателя, онъ не приходилъ въ движеніе; но затѣмъ, когда его отъ нихъ скрывали или они смотрѣли въ другую сторону, то указатель этотъ начиналъ колебаться.

«Если столъ не двигался, то все-таки получалось слѣдствіе силы рукъ въ томъ направленіи, въ которомъ было желаніе движенія, которое между тѣмъ и производилось безъ вѣдома производившихъ опыты.

«Откуда же бралось это движеніе?

«Вотъ откуда: мало-по-малу пальцы отъ напряженного давленія дѣлались оочувствительными и безчувственными и получали силу, которая была достаточна для произведенія этого движенія.»

Намъ невозможно здѣсь излагать все ученое изслѣдованіе знаменитаго Фарадея относительно движущихся столовъ; мы можемъ только сказать, что онъ математически-точно вычислилъ, что отъ дѣйствія рукъ получается косвенное давленіе, которое вполне достаточно для приведенія стола въ кругообращеніе.

Но при этомъ, чтобы не замѣчать, что мы сами производимъ такое движеніе стола, мы должны въ значительной степени утѣлять наши мускулы, нервы и мозгъ продолжительнымъ сидѣніемъ все въ одномъ и томъ же положеніи.

Вотъ почему свѣжее силами, неутомленное общество не производитъ круговращеніе стола: оно должно прежде утомиться. Вотъ почему такое движеніе производятъ легче люди слабаго сложенія, нервныя, напримѣръ, дѣти, женщины, чѣмъ другіе.

Это утомленіе лукаво достигается неудобствомъ положенія тѣла во время сидѣнія за столомъ, запрещеніемъ измѣнять положеніе руки, приказаніемъ обращать все вниманіе на сохраненіе цѣпи изъ рукъ и пр.

Отъ этого начинаются сокращенія и удары ручныхъ мус-

куловъ, стукъ, трескъ въ кисти руки, гдѣ скопляется кровь и производитъ сильную испарину.

Предположимъ теперь, что вокругъ стола сѣло пять человѣкъ; столъ круглъ, на одномъ столбикѣ, оканчивающемся тремя ножками; діаметръ его доски въ 4 фута, а вѣсъ всего стола $1\frac{1}{2}$ пуда. Каждое лицо, незамѣчая этого, производитъ по направленію рукъ довольно значительное давленіе на столъ.

Давленіе это, въ началѣ незначительное, напр., фунтовъ на 6, затѣмъ по мѣрѣ утомленія рукъ, становится вдвое и даже втрое большимъ. Давленіе это не происходитъ ни въ вертикальномъ направленіи, ни въ горизонтальномъ, но въ косвенномъ, и именно подъ угломъ 56° .

По законамъ механики, такую косвенную (діагональную) силу можно разложить на двѣ, изъ которыхъ одна дѣйствуетъ на столъ сверху внизъ и уничтожается противодѣйствіемъ ножки стола, а другая толкаетъ столъ горизонтально т. е. въ сторону.

Но такъ какъ тутъ дѣйствуютъ многія руки, то и силъ, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи, а именно въ горизонтальномъ, накапливается довольно много.

Еще тутъ надо принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство: обѣ руки производятъ на столъ неодинаковое давленіе и сообщаютъ ему неодинаковую вращательную силу: орудіе, мѣряющее силу (динамометръ), показываетъ при этомъ, что одна рука втрое сильнѣе другой.

Предположивши, что здѣсь правая рука производитъ давленіе въ 3 ф., а лѣвая—въ 8 фунт., вообще вычислено, что лѣвая рука будетъ имѣть перевѣсъ въ 2,1 ф. Такимъ образомъ, если сидятъ вокругъ стола только 3 лица, то получается сила вращенія въ 6,3 ф.,—сила, очень достаточная для того, чтобы преодолѣть треніе обѣ полъ, которое тоже легко вычислить.

И какъ только это треніе преодолѣется, то, понятно, ничто не помѣшаетъ столу повиноваться вращающей силѣ, т. е. вертѣться. Понятно, что на это явленіе имѣетъ боль-

шое вліяніе бѣольшая сила въ правой рукѣ, чѣмъ въ лѣвой.

Каждому извѣстно, что правая рука и нога сильнѣе лѣвой: вотъ почему танцовщица совершаетъ самыя трудныя свои пируэты на правой ногѣ. Сапожникъ скажетъ вамъ, что правый сапогъ надо всегда дѣлать нѣсколько больше лѣваго, а врачъ прибавитъ къ этому, что болѣзни лѣвыхъ конечностей чувствительнѣе для больного и труднѣе излѣчиваются, чѣмъ правыхъ.

Ученые замѣчаютъ, что причина этихъ свойствъ конечностей, которыя бывають и у животныхъ, зависитъ не столько отъ большаго упражненія правыхъ конечностей, сколько отъ различной длины пути, который проходитъ кровь правыхъ и лѣвыхъ конечностей.

Вслѣдствіе этого понятно, что лѣвыя конечности вообще утомляются скорѣе правыхъ.

Что сказать теперь о настроеніи духа тѣхъ, кто занимается вращеніемъ стола?

Нѣтъ сомнѣній, что оно у всѣхъ ихъ одинаково. Но отчего это происходитъ? Оттого, что вниманіе всѣхъ направлено на одинъ предметъ и всѣ сохраняють одно неизмѣнное и необходимое положеніе.

При томъ и примѣръ крайне заразителенъ; такъ извѣстно, что стоитъ зѣвнуть одному въ обществѣ, какъ и всѣхъ разбѣраетъ зѣвота. Были случаи, гдѣ съ цѣлой больницей начинались судороги, потому, что больные смотрѣли на судороги одного изъ среды себя. Наконецъ, извѣстенъ случай, что цѣлый женскій монастырь принимался мяукать.

Миѣніе о движущихся столахъ высказалъ также ученый французъ Шеврель (см. соч. Мори, русскій переводъ). „Лица садятся вокругъ стола, на который опираются руками. У нихъ нѣтъ намѣренія нажимать на него, производить на него такое давленіе, чтобы онъ трещалъ или двигался. Однако, къ концу извѣстнаго времени, — если лицъ, которыя предаются этому движенію, занимаетъ желаніе знать, когда столъ завертится, — дѣйствительно часто будетъ случаться, что столъ заскрипитъ и станетъ двигаться. Когда же

движеніе уже будетъ сообщено круглому столу, то давленіе необходимо сдѣлается боковымъ и будетъ ускорять движеніе стола.

«Очевидно, давленіе будетъ происходить отъ рукъ, лежащихъ на столѣ, и происходитъ совершенно невольно и безсознательно,—оно будетъ результатомъ того, что производящіе опытъ заняты только мыслью заставить столъ двигаться.

«Доказательствомъ, что здѣсь существуетъ невольное дѣйствіе мысли на нервы, а потомъ на мускулы, служить то, что, смотря по тому, думаютъ-ли производящіе опытъ заставить столъ вращаться справа налѣво или слѣва направо—движеніе происходитъ именно въ томъ или другомъ направленіи.»

Теперь о говорящихъ столахъ.

Люди серьезные, присутствовавшіе при многихъ опытахъ надъ этими столами, могли убѣдиться въ слѣдующемъ явленіи: вопрошаемый столъ всегда отвѣчаетъ производящему опытъ только то, что этотъ послѣдній думаетъ или имѣетъ въ представленіи. Если вы спрашиваете у стола: который часъ, сколько денегъ въ кошелькѣ у вашего пріятеля и если, дѣлая этотъ вопросъ, не знаете хоть приблизительно всѣхъ этихъ вещей, то отвѣты стола вообще бываютъ очень сбивчивы и ошибочны.

До какой степени столы въ этихъ случаяхъ выражаютъ не больше, какъ нашу собственную душевную дѣятельность, видно, напр., изъ слѣдующаго: романсы, стихи, музыкальныя пьесы, продиктованныя столами, обыкновенно по характеру, духу, даже по грамматическимъ ошибкамъ вполне соответствуютъ другимъ произведеніямъ тѣхъ лицъ, которымъ они продиктованы.

Вспомнимъ только, что привычка сообщаетъ даже нашимъ пальцамъ бессознательныя движенія, выражающія различныя наши мысли.

Приверженцы электричества объясняютъ также движеніе столовъ по-своему, хотя мы уже видѣли выше, что ихъ взгляды несовершенно согласны съ физикой.

Эти господа говорятъ, что электричество есть во всѣхъ предметахъ природы, что согласно и съ наукой. Отъ наложенія пальцевъ на столъ происходятъ прикосновеніе и нагрѣваніе—причины, которыя, какъ учить физика, могутъ возбудить электричество.

Затѣмъ оконечности пальцевъ влажны, а влажность, какъ извѣстно, отлично проводитъ электричество. Притомъ доказано, что въ нашемъ и вообще въ живомъ тѣлѣ постоянно образуется электричество, и что образованіе его можетъ значительно усиливаться отъ произвольнаго или непроизвольнаго сокращенія мускуловъ.

И вотъ, когда вокругъ стола сядутъ нѣсколько лицъ и положатъ, какъ подобаетъ, свои пальцы, то, отъ дрожанія нервовъ и мускуловъ и біенія артерій въ пальцахъ, раздается довольно замѣтный трескъ; затѣмъ происходитъ давленіе, движеніе и пр., какъ намъ извѣстно.

Но отчего же столъ въ своихъ странныхъ спиритическихъ дѣйствіяхъ повинуется нашей волѣ, если держаться этой идеи? Оттого, говорятъ защитники электрической теоріи, что въ него переходитъ наше нервное электричество и онъ повинуется вполнѣ нашей волѣ, какъ будто рука или нога.

Стукъ столовъ нѣкоторые объясняютъ трескомъ въ мускулахъ и сухихъ жилахъ рукъ и ногъ, потому что были люди, которые упражненіемъ развивали въ себѣ эту способность.

Очень любопытны предостереженія самихъ спиритовъ относительно возможности обмана при спиритическихъ опытахъ.

Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ обмановъ.

Легче всего подражать стуку въ столѣ, сопровождаемому или нѣтъ его движеніемъ. Этому стуку можно подражать, напр., движеніемъ ногъ или производя въ самой мебели небольшой трескъ различными способами.

Наконецъ есть такой способъ: нужно положить на столъ обѣ руки и прижать плотно ладони; при этомъ можно ихъ такъ сблизить, что ногти большихъ пальцевъ будутъ соприкасаться. Въ такомъ положеніи, чуть замѣтнымъ движеніемъ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

мускуловъ руки можно производить этими ногтями тихій и сухой стукъ, похожій на стукъ духовъ.

Этотъ шумъ раздается въ столѣ и еще болѣе усиливаетъ обманъ; понятно, что такимъ образомъ можно слышать и производить столько стуконъ, сколько угодно, и каждому изъ нихъ придать такой характеръ, какой понадобится.

Спириты, однакожъ, возражаютъ, что эти искусственныя стуконъ существенно отличаются отъ чисто-спиритныхъ, т. е. стуконъ духовъ, что ихъ стуконъ могутъ по произволу мѣнять и мѣсто, и звучность.

Еще легче произвести такъ-называемое прямое письмо: извѣстны многія химическія вещества (симпатическія чернила), которыя отлично служатъ для этихъ цѣлей: все, написанное ими, сперва невидимое, дѣлается видимымъ, т. е. получаетъ темный цвѣтъ отъ дѣйствія воздуха, свѣта, какихъ-нибудь испареній и пр.

Точно также можно переносить предметы съ мѣста на мѣсто съ помощью веревочекъ, проволокъ и т. п. Наконецъ, всѣмъ извѣстны фокусы двухъ спиритовъ въ запертыхъ шкафахъ—какъ ихъ тамъ мгновенно развязываютъ духи и пр.; но такіе грубые обманы нѣкоторыхъ шарлатановъ могутъ быть незамѣтны только для слишкомъ наивныхъ зрителей, съ самымъ ребяческимъ взглядомъ на предметъ.

Что же особеннаго, сверхъ-естественнаго, чародѣйственнаго можно замѣтить въ спиритизмѣ—этомъ новомъ отпрыскѣ чародѣйственныхъ наукъ?

Очень мало: вращеніе столовъ, стукъ неодушевленныхъ предметовъ, письмо разныхъ каракуль, изъ которыхъ только сильное воображеніе можетъ выдѣлить подобіе буквъ,—какими ничтожными средствами все это показалось бы древнему магу или жрецу! Все на свѣтѣ измельчало, даже и магія!

Обдумывая описанныя нами особенности спиритизма и спиритическія явленія, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ, а именно: 1) что большая часть этихъ явленій очень мелки и въ сущности ничтожны, 2) что главныя изъ нихъ достигаются нѣкоторыми свойствами нашего организма, ко-

торыя мы рассмотрим впоследствии, и 3) что всѣ остальные чудеса спиритизма: бесѣды съ духами, превращенія веществъ и пр. — не болѣе, какъ дѣло нашей фантазіи или обманъ чувствъ, производимый усталостью, усиленнымъ напряженіемъ нервовъ и особеннымъ душевнымъ настроеніемъ, похожимъ на экстазъ или восторженность.

Приведенныя нами мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ—Фарадея, Мори, Шевреля—могутъ объяснить простое верченіе столовъ, которымъ одно время занимались почти всѣ и всюду, но достаточны-ли онѣ, чтобы объяснить дѣйствія нѣкоторыхъ исключительныхъ натуръ, нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ, привилегированныхъ медиумовъ,—напримѣръ, поднятіе стола на воздухъ, передвиженіе мебели, тяжелыхъ фортепьянъ, разнообразныя ощущенія и даже боли у присутствующихъ и другія штуки, совершавшіяся въ присутствіи людей образованныхъ и любознательныхъ?

Не вѣрить этому невозможно; все это подтверждается многими просвѣщенными людьми, которые, любя науку, не станутъ лгать.

Но какъ же объяснить эти явленія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ? Это мы увидимъ далѣе.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

ГЛАВА IV.

Мы можем пока принять, что спиритизмъ есть искусство разстраивать и безъ того некрѣпкіе человѣческіе нервы и производить въ себѣ и въ другихъ родъ искусственнаго помѣшательства.

Замѣчательно, что въ древнихъ индѣйскихъ книгахъ — *Веды*, *Рамайяна*, *Саконтала* и другихъ мы находимъ подробное описаніе безчисленныхъ способовъ разстраивать нервы и также вызывать вѣчто въ родѣ бѣшенаго изступленія, для того, чтобы легче сообщаться съ невидимымъ духовнымъ міромъ и производить разныя необыкновенныя дѣйствія.

Увы! ни что не ново подъ луною...

У индѣйцевъ есть, кромѣ того, очень курьезная книга. Она называется „Уннек-Хатъ“ и между прочими диковинками учить, какъ впасть въ волшебное состояніе.

Сперва догматы, сюда относящіеся:

„Духъ творческаго огня есть создающая сила. Эта сила произвела землю и растенія, выходящія изъ нея, и теплоту, которая производитъ ихъ зрѣлость“.

Что же надо сдѣлать для того, чтобы стать волшебникомъ?

Индѣйская книга не затрудняется отвѣтомъ.

Надо удержатъ дыханіе, т. е. вдыхать до тѣхъ поръ, пока

только можно и пока легкія не переполнятся воздухомъ. Затѣмъ удерживать какъ можно дольше вдохнутый воздухъ и произнести 40 разъ сряду имя Омъ.

Послѣ этого нужно какъ можно продолжительнѣе выдыхать воздухъ и мысленно посылать его черезъ небесныя пространства и связать съ міровымъ эфиромъ.

Тутъ надо дойти до того состоянія, чтобы сдѣлаться точно слѣпымъ, глухимъ и неподвижнымъ, какъ кусокъ дерева.

Нужно лечь на локти и колѣни и обратить лицо къ сѣверу.

Въ этомъ состояніи затыкаютъ пальцемъ одну ноздрю, а другой втягиваютъ воздухъ, послѣ чего и ее закрываютъ пальцемъ, думая въ это время о томъ, что создающая сила находится во всѣхъ животныхъ, — въ муравьѣ, точно также, какъ и въ слонѣ; въ этихъ мысляхъ надо долго оставаться погруженнымъ.

Тутъ прежде надо сказать Омъ 12 разъ; а во время каждаго вдыханія по 80 разъ и, наконецъ, столько разъ, сколько можно.

Все это нужно продолжать дѣлать 3 мѣсяца, безъ боязни, безъ лѣности, мало ѣсть и спать; въ четвертый мѣсяцъ явятся къ вамъ духи; въ пятый вы приобретете всѣ качества этихъ духовъ; въ шестой вы сдѣлаетесь чародѣемъ.

Есть и другой способъ, такъ сказать, упрощенный, хотя въ сущности не очень легкій. Нужно снизу вверхъ втянуть воздухъ съ правой стороны, перевести его къ пупу, къ серединѣ сердца, къ горлу и между бровей. Тутъ надо удерживать этотъ воздухъ возможно долѣе, и онъ сдѣлается такимъ образомъ міровой силой.

Теперь опять надо подумать о великомъ Омѣ, который есть всемірный голосъ, все наполняющій, чистый и нераздѣльный. Этотъ голосъ есть міровая сила; онъ слышенъ созерцателю десятью способами.

Вотъ эти способы или лады: первый голосъ — крикъ воробушка; второй — этотъ же крикъ, но вдвойнѣ; третій — звукъ цимбаловъ; четвертый — стукъ большихъ скорлупъ; пятый —

пѣніе индѣйской лиры; шестой—звукъ инструмента, который называется таль; седьмой—звукъ бамбуковой флейты у самаго уха; осьмой — звукъ инструмента *накаужда*, ударяемаго рукою; девятый—звукъ маленькой трубы; десятый—звукъ грома въ тучѣ, дда, дда, дда!

При каждомъ изъ этихъ звуковъ созерцатель переходитъ черезъ новое состояніе, пока не дойдетъ до десятаго, когда дѣлается чародѣемъ.

При первомъ — всѣ волосы на тѣлѣ встаютъ у него дыбомъ.

При второмъ—всѣ члены окоченѣютъ.

При третьемъ — онъ чувствуетъ во всѣхъ своихъ членахъ усталость, которая обыкновенно бываетъ послѣ любовныхъ наслажденій.

При четвертомъ — его голова кружится и онъ точно пьянѣетъ.

При пятомъ—жизненная вода притекаетъ къ его мозгу.

При шестомъ — эта вода стекаетъ внизъ его тѣла и питается имъ.

При седьмомъ — онъ дѣлается распорядителемъ видѣній, видитъ внутри сердецъ, слышитъ самые отдаленные голоса.

При девятомъ—онъ чувствуетъ себя на столько воздушно-легкимъ, что можетъ переноситься куда хочетъ и, подобно духамъ, все видѣть и не быть видимымъ.

При десятомъ — онъ дѣлается всемірнымъ голосомъ, голосомъ недѣлимымъ, онъ становится волшебникомъ, свободнымъ отъ всего, и, сдѣлавшись совершеннымъ спокойствіемъ, распредѣляетъ покой въ мірѣ.

Просимъ обратить вниманіе въ этой очень любопытной выпискѣ на то, что здѣсь описаны всѣ явленія ясновидящаго сомнамбулума (см. ниже). Не заключается-ли здѣсь также искусство доводить себя до изступленія (экстаза) напряженіемъ воли и страшнымъ утомленіемъ всей нервной системы, подобно тому, какъ мы видѣли это въ спиритизмѣ?

Въ этой интересной индѣйской книгѣ есть еще гораздо болѣе простой способъ терять сознаніе и приводить себя въ

экстазъ; нужно только очень долго смотрѣть обоими глазами на кончикъ своего носа и находиться въ этомъ положеніи до начала судорогъ глазного нерва.

Но всѣ эти дѣйствія столько-же мучительны, сколько и смѣшны, а потому мы рѣшительно никому не можемъ совѣтовать пробовать ихъ; но мы не сомнѣваемся, что онѣ могутъ произвести экстазъ, столбнякъ, наконецъ даже истерическую потерю сознанія черезъ болѣе или менѣе долгое время, смотря по чувствительности.

Чтобы видѣть видѣнія, чтобы достигнуть до явленій второго зрѣнія, нужно привести себя въ такое состояніе которое прикасалось-бы къ сну, безумію и смерти. Въ этой-то способности приводить себя въ подобное состояніе индѣйцы особенно искусны и, можетъ быть, нѣкоторые наши медиумы заимствовали у нихъ многія свои странныя способности.

Есть-ли, напримѣръ, у науки средства продержатъ организмъ въ такомъ положеніи, чтобы онъ не умиралъ, а между тѣмъ и не жилъ?

Относительно растений это дѣлаетъ каждую зиму сама природа: она останавливаетъ холодомъ движеніе растительныхъ соковъ и, стало-быть, жизнь, но не убиваетъ ее, иначе дерево весною не могло бы продолжать жить. Смерть и состоитъ въ томъ, что вмѣсто развитія идетъ постепенная порча организма.

Въ жизни животныхъ почти нѣтъ такихъ явленій, какъ сейчасъ указанное въ растеніяхъ, если не причислить сюда спячекъ нѣкоторыхъ животныхъ и возрожденій ихъ послѣ того, какъ они пролежатъ нѣсколько времени въ оцѣпѣненіи.

Но отчего разрушается тѣло послѣ смерти? Отчего происходитъ тѣлесная смерть?

Физиологія говоритъ: оттого, что разрушительное вліяніе внѣшнихъ силъ и веществъ сильнѣе поддерживающаго вліянія жизни и, какъ скоро первое возьметъ верхъ, — тѣло начнетъ умирать.

Но мы уже и теперь нѣсколько знаемъ свойства этихъ ве-

щество, знаемъ, что, устранивши ихъ, мы можемъ надолго сохранить отъ порчи животныя и растительныя вещества, но все это вообще крайне мало изучено, какъ и все естествознание.

Однакожь эти свѣденія и соображенія дѣлають нѣсколько менѣе сказочнымъ слѣдующій случай, рассказанный однимъ англичаниномъ изъ его пребыванія въ Индіи.

«Это было въ 1838 г. Нашъ лагерь былъ очень обрадованъ прибытіемъ одного индѣйца, который славился во всемъ Пенджабѣ тѣмъ, что могъ пролежать схороненнымъ въ землѣ, сколько ему было угодно. Эта необыкновенная способность подтверждалась очень многими, самыми достойными вѣры, лицами. Во многихъ мѣстахъ Индіи онъ уже нѣсколько разъ повторялъ подобные опыты.

Приготовили кирпичный могильный склепъ; собралось нѣсколько значительныхъ лицъ англичанъ и индѣйцевъ, явился и чудодѣй.

Въ ихъ присутствіи онъ залѣпилъ воскомъ всѣ отверстія своего тѣла, чрезъ которыя могъ попасть въ него воздухъ, за исключеніемъ, впрочемъ, рта, потомъ онъ раздѣлся до-нага, послѣ чего на него надѣли полотняный мѣшокъ и (что особенно важно), по его требованію, загнули ему языкъ назадъ такъ, что совершенно закрыли имъ гортанное отверстіе; тотчасъ же послѣ этого индѣецъ впалъ въ нѣкотораго рода оцѣпненіе (летаргію).

Мѣшокъ, въ которомъ онъ находился, завязали и приложили печать. Затѣмъ положили его въ этотъ мѣшокъ въ деревянный сундукъ, запертый всякимъ замкомъ; сундукъ опустили въ могилу, забросали его большимъ количествомъ земли и посѣяли рожь; наконецъ поставили караулъ.

Втеченіи 10 мѣсяцевъ два раза навѣдывались къ индѣйцу, открывали гробъ, но индѣецъ все оказывался лежавшимъ неподвижно, былъ холоденъ и безжизненъ.

Прошло 10 мѣсяцевъ; индѣйца вырыли, отворили замки, разломали печати и вытащили сундукъ; вынули индѣйца; сердце его не билось, пульсъ умолкъ, ничто не обнаруживало

признаковъ жизни. Для ея возбужденія нужно было очень осторожно всунуть руку въ ротъ и разогнуть языкъ. Вообще все тѣло его было холодно, только голова сохранила нѣсколько жизненной теплоты.

Тѣло облили теплой водой и въ немъ начали оказываться признаки жизни; черезъ два часа индѣецъ всталъ, сталъ ходить и улыбаться.

Онъ говоритъ, что во время этого погребенія онъ видитъ очень пріятные сны, но что ему всегда очень тяжело пробужденіе; прежде чѣмъ онъ снова получить самосознаніе, онъ испытываетъ головокруженія.»

Свидѣтельства объ этой способности индѣйскихъ факировъ такъ положительны, такъ единогласны, даже въ новѣйшее время, что она дѣлается несомнѣннымъ фактомъ. Есть и теперь въ Индіи цѣлыя религіозныя секты (йоги и топазивы), которые считаютъ подобную временную смерть религіознымъ обрядомъ, приближающимъ ихъ къ небу и вѣчному блаженству.

Уже и въ прежнее время европейскіе наблюдатели могли видѣть и изслѣдовать подобныя необычайныя явленія, по-видимому, опровергавшія фізіологическую науку; такъ, подобный фактъ рассказываетъ англичанинъ сэръ Клодъ Уедъ. Факиръ прежде всего подвергся жесточайшему посту; за нѣсколько недѣль до своего погребенія онъ питался только молокомъ и когда его пришлось хоронить, то онъ былъ такъ худъ и слабъ, что едва могъ говорить.

Вотъ какъ рассказываютъ о его вырытіи изъ земли:

Онъ былъ погребенъ въ четырехугольномъ домѣ, стоявшемъ совершенно уединенно, посредникъ сада. Въ домѣ были 4 двери: 3 были совершенно заложены кирпичемъ, а четвертая заперта на замокъ и запечатана печатью правителя Лагора.

Печать оказалась нетронутою; при томъ втеченіи 6 недѣль его погребенія, постоянно стояла у гроба царская стража и одинъ офицеръ очень часто посѣщалъ и осматривалъ мѣсто его погребенія. И четвертая дверь была заложена кирпичемъ, но только до замка, чтобы можно было открыть ее

Отворили эту дверь и вошли въ совершенно темное зданіе. Въ немъ нужно было спуститься фута на три въ помѣщеніе вродѣ келіи. Въ ней стоймя стоялъ деревянный ящикъ, футовъ 5 длины и 4 ширины, съ крышеобразнымъ верхомъ. Въ немъ находился факиръ. Онъ былъ на замкѣ и запечатанъ.

Когда ящикъ былъ открытъ, то въ немъ представилось глазамъ что-то завернутое въ бѣлое покрывало, собранное и завязанное наверху. Слуга взялъ въ руки эту фигуру, вынулъ ее изъ ящика и, закрывъ его, положилъ ее на него.

Келія или склепъ былъ такъ малъ, что стоять въ немъ было нельзя: надо было сѣсть. Слуга началъ уже обмывать тѣло горячей водою, но прежде всѣ захотѣли осмотрѣть его. Ноги и руки были скорчены и оковенѣли; голова склонилась къ плечу. Лекаръ опредѣлилъ, что ни сердце, ни виски, ни пульсы не бились нисколько. Все тѣло было холодно, только голова была нѣсколько тепла.

Выпрямили руки и ноги и стали обмывать тѣло горячей водою. Въ это время слуга сдѣлалъ лепешку въ дюймъ толщины изъ пшеничной муки и, горячую, положилъ ему на верхъ головы, потомъ снялъ ее и вложилъ такимъ образомъ раза три.

Послѣ этого онъ вынулъ изъ ноздрей и ушей воскъ и хлопчатую бумагу, и только съ большимъ усиліемъ открылъ ножомъ ротъ; ножъ нужно было вложить между зубовъ. Затѣмъ слѣдовало расправить языкъ. Съ этой цѣлью слуга прижалъ внизъ нижнюю челюсть, сталъ держать ее лѣвой рукой, а правой старался разогнуть языкъ, который нѣсколько разъ принималъ прежнее положеніе. Потомъ онъ натиралъ нѣсколько секундъ вѣки очищеннымъ масломъ—и онѣ, наконецъ, открылись.

Глаза были тусклы и безжизненно-неподвижны.

Когда горячая лепешка была положена въ третій разъ на голову, тѣло начало обнаруживать судорожныя движенія, ноздри стали шевелиться отъ дыханія и явилась на всемъ тѣлѣ испарина; но пульсъ все еще былъ незамѣтенъ.

Слуга положилъ немного масла на языкъ, такъ что факиръ

долженъ былъ его проглотить. Черезъ нѣсколько минутъ появилась жизнь въ глазахъ: они получили первоначальный цвѣтъ и блескъ. Факиръ могъ проговорить дрожащимъ голосомъ нѣсколько словъ.

Отъ того времени, какъ былъ открытъ ящикъ, до того, когда факиръ проговорилъ первыя слова, прошло съ полчаса; въ другія полчаса онъ уже разговаривалъ, но глухимъ, слабымъ голосомъ, какъ больной.

Вотъ еще описаніе другого подобнаго случая.

Явился молодой человѣкъ, лѣтъ 30, который предложилъ зарыться на мѣсяцъ. Сдѣлали склепъ изъ камня близъ выложеннаго камнемъ пруда; онъ былъ длиною 12 фут., а шириною 8. На полу его была сдѣлана яма въ 3 ф. длиною, 2¹/₂ шириною и 4 глубиною; въ нее предполагалось посадить этого человѣка.

Его тѣло завернули въ холстъ и скорчили такъ, что подбородокъ касался колѣнъ, ладони касались нижней части живота, а руки были сложены на груди. Самая могила была выложена камнемъ и затѣмъ сукномъ, чтобы предохранить тѣло отъ бѣлыхъ муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ.

Могилу закрыли двумя каменными плитами въ нѣсколько дюймовъ толщины и на нихъ насыпали земли. Склепъ замазали и поставили къ нему караулъ.

1-го апр. вынули индѣйца въ совершенно безжизненномъ видѣ: глаза были закрыты, желудокъ ввалился, руки судорожно скрестились, но были безсильны, а ротъ былъ такъ крѣпко закрытъ, что можно было открыть его только ножомъ, вложеннымъ между зубовъ. Когда ротъ былъ открытъ, въ него влили нѣсколько капель воды.

Тутъ тѣло понемногу начало оживать и обнаруживать движеніе.

Этотъ индѣецъ затѣмъ разсказалъ, что онъ къ подобнымъ подвигамъ приготавлился съ ранней юности: онъ приучался долго удерживать дыханіе, а затѣмъ крѣпко закрывать ротъ, обращать языкъ назадъ и долго держать его въ такомъ положеніи.

Онъ до погребенія тоже питаѣся молокомъ.

Ботъ какія штуки можетъ дѣлать человѣкъ со своимъ грѣшнымъ тѣломъ!

Какъ ни интересны сейчасъ разсказанные факты, но они еще мало даютъ матеріаловъ для серьезныхъ, научныхъ выводовъ.

Для этого нужны сотни подобныхъ фактовъ и нужно всестороннее изученіе каждаго изъ нихъ при самыхъ благоприятныхъ для научнаго изслѣдованія обстоятельствахъ.

Всѣ эти чудеса и искусство производить такіа необычайныя дѣйствія перешли изъ Индіи въ Египетъ, къ вавилонскимъ жрецамъ или халдеямъ, а потомъ въ Персію.

У древнихъ гвевровъ или парсовъ были также жрецы, которые назывались мобедами или, на другомъ языкѣ (на языкѣ пельви), магами. Религію этихъ жрецовъ основалъ Зороастръ и изложилъ въ книгѣ Зендъ-Авеста.

У этихъ-то жрецовъ греки научились таинственной наукѣ, которую и прозвали магіей. Но предполагаютъ, что у халдеевъ магія процвѣтала гораздо прежде Зороастра и что онъ только заимствовалъ ее у нихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ древніе греки познакомились ближе съ персами въ малой Азіи, они имѣли много случаевъ видѣть таинственные и, повидимому, сверхъ-естественныя дѣйствія персидскихъ жрецовъ или маговъ, и научились многимъ изъ ихъ фокусовъ, которые и перенесли въ Грецію.

Затѣмъ мы видимъ магію повсюду; и въ древности, и въ средніе вѣка она вездѣ означала науку о средствахъ овладѣть силами природы и производить посредствомъ ихъ сверхъ-естественныя явленія.

Такими дѣйствіями у жрецовъ считались слѣдующія: вызваніе духовъ, тѣней умершихъ людей, различныя видѣнія и призраки, средства излечивать всѣ болѣзни и дѣлать человека долговѣчнымъ, составленіе талисмановъ, т. е. вещественныхъ предметовъ, получающихъ разными способами магическія свойства, и, наконецъ, средства превращать одни вещества природы въ другія.

Намъ надо разяснить значеніе магіи у древнихъ: оно необходимо для уразумѣнія того, что скажемъ дальше.

Вся магія основана на двухъ вѣрованіяхъ: 1) что въ природѣ, независимо отъ силъ вещественныхъ, есть еще другія, невидимыя и 2) что человѣкъ можетъ овладѣть этими силами и посредствомъ ихъ дѣйствовать на силы и вещества природы.

Что тутъ истиннаго и что ложнаго? Гдѣ правда и гдѣ заблужденіе?

Наука знаетъ до сихъ поръ только вещества и ихъ свойства, которыя называетъ силами; она никогда не видала силы безъ вещества и вещества безъ силы, а потому считаетъ ихъ предметами неразрывными.

Не будучи въ состояніи разсматривать и изучать силу отдѣльно отъ вещества, наука по этому самому никакъ не можетъ въ настоящее время сказать, что такое собственно сила, какія есть силы, есть-ли силы вещественныя и невещественныя, или существуетъ въ мірѣ только которая-нибудь одна?

Вотъ ея знанія въ настоящее время; о своихъ будущихъ познаніяхъ она не имѣетъ права сказать теперь ничего положительнаго.

Но откуда возникаетъ въ человѣкѣ вѣра въ сверхъ-естественныя силы? Откуда берется вѣра, что человѣкъ можетъ овладѣть не только силами и явленіями природы, но и этими сверхъ-естественными?

Есть-ли эти силы въ мірѣ, нѣтъ-ли ихъ, можетъ-ли человѣкъ овладѣть всѣми сказанными предметами, или нѣтъ,—это вопросы, на которые современная наука не можетъ прямо отвѣчать, не выходя за свои законные предѣлы.

Всякое явленіе предполагаетъ силу, т. е. другое явленіе, которое его произвело. Но до этой идеи—что явленіе можетъ быть произведено только явленіемъ—человѣкъ доходитъ не скоро; прежде всего онъ видитъ множество явленій, которыхъ причины не можетъ понять, потому, что не привыкъ наблюдать ихъ связи.

Такому наблюдателю проще предположить, что есть силы независимо от явленія; но такъ какъ явленій множество и онѣ очень разнообразны, то ему приходится создать множество силъ. Это дѣло нелегкое, а потому оно упрощается такъ: воображеніе создаетъ немного силъ, но придаетъ имъ способности произвольно распоряжаться явленіями, т. е. въ разное время, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, производить разнообразныя явленія или, по нашему опредѣленію, дѣйствовать сверхъ-естественно.

Но затѣмъ человѣкъ замѣчаетъ, что онъ больше и больше овладѣваетъ силами и явленіями природы, а потому ему естественно дойти до мысли, что онъ можетъ овладѣть и этими сверхъ-естественными силами, подчинить ихъ своей волѣ, заставить ихъ дѣйствовать, какъ ему угодно.

Всѣ эти вѣрованія возникаютъ у человѣка, какъ-только онъ дойдетъ до сознанія сверхъ-естественной силы, существующей независимо отъ вещественнаго міра.

Интересно знать, какимъ образомъ, какимъ рядомъ мыслей человѣкъ достигаетъ до всѣхъ своихъ понятій о сношеніяхъ съ сверхъ-естественными силами? Этотъ рядъ идей довольно любопытенъ. Различными магіками-теоретиками онъ высказывался различнымъ образомъ.

Вотъ одно подобное толкованіе:

Вся природа полна созданій, которыя могутъ быть расположены слоями, смотря по ихъ совершенству: такъ, ниже всѣхъ стоятъ созданія минеральныя, надъ ними растительныя, еще выше—животныя.

Надъ животными, по понятію магіковъ, стоятъ люди—существа, заключающія въ себѣ духовную силу, болѣе совершенную, чѣмъ въ животныхъ. Она и послѣ смерти можетъ продолжать свое существованіе, и такъ какъ для маговъ она представляется какой-то полутѣлесной силой безъ всякой самобытности, то они и думаютъ, что она продолжаетъ находиться въ невольной зависимости отъ вещества и постоянно дѣйствуетъ на него и сама подвергается его дѣйствіямъ.

Въ этомъ ложномъ, превратномъ убѣжденіи магіковъ ле-

жить объясненіе очень многихъ ихъ суевѣрій; необыкновенное явленіе въ вещественномъ мірѣ приписывается мелкому, враждебному дѣйствію какого-то воображаемаго духа, который занимается тѣмъ, что совершаетъ разныя почти ребяческія шутки.

И вотъ затѣмъ магики учатъ, что все высшее влечетъ къ себѣ низшее. Такъ, минералы питаютъ растенія, растенія—животныхъ, оба они вмѣстѣ, т. е. растенія и животныя,—человѣка.

Однакожъ, по ученію магиковъ, человѣкъ не можетъ входить въ непосредственныя сношенія съ этими выдуманнѣйшими духами; онъ можетъ сообщаться съ ними только посредствомъ предметовъ вещественныхъ, составляющихъ какъ бы внѣшнюю оболочку этихъ духовъ. Вотъ вамъ еще указаніе на то, что спириты не далеко ушли отъ древнихъ магиковъ и жрецовъ ¹⁾.

Для поступленія въ жрецы требовались: смѣлый, сильный умъ, большая доля скрытности, сосредоточенности, и твердая, настойчивая, желѣзная воля, соединенная съ величайшею неустрашимостью.

Изъ необходимости доказать эти качества возникла идея о необходимости такъ-называемаго посвященія новичковъ въ магическія науки. Ученикъ долженъ былъ предварительно доказать рядомъ испытаній, что владѣетъ всѣми вышеисчисленными качествами.

И дѣйствительно, разнообразныя испытанія, которыми сопровождались почти столько же разнообразные обряды посвященія, встрѣчаются у всѣхъ народовъ съ самыхъ древнихъ временъ.

И какъ ужасны были эти обряды и эти испытанія! Имѣ

¹⁾ Древніе магики представляютъ два класса людей: одни были глубоко проникнуты вѣрою въ силу и истину своей науки, другіе ясно понимали, что эта наука только до тѣхъ поръ можетъ служить ихъ цѣлямъ, пока не сдѣлается общезвѣстною.

Это же различіе мы видимъ и теперь между спиритами, шарлатанами и фанатиками.

выполни́ть можно было доказать и неустрани́мость крѣпкой воли, и силу ума испытываемаго; зато тысячи слабыхъ могли лишиться разсудка и даже жизни отъ одного страха.

Посвящаемыхъ учениковъ соблазняли слѣдующими обѣщаніями:

Ты будешь повелѣвать человѣкомъ и стихіями. Ты удивишь толпу, оставаясь сколько угодно безъ пищи; ты заслужишь ея признательность, дѣлая здоровой нечистую, зараженную воду и утоляя ея нестерпимую жажду.

Ты будешь смущать умы людей; будешь погружать ихъ въ свотское оцѣпненіе или порывистую ярость; заставишь ихъ позабыть всѣ страданія, не чувствовать боли; сдѣлаешь ихъ или необыкновенно смѣлыми, или вполне послушными; ты чарующими призраками удовлетворишь ихъ пламенные желанія; будешь какъ угодно распоряжаться всѣми ихъ силами, мыслями, чувствами, волей.

Однимъ испытаніемъ, однимъ чародѣйствомъ ты разрѣшишь самое трудное судебное дѣло; однимъ прикосновеніемъ исполнишь, какъ рукой снимешь, всякую болѣзнь и даже вырвешь у смерти ея добычу.

Но горе тому, кто оскорбитъ тебя!

Ты мгновенно поразишь его проказой, слѣпотой, болѣзью, даже смертью; ты запретишь землѣ давать ему свои плоды; ты отравишь воздухъ, которымъ онъ дышетъ...

Самая ужасная изъ стихій—огонь—сдѣлается твоимъ покорнымъ рабомъ: отъ твоего голоса онъ будетъ вдругъ вспыхивать; онъ будетъ ослѣплять глаза самыхъ невѣрующихъ людей, и вода не въ силахъ будетъ погасить его; онъ упадетъ на землю, раскроетъ ее и бездна поглотитъ свою жертву.

Ты будешь предсказывать перемены въ атмосферѣ и на землѣ; ты будешь направлять молнію и играть ея огнями...

И магія отчасти осуществляла свои обѣщанія: по единогласному свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, она могла производить многіе изъ описанныхъ чудесъ.

Испытаніямъ подвергались и всѣ, посвящаемые въ другія таинства древности; такъ, посвящаемые въ елевзинскія таин-

ства должны были проходить длинныя темныя пещеры и ходы, мимо пылавших костровъ, по водянымъ потокамъ, глубокиимъ и быстрымъ, по чуть державшимся мостикамъ, переброшеннымъ черезъ нихъ, и проходить, держа зажженную лампу. Горе тому, у кого отъ страха дрогнетъ рука, затрясутся ноги и лампа погаснетъ: несчастный новичекъ долженъ былъ тутъ же проститься съ жизнью.

Но если онъ побѣдоносно выходилъ изъ этого испытанія, то становился *мистомъ*, т. е. посвященнымъ въ небольшія тайны.

Затѣмъ, только черезъ нѣсколько лѣтъ, доказавши свою способность хранить тайну своей науки, онъ дѣлался *эпонтомъ*, т. е. посвященнымъ уже въ самыя глубокія тайны.

И дѣйствительно, много нужно было рѣшимости и душевныхъ силъ, чтобы изучать эти тайны, овладѣть способами магии, а еще больше—самыми основными ихъ началами, ихъ теорію, философіей. Чтобы показать, до какой степени спутанны, туманны были эти теоріи, мы расскажемъ одну изъ нихъ, самую неудобовразумительную, именно теорію кабалистическую.

У евреевъ кабалою или кабалистикой называется собственное ученіе, распространяемое изустно, и которое, по ихъ сказаніямъ, было извѣстно древнимъ патріархамъ; Ездра описалъ его въ своей книгѣ, а задолго до паденія Іерусалима кабалистика была написана Симеономъ Бензохай въ книгѣ Сохаръ.

Слово *кабалистика* происходитъ отъ еврейскаго *кабала*хъ, которое значитъ предметъ, полученный по преданію, отъ глагола *киббелъ*—получить по преданію, отъ отца къ сыну, изъ вѣка въ вѣкъ.

Значитъ, кабалистика есть наука, дошедшая до насъ по преданію; это—наука чрезвычайно древняя и въ основаніи своемъ простая, — но только въ основаніи.

Это основаніе слѣдующее: для всякаго дѣла нужно два условія—дѣйствіе и противодѣйствіе, предметъ дѣйствующій и предметъ, который подвергается дѣйствію. Изъ нихъ только,

изъ ихъ столкновений можетъ возникнуть новый предметъ. Стало-быть всякое дѣло представляетъ какъ-будто трехугольникъ, въ которомъ одна сторона — предметъ дѣйствующій, другая — противодействующій, а третья — сдѣланный.

Неправда-ли, какъ это просто и ясно, хоть черезчуръ обще? Но посмотрите, какъ выражаютъ эту идею кабалисты!

Они говорятъ: вся кабалистика заключается въ книгахъ Сеферъ Жезиры, Сохара и Талмуда. Она учитъ, что абсолютное, т. е. начало всего, заключается въ существѣ, въ которомъ находится слово, выражающее причину бытія и жизни.

Первое правило кабалистики: бытіе есть бытіе.

Второе: все создается дѣйствіемъ противоположныхъ веществъ и силъ, а именно двухъ — дѣйствительной и страдательной, на которыя весь міръ и можетъ быть раздѣленъ. Умѣть привести ихъ въ надлежащее равновѣсіе — это значить умѣть создавать, властвовать надъ природой.

Средствомъ къ этому служить одинъ всемірный дѣятель, который кабалисты называютъ міровымъ свѣтомъ, звѣзднымъ, жизненнымъ. Имъ только и можно производить подобное равновѣсіе.

Но что это за свѣтъ?

Нужно замѣтить, что и новѣйшая наука, которая такъ свысока смотритъ на всякія магіи и кабалистики, такъ презрительно глумится надъ ними, допускаетъ, что весь міръ наполненъ тончайшимъ, почти неуловимымъ (вѣроятно, газообразнымъ) веществомъ — эфиромъ, котораго различныя сгущенія производятъ тѣла природы, а колебанія — видимый нами свѣтъ.

Не та-ли же это кабалистическая теорія?

Этимъ основнымъ положеніемъ современной естественной науки, пожалуй, можно оправдать всевозможныя таинственныя ученія, которыя этой же наукой высокоумно провозглашаются нелѣпостями, бреднями и чепухой.

У кабалистовъ эта общая, основная сила, помогающая устоять равновѣсію между веществами и силами природы, всегда изображается двумя фигурами или, вѣрнѣе, двойной

фигурой: одна бѣлая и въ прямомъ положеніи, другая черная и въ обратномъ.

Свѣтъ у кабалистовъ есть дѣятельное начало, тьма—страдательное; первое—мужское, второе—женское; вотъ почему они и представляютъ солнце изображеніемъ перваго, а луну—второго. Наука для нихъ—солнце, вѣра—луна, т. е. отраженіе солнечнаго свѣта во мракѣ.

Основная сила возвышается затѣмъ надъ веществомъ и отражается въ немъ; отъ чела ея и глазъ выходятъ лучи, образующіе трехугольникъ, который отражается въ темномъ началѣ, отъ чего происходитъ число 6.

Замѣтимъ здѣсь, что всѣ эти основныя положенія интересны потому, что объясняютъ значеніе чиселъ, буквъ и знаковъ, которые кабалисты и жрецы употребляли во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Слово дало буквы еврейской азбуки, которыя означали каждая цифру, идею и ея образъ. О буквахъ этихъ, впрочемъ, намъ еще придется сказать ниже.

У Зороастра чистая кабалистика нѣсколько измѣнилась; онъ тоже принимаетъ три основныя числа: источникъ вѣры, истины или науки и любви. Затѣмъ, отъ умноженія числа 3-хъ на самого себя, онъ получаетъ число 9, которое ему служитъ для образованія 9-ти ступеней гармоніи природы.

Но позвольте, это еще не все. Онъ считаетъ тройнымъ все, что происходитъ отъ идеи, а четвернымъ—что зависитъ отъ формы, и изъ этихъ 3 и 4 составляется 7—число, представляющее типы творенія.

Это ученіе основано на довольно глубокомъ наблюденіи надъ природой, также какъ и ученіе о двойственности началъ; дѣйствительно, число 7 часто должно было представляться магамъ и кабалистамъ: они знали 7 планетъ, знали, что въ природѣ существуетъ 7 основныхъ цвѣтовъ, 7 основныхъ музыкальных звуковъ; самого человѣка можно раздѣлить на 7 частей, имѣющихъ каждая свое отправление: органъ мысли—мозгъ, лицо—органъ слова, грудь—дыханіе и кровообращеніе, животъ—пищевареніе, руки—дѣятельность, ноги—поддержка и передвиженіе

тѣла, дѣтородные органы—размноженіе. Но, разумеется, изъ этого нельзя вывести ничего особенно важнаго.

Идея всякаго созданія представляетъ тройственность, какъ мы уже видѣли и объяснили, но спрашивается: откуда-же взялась четверная форма, четверной характеръ всего, что относилось къ вещественной формѣ?

Это было тоже хитрымъ, туманнымъ выраженіемъ очень простаго и даже поверхностнаго, недостаточнаго наблюденія надъ природой; вамъ случалось слышать о четырехъ стихіяхъ древнихъ, о четырехъ основныхъ веществахъ, изъ соединенія которыхъ произошелъ, по ихъ понятіямъ, весь вещественный міръ.

Желая выразить, что всѣ эти стихіи сливаются въ одно цѣлое, которое мы называемъ міромъ, или что онѣ суть видоизмѣненія одного основнаго міроваго вещества (и до этой идеи додумывались нѣкоторые), древніе мудрецы изображали эти стихіи въ видѣ сфинкса—чудовища, котораго крылья выражали воздухъ, женскія груди—воду, бычачье туловище—землю, а львиные когти—огонь:

Египетская пирамида со своими трехугольными сторонами и квадратнымъ основаніемъ, хранимая сфинсомъ, была ничто иное, какъ олицетвореніе мірозданія.

Члены сфинкса имѣли еще слѣдующее значеніе, строго зависѣвшее отъ сейчасъ сказаннаго: они представляли четыре основныя свойства первобытнаго вещества — растворимость, сгущаемость или свертываемость, нагреваемость и охлаждаемость.

Въ рукахъ человѣка онѣ могутъ производить всѣ чудеса магіи, по мнѣнію древнихъ мудрецовъ.

— Что же нужно, чтобы быть истиннымъ магомъ? спрашиваютъ, напр., кабалисты и, незадумываясь, отвѣчаютъ:

— Надо овладѣть таинственными силами, но такъ, чтобы онѣ не могли разрушить насъ.

ГЛАВА V.

Безспорно, что при каждом непонятномъ явленіи человѣкъ можетъ быть обманутъ: или онъ бываетъ жертвою обмана другого человѣка—и тогда этого рода обманъ не можетъ быть продолжителенъ, или же онъ можетъ быть обманутъ своими собственными чувствами—и въ этомъ случаѣ обманъ бываетъ слишкомъ глубокъ и продолжителенъ; чтобы отрѣшиться отъ него необходимо имѣть большой запасъ умственной трезвости и научныхъ знаній.

Можетъ-ли человѣкъ видѣть передъ собою то, чего на самомъ дѣлѣ передъ нимъ нѣтъ?

Вотъ капитальный, важный вопросъ, отъ отвѣта на который, безспорно, зависитъ существованіе или несуществованіе многихъ магическихъ наукъ. Если человѣкъ дѣйствительно ни въ какомъ случаѣ не можетъ видѣть такихъ предметовъ, то всѣ рассказы о подобныхъ видѣніяхъ—ложь, и всѣ къ нимъ средства—пустыя бредни.

Видѣть—значитъ получить какое-нибудь впечатлѣніе на глазные нервы, и онъ-тъ, и наблюденіе могутъ намъ легко доказать, что совершенно различные предметы могутъ производить на эти нервы одинаковое впечатлѣніе и что въ этихъ случаяхъ будетъ одинаковое видѣніе. Напримѣръ, глазъ мо-

жетъ видѣть передъ собою свѣтлую точку въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

- 1) Если передъ нами дѣйствительно находится свѣтлая точка.
- 2) Если въ него ткнуть сильно пальцемъ.
- 3) Если въ глазныя жилы сильно прилѣтъ кровь.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ было одинаковое видѣніе, то мы вправѣ вывести слѣдующія заключенія:

Что отъ разныхъ причинъ нервы могутъ долучить одинаковыя впечатлѣнія и что мы можемъ видѣть и то, чего на самомъ дѣлѣ во все нѣтъ передъ нами.

Но есть еще случай, когда мы видимъ предметъ, котораго нѣтъ передъ нами: это—отраженіе предмета, котораго мы не можемъ видѣть въ извѣстное время, въ чемъ-нибудь отражающемъ и находящемся передъ нами, напр., въ зеркалѣ, водѣ, воздухѣ.

Извѣстно, что отъ нагрѣванія частицы воздуха могутъ такъ расположиться, что образуютъ гладкую поверхность; а вѣдь только и нужна совершенно гладкая поверхность, чтобы отражать предметы; тутъ вещество отражающаго предмета ничего не значитъ.

Такія отраженія бываютъ въ воздухѣ теплыхъ странъ и у насъ въ лѣтніе жары и называются маревами, миражами; часто такимъ образомъ отражаются цѣлыя города и мѣстности.

Итакъ мы представили два случая возможности видѣть предметы, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ передъ нами.

Мы не имѣемъ права предположить, чтобы такихъ случаевъ не было множество и чтобы нельзя было отражать передъ нами, въ чемъ-нибудь для насъ незамѣтномъ, отдаленные, недоступные нашему глазу предметы, и такъ дѣйствовать на наши глаза различными раздражающими средствами, что мы получимъ въ нихъ то же впечатлѣніе, какое бы получили, если бы дѣйствительно былъ передъ нами видимый нами предметъ.

Жаль только, что эти средства весьма плохо описаны древними и весьма мало изучены новѣйшей наукой.

Относительно явленій духовъ, привидѣній и мертвецовъ

часто приходится встрѣчаться съ такого рода доказатель-ствами: «я самъ собственными глазами видѣлъ или собствен-ными ушами слышалъ», и при томъ часто приходится слы-шать это отъ людей почетныхъ, честныхъ, неимѣющихъ въ виду никакихъ постороннихъ цѣлей. Повидимому, противъ такого рода аргументацій и возражать нѣтъ никакой возмож-ности. Это особенно нужно сказать о первомъ доказатель-ствѣ, т. е. когда человѣкъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ видѣлъ извѣстное явленіе. Ни одно внѣшнее чувство не поль-зуется съ нашей стороны такимъ полнымъ довѣріемъ, какъ чувство зрѣнія, и не одинъ внѣшній органъ, кромѣ глаза, не имѣетъ такого широкаго значенія въ нашей внутренней жизни, въ образованіи нашихъ мыслей, сужденій, представ-леній. Значеніе другихъ внѣшнихъ чувствъ въ этомъ процес-сѣ ограничено, и сила ощущений, передаваемыхъ ими нашему уму, значительно слабѣе ощущений глаза. Попадается-ли, на-примѣръ, въ темнотѣ подъ-руку какой-нибудь неизвѣстный предметъ, слышатся-ли уху какіе-нибудь странные звуки, ощущаетъ-ли носъ какой-нибудь особенный запахъ, — если глазъ не видитъ этого предмета, издающаго эти странные звуки и этотъ особенный запахъ, нашъ умъ не испытываетъ въ это время опредѣленнаго впечатлѣнія. Наше ощущеніе въ эту минуту, пріятно-ли оно или непріятно, во всякомъ случаѣ есть болѣе результатъ воображенія, нежели дѣйствія нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Когда же извѣстный предметъ является нашему глазу, и является въ ясныхъ, опредѣлен-ныхъ чертахъ, то для насъ нѣтъ лучшаго доказательства дѣйствительности его существованія. Мы никакъ не можемъ усомниться въ томъ, что видѣли *своими* глазами.

Если наша мысль не въ состояніи объяснить естественны-ми причинами какого-нибудь явленія, то мы скорѣе готовы признать здѣсь участіе непонятной для насъ или даже сверхъ-естественной причины, чѣмъ признать его недѣйствительнымъ. «Хорошо, обыкновенно говорятъ, — толковать тому, кто ничего не видѣлъ. Какъ убѣдите меня, что я не видѣлъ того, что видѣлъ» и т. п.

Здѣсь естественно возникаетъ сомнѣніе: всегда-ли наши глаза представляютъ намъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ? Пользуясь съ нашей стороны такимъ неограниченнымъ до-вѣріемъ, не употребляютъ-ли они его во зло и не обманываютъ-ли насъ?

Если люди, подвергавшіеся такимъ обманамъ—люди невѣжественные, неспособные силою размышленія и знанія объяснить эти обманы, то ихъ умъ всегда будетъ находиться подъ гнетомъ суевѣрія и предрасудковъ. Да и самые образованные люди нерѣдко испытываютъ отъ этихъ обмановъ очень печальныя послѣдствія.

Обманы зрѣнія иногда могутъ сопровождаться разстройствомъ умственныхъ способностей, но чаще—глубокимъ нервнымъ потрясеніемъ.

Объяснить, однакожъ, всякаго рода непонятныя видѣнія и пр. одними обманами зрѣнія, конечно, недостаточно: здѣсь на помощь обманывающему насъ глазу приходятъ часто и другія наши чувства; лучшимъ же помощникомъ глазу въ этомъ случаѣ бываетъ ухо.

Обманы нашихъ чувствъ, особенно зрѣнія и слуха, имѣютъ полную силу только при извѣстной обстановкѣ. Но бываютъ состоянія, когда ни время, ни мѣсто не спасаютъ человѣка отъ иллюзій. Въ жилой комнатѣ, среди многочисленнаго общества, видитъ человѣкъ или людей давно умершихъ, или далеко отсутствующихъ, или, наконецъ, видитъ какихъ-нибудь существъ, совершенно фантастическихъ. Подобные случаи нерѣдки, и притомъ они могутъ быть съ людьми, нестрадающими ни бѣлой горячкой, ни помѣшательствомъ. Это—особая болѣзнь, извѣстная подъ именемъ наклонности къ галлюцинаціямъ.

Этой наклонностью нашихъ чувствъ къ обманамъ, этой спутанной дѣятельностью нашихъ нервовъ не могла не воспользоваться и древняя магія.

Въ самомъ дѣлѣ, на какія способности нашей души дѣйствуетъ все сверхъ-естественное?—На всѣ. Стало-быть, надо сдѣлать наше мышленіе какъ можно менѣе самостоятельнымъ,

какъ можно болѣе податливымъ. Затѣмъ нужно умѣть дѣйствовать на воображеніе, т. е. возбудить въ немъ способность представлять себѣ образы различныхъ предметовъ. Воображеніе—одинъ изъ главныхъ помощниковъ магика: вѣдь что же, какъ не оно, даетъ возможность человѣку видѣть предметъ въ искаженномъ видѣ или видѣть то, чего не только нѣтъ передъ нами, но чего и быть не можетъ?

Посмотримъ, что же такое это воображеніе, что ему помогаетъ дѣйствовать, что подстрекаетъ его или обуздываетъ. Вообще говорятъ, что умъ можетъ обуздать и направить воображеніе, а чувства—разшевелить его.

Но магія, дѣйствуя преимущественно на воображеніе, пользуясь главнымъ образомъ его силами, не имѣетъ надобности ни обуздывать его, ни сдерживать.

Гораздо легче направлять воображеніе, наполняя умъ извѣстными идеями, и еще легче дѣйствовать на чувства.

Но магія можетъ пользоваться еще важной особенностью нашей нервной дѣятельности—и чуть-ли не главной. Это—неопредѣленностью нервныхъ ощущеній.

Дѣло вотъ въ чемъ. Нервъ есть трубочка, наполненная жирообразнымъ веществомъ, которое очень легко измѣняется въ своемъ составѣ, какъ только мы произведемъ на нервъ какое-нибудь впечатлѣніе, какъ, напр., прижмемъ его, уколемъ, нагрѣемъ или охладимъ, подѣйствуемъ электричествомъ, сотрясеніемъ воздуха, эфиромъ, химическими веществами и пр. Это-то измѣненіе нервной мякоти и признано новѣйшей наукой причиной всѣхъ такъ-называемыхъ нервныхъ ощущеній.

Но сообразите же, сколько разнообразныхъ, нисколько не похожихъ другъ на друга дѣятелей могутъ производить эти измѣненія. Затѣмъ примите во вниманіе, что, какіе бы ни были эти дѣятели, все-таки они производятъ въ нервахъ довольно сходныя измѣненія, которыхъ значеніе мы научаемся толковать только навыкомъ, соображеніемъ разныхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось ощущеніе.

Здѣсь открывается неисчерпаемый источникъ обманчивыхъ

ощущеній, обмановъ чувствъ (иллюзій) Стоитъ намъ, подъ вліяніємъ чьихъ-либо убѣжденій, принять одно впечатлѣніе за другое или приписать впечатлѣніе вѣсего одной причины другой,—и наши мысли, чувства, образы получаютъ совершенно другой характеръ.

Это одно. Теперь другое: привычка понимать впечатлѣнія. Мы съ дѣтства приучались принимать нѣкоторыя впечатлѣнія только извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ и принимать ихъ только въ извѣстномъ, постоянно одинаковомъ состояніи извѣстной части нашей нервной системы; измѣните все это хоть сколько-нибудь — и мы объяснимъ впечатлѣніе ложно. Вотъ вамъ примѣръ:

Беремъ скатанный изъ хлѣба шарикъ и кладемъ на него концами 2-й и 3-й пальцы правой руки; отъ него получаемъ два впечатлѣнія (на нервы каждого пальца по одному) — если-бы мы никогда ничего не ощущали пальцами и не видѣли въ то же время предметовъ глазами, то подумали-бы, что подъ пальцами два шарика, потому-что произведены два впечатлѣнія.

Но видя, что шарикъ одинъ, видя это не разъ и не два, мы привыкаемъ считать эти два впечатлѣнія за одно. Вы спросите: такъ-ли это? Совершенно такъ: тутъ все дѣло зависать отъ привычки, отъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ явленіе. Есть на то и доказательство: поставьте эти-же пальцы въ необыкновенное положеніе, напр.: перегните 3-й черезъ 2-й и подложите подъ нихъ шарикъ — вы почувствуете, что подъ пальцами два шарика. А скажи вамъ въ это время какой-нибудь магъ, что онъ изъ одного шарика сдѣлалъ два — и вы можете ему повѣрить.

Такъ и глаза наши постоянно видятъ каждый предметъ вдвойнѣ, потому-что послѣдній производитъ по одному впечатлѣнію на каждый глазъ, и только опытъ приучилъ насъ знать, что предметъ одинъ.

Но выведите глазъ изъ его обыкновеннаго положенія, напр., поднимите его пальцемъ вверхъ — и всѣ предметы передъ вами раздвоятся.

Наконецъ, мы не должны забывать слѣдующаго: нервы соединяются между собою въ нѣкоторыхъ частяхъ и могутъ передавать впечатлѣніе другъ другу; а между тѣмъ мы чувствуемъ, напр., нервами пяти чувствъ только опредѣленные впечатлѣнія: глазами—свѣтъ, образы, слуховыми—звуки, обонятельными—запахъ и пр.

Стало-быть и тутъ нервы могутъ насъ обмануть: отъ передачи впечатлѣнія какъ-нибудь прижатого нерва ноги или руки нерву глаза, мы увидимъ свѣтъ и образы, несуществующіе на самомъ дѣлѣ, нерву слуха — мы услышимъ несуществующіе звуки и т. под.

Сколько новыхъ источниковъ обмана нашихъ чувствъ, воображенія, ума!

Но это еще далеко не все: хотя мы очень плохо знаемъ, какъ слагаются въ нашемъ воображеніи образы, какъ напечатлѣваются свойства, черты предмета, но можемъ заключать, что такъ же, какъ и ощущенія, т. е. сочетаніемъ впечатлѣній, при извѣстномъ составѣ и извѣстномъ расположеніи нервныхъ нитей.

Представьте же себѣ, что болѣзнь или дѣйствіе какой-нибудь физической силы или химическаго вещества измѣнили или составъ нервныхъ волоконъ (что чрезвычайно легко, потому-что эти вещества портятся отъ малѣйшихъ вліяній), или ихъ мѣстоположеніе (сдвинули, раздвинули) — очевидно, что тутъ всѣ впечатлѣнія отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ получать совершенно другой характеръ, отличный отъ собственнаго.

Этимъ-то объясняются всѣ видѣнія, горячечный бредъ, такъ-называемыя галлюцинаціи, сумасшествіе, бессмысленная умственная дѣятельность подъ вліяніемъ вина, опіума, гашиша, нѣкоторыхъ ядовъ, излишка или недостатка пищи, излишняго жара или холода и прочихъ очень сильныхъ раздраженій.

Но какой именно составъ нервныхъ веществъ и какое именно расположеніе нервныхъ нитей вызываютъ какія впечатлѣнія, образы и чувства, какое они имѣютъ вліяніе на имѣю-

щіяся уже въ душѣ впечатлѣнія,—все это почти еще нисколько не разобрано современной наукой.

Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что наша мысль есть только дѣятельность, видоизмѣненіе нашего нервнаго вещества; мы не въ силахъ даже уловить соотношенія между мыслью и вообще нашей душевною дѣятельностью и дѣятельностью нервовъ, хотя не можемъ не признать, что душа дѣйствуетъ черезъ тѣло, а, слѣдовательно, состояніе этого послѣддаго можетъ нѣсколько видоизмѣнять ея дѣйствіе, хотя неизвѣстно—насколько.

Но этого мы пока почти совершенно не умѣемъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и теперешняя медицина, и древняя магія подмѣтили уже нѣкоторыя тайны въ этой области человѣческихъ знаній; разумѣется, все это пока очень грубо.

Останавливали-ли вы, напр., вниманіе на вашихъ снахъ, на вашихъ грезахъ, когда вамъ нездоровится, на странныхъ фантазіяхъ пьяныхъ, на всѣхъ ужасахъ и нелѣпостяхъ помѣшательства? Какія удивительныя, повидимому, сверхъ-естественныя, чудесныя дѣйствія души!

А между тѣмъ тутъ многое и теперь можетъ быть объяснено довольно просто, хотя, повторяемъ, далеко не вполне опредѣленно, а, слѣдовательно, и неудовлетворительно для полнаго, вполне здраваго ума.

Но надо ждать, наблюдать, изслѣдовать — и многое еще откроется человѣку!

Не правда-ли, что когда мы вздумаемъ что-нибудь разыгрывать на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ, то надо прежде всего узнать хорошенько всѣ свойства этого инструмента?

Не то-ли представляетъ и магія?

Не разыгрываетъ-ли магикъ на нашей душѣ все, что только ему вздумается? Не заставляетъ-ли онъ насъ испытывать всевозможныя чувства: радости, грусти, надежды, отчаянія, храбрости, страха; не вызываетъ-ли онъ въ нашемъ воображеніи всевозможныя образы, сцены, картины, а въ умѣ—рядъ какихъ ему угодно мыслей?

Но извѣстно, что вишіе предметы могутъ касаться нашей

души только посредствомъ какихъ-нибудь частей, приборовъ (органовъ) нашего тѣла, точно такъ же, какъ музыкантъ, для пробужденія звуковъ, т. е. души, въ своемъ инструментѣ, долженъ коснуться его струнъ.

И это сравненіе вѣрно до малѣйшихъ подробностей.

Такъ неужели и въ душѣ есть струны?

Есть,—или, вѣрнѣе, въ нашемъ тѣлѣ натянуты струны, которыхъ колебанія, раздраженія производятъ ту игру, которую мы называемъ чувствами, образами, мыслями. Эти-то струны и называются нервами.

Ну, какъ же намъ не узнать и не познакомиться со всѣми свойствами нашихъ нервовъ, если мы собираемся разыгрывать на душѣ нашихъ ближнихъ всякія магическія пьесы? Ясно, что безъ этого знанія мы будемъ немощны и безсильны.

Итакъ, непоскучайте хорошенько ознакомиться со свойствами вашихъ нервовъ, если хотите дѣйствовать магически на другихъ, и, что еще чаще понадобится — понимать магическое дѣйствіе на васъ другихъ. Не поскучайте узнать, какъ въ васъ производится, какъ и чѣмъ видоизмѣняется мысль, образъ и чувство — и, разумѣется, зная это вполне основательно, вы и сами произведете эти видоизмѣненія, прикоснувшись къ нервамъ необходимыми для нихъ дѣятелями.

Не трудно замѣтить, что наше тѣло и тѣло почти каждаго животнаго состоитъ изъ очень разнообразныхъ веществъ и что каждое изъ нихъ имѣетъ въ тѣлѣ свое особенное занятіе, работу или, какъ говорятъ, отправленіе. Одно изъ этихъ веществъ или нѣсколько вмѣстѣ (это послѣднее почти всегда) образуютъ въ нашемъ тѣлѣ различныя его части, приборы (напр., руки, ноги, глаза, желудокъ и проч.), которые называются органами и тоже имѣютъ каждый свое занятіе. Занятія эти зависятъ какъ отъ строенія самыхъ органовъ, такъ и отъ преобладающихъ въ нихъ веществъ. Эти вещества главнымъ образомъ слѣдующія: кости, мясо, жилы, кожа, волосы, кровь, разные соки, наконецъ, особенное вещество, мягкое, нѣжное, на ощупь жирное, и сѣраго или бѣлаго цвѣта, называющееся нервнымъ веществомъ. Оно-то имѣетъ способъ

ность чувствовать всякія прикосновенія чего-нибудь посторонняго къ какой бы то ни было части нашего тѣла, гдѣ только будетъ находиться хоть малѣйшая его частичка, понимать эти прикосновенія, т. е. ощущать ихъ, знать, что онѣ сдѣлались. Но знаніе уже собственно относится къ душевной дѣятельности, которая не находится въ нервѣ. Стало-быть нервъ измѣняется отъ впечатлѣнія, но затѣмъ, какъ понимаетъ это измѣненіе душа—мы не знаемъ, не знаемъ даже нужно-ли непременно это измѣненіе нервнаго вещества, чтобы душа получила ощущеніе, образъ или понятіе.

Но что такое это чувство нашей нервной мякоти?

На это наука пока не умѣетъ положительно отвѣтить; она знаетъ только, что словомъ — чувство, ощущеніе мы называемъ состояніе нервной мякоти, когда она начинаетъ измѣняться въ своемъ составѣ отъ дѣйствія на нея какихъ-нибудь внѣшнихъ предметовъ (впечатлѣній). Многіе полагаютъ, что самое это измѣненіе, самая порча нервнаго вещества и составляетъ въ насъ то, что мы называемъ ощущеніемъ, такъ какъ положительно доказано, что ни одно наше ощущеніе не обходится безъ порчи того нервнаго вещества, которое испытываетъ это ощущеніе.

Что же можетъ произвести измѣненіе состава нервнаго вещества, а слѣдовательно и ощущеніе?

Самыя разнообразныя причины: прикосновеніе чего бы то ни было, ударъ, уколъ, нагрѣваніе, охлажденіе, электричество, свѣтъ, химическія измѣненія состава веществъ, которыя прикасаются къ нервному веществу, наконецъ, чрезвычайно трудно-объяснимая причина — воспоминаніе прежнихъ ощущеній.

Дѣйствительно, мы представимъ вамъ ниже нѣсколько примѣровъ, что мысль о бывшемъ ощущеніи можетъ произвести въ насъ такое же ощущеніе, какое производитъ самый предметъ этой мысли.

Но если измѣненія въ составѣ нервнаго вещества производятъ въ насъ ощущенія, изъ которыхъ составляются наши мысли, чувства, образы и желанія, то, конечно, очень любопытно знать различны-ли бываютъ эти видоизмѣненія нерв-

наго вещества отъ различныхъ ощущеній, и которое изъ измѣняющихъ средствъ производить именно то или другое измѣненіе?

Если бы было узнано, какія именно мысли, чувства, образы и желанія можетъ производить, напр., уколъ въ руку, то было бы всегда въ нашей власти производить ихъ въ комъ угодно.

Что дѣйствительно нерѣдко одинъ и тотъ же дѣятель можетъ производить въ нервномъ веществѣ самыя разнообразныя, часто вовсе непохожія другъ на друга ощущенія, и, наоборотъ, одно и то же ощущеніе (чувство, мысль, образъ) можетъ быть произведено самыми несходными дѣятелями,—это теперь доказано многими опытами, какъ увидимъ ниже.

Только все это, къ сожалѣнію, очень мало изучено учеными, иначе вся магія была бы въ нашихъ рукахъ, т. е. мы могли бы властвовать надъ мыслями, чувствами, воображеніемъ и желаніями другихъ посредствомъ какихъ-нибудь простыхъ средствъ — прикосновеній, снадобій и пр.

И нѣтъ причины предполагать, что наука со временемъ не достигнетъ этихъ важныхъ и интересныхъ знаній.

Внутри всего нашего тѣла, во всѣхъ его веществахъ — мясномъ, костномъ, жильномъ, — проходятъ во всевозможныхъ направленіяхъ чрезвычайно тонкія, бѣловатыя нити, которыя и называются нервами. Каждая тонкая нить состоитъ изъ пучка трубочекъ, заключающихъ внутри нервное вещество.

Мѣстами эти нервы входятъ въ довольно большіе комки этого вещества, которые называются нервными узлами. Особенно много такого вещества скоплено въ двухъ мѣстахъ нашего тѣла: въ черепѣ (это головной мозгъ) и въ спинной кости, которая называется позвоночнымъ столбомъ (это спинной мозгъ); отъ нихъ обоихъ идутъ нервы въ различныя органы тѣла.

Стало-быть, гдѣ будетъ больше ощущеній?—Въ головномъ и спинномъ мозгу.

Потому-то эти части нашего тѣла самыя нѣжныя, самыя чувствительныя ко всякимъ болѣзнямъ.

Теперь представьте себѣ, что отъ какого-нибудь мѣста поверхности нашего тѣла, напр. отъ пальца, идетъ внутрь, къ какому-нибудь нервному узлу, нервъ—и затѣмъ, отъ этого же узла идетъ къ этому же мѣсту поверхности другой нервъ. Наконецъ, предположите, что сказанный узелъ соединенъ нервомъ съ другимъ узломъ, отъ котораго нервъ идетъ въ другой органъ тѣла, напр., въ глазъ или ухо.

Прежде всего замѣтите, что если будетъ раздраженъ нервъ, прикасающійся къ мясу (мускулу), то онъ его выведетъ изъ покоя и мускулъ начнетъ сжиматься и расширяться и произведетъ то, что называется движеніемъ органа (напр., согнуть палецъ).

Но это движеніе мы не всегда будемъ считать движеніемъ, а иногда понимать его нѣсколько иначе: такъ, раздраженіе нерва въ глазу мы называемъ свѣтомъ, раздраженіе въ ухѣ—звукомъ.

Вернемся теперь къ нашему примѣру и посмотримъ, что будетъ, если чѣмъ нибудь раздражить, напр. уколотъ палецъ. Въ узлѣ мы почувствуемъ боль, а затѣмъ другой нервъ, возбужденный узломъ, произведетъ въ пальцѣ движеніе (отдернемъ палецъ). Но въ то же время посредствомъ нерва получимъ ошущеніе въ другомъ узлѣ, и это ошущеніе, переданное нервамъ глаза, произведетъ, положимъ, въ насъ ошущеніе свѣта, а нервамъ слуха — ошущеніе звука.

И вотъ свѣтъ и звукъ могли произойти отъ укола пальца! Но въдѣ кромѣ простого свѣта, въ глазу могутъ возникать различные образы, а въ ухѣ, кромѣ простого шума, разные звуки, имѣющіе смыслъ,—напр., слова. Сколько же, значить, образовъ и словъ можетъ произвести какой-нибудь простой уколъ пальца!

Но бываютъ случаи, что мы, повидимому, совершенно покойны, что не испытываемъ никакихъ виѣшнихъ впечатлѣній, а между тѣмъ нервы наши, очевидно, работаютъ: безпрерывно въ насъ мѣняются мысли, образы, чувства, желанія. Тутъ что дѣлается?

Раздраженія нервовъ; но они происходятъ только отъ вну-

тренней дѣятельности нашего тѣла: отъ переливовъ соковъ, отъ кровообращенія, отъ незамѣтнаго для насъ соvrращенія внутреннихъ мускуловъ, отъ измѣненія температуры и электричества въ нашемъ тѣлѣ, вслѣдствіе химическаго процесса его питанія и пр.

Не правда-ли, сколько самыхъ разнообразныхъ причинъ для непрерывныхъ раздраженій всѣхъ нервовъ, а слѣдовательно для самыхъ разнообразныхъ ощущеній?

Теперь рассмотримъ обстоятельно особенно важныя свойства нервовъ, а именно тѣ, которыя могутъ объяснить нѣкоторыя магическія дѣйствія.

Прежде всего скажемъ о передачѣ ощущеній, такъ какъ отъ нея можетъ зависѣть, какъ мы уже и видѣли, много обмановъ чувствъ. Этой передачей можно заставить васъ видѣть, слышать то, чего вовсе нѣтъ, — развѣ это не драгоценныя средства для искуснаго магика?

Мы знаемъ уже, что вещества нервныхъ узловъ и комковъ (центровъ) почти всѣ связаны между собою нервами. Такъ есть нервы подъ всей кожей; они идутъ къ спинному мозгу, а спинной соединенъ съ головнымъ, гдѣ зарождается мысль.

Значитъ, не можетъ-ли простое раздраженіе кожи, напр., щекотаніе, нагрѣваніе произвести въ насъ различныхъ мыслей, образовъ? Можетъ, какъ увидимъ ниже. Но такъ какъ нервныхъ узловъ много во всемъ тѣлѣ и всѣ они между собой, съ нервами и съ мозгомъ соединены такъ, что ни одно внѣшнее впечатлѣніе не достигаетъ мозга, непрошедши почти чрезъ всѣ нервныя узлы, а, стало быть, нераздраживши почти всѣхъ нервовъ, то, поймите, какую же громадную массу самыхъ разнообразныхъ ощущеній мы должны испытывать ежеминутно, такъ какъ не проходитъ и секунды, въ которую хоть одинъ изъ нашихъ нервовъ не былъ бы чѣмъ-нибудь раздраженъ извнѣ или внутри тѣла!

И послѣ этого неужели вы будете удивляться той безмѣрной быстротѣ, съ которой бѣгутъ въ насъ другъ за другомъ самыя разнообразныя мысли, чувства, образы?

Скажите, найдется-ли въ мірѣ оркестръ, въ которомъ одно движеніе капельмейстерской палочки вызвало бы такой потокъ самыхъ сложныхъ аккордовъ, тогда какъ одно чуть-уловимое впечатлѣніе вызываетъ такое множество нервныхъ ощущеній? И, дѣйствительно, ихъ такъ много, что человѣческое вниманіе можетъ уловить развѣ какую-нибудь десятую часть.

Кстати, что такое вниманіе?

Это особенное настроеніе нашего тѣла, сохраняющее долго и выдѣляющее отъ другихъ какое-нибудь нервное ощущеніе. Что причиной этого явленія: сила-ли нашей воли, которая настраиваетъ такимъ образомъ нервы, или сила какого-нибудь впечатлѣнія—до сихъ поръ положительно неизвѣстно.

Но извѣстно одно: чѣмъ мы внимательнѣе къ одному ощущенію, тѣмъ менѣе будемъ чувствовать другія впечатлѣнія, и наоборотъ — одно чрезмерно-сильное впечатлѣніе можетъ значительно ослабить силу прочихъ. Попробуйте съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за какимъ-нибудь однимъ инструментомъ въ оркестрѣ—и всѣ прочіи какъ-будто перестанете слышать, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что они звучать не тише прежняго, а, слѣдовательно, вы ихъ тоже должны слышать.

Передачей ощущеній, разумѣется, объясняется, какъ нельзя лучше, и такъ-называемое воспоминаніе ощущенія. Какъ представить себѣ вспомнившееся ощущеніе? Для ясности сравнимъ его съ неусиѣвшей зажить ранкой, которую мы опять развредили неосторожнымъ прикосновеніемъ.

Вотъ и представимъ себѣ въ какомъ-нибудь узлѣ такую заживающую ранку прежняго впечатлѣнія; вдругъ на нее дѣйствуетъ другой узелъ посредствомъ соединяющаго ихъ нерва,—ранка развережена, и мы вспомнимъ бывшее, почти забытое ощущеніе: мысль, образъ, чувство, желаніе. Неправда-ли, что такимъ образомъ, пожалуй, чье-нибудь прикосновеніе къ вашей рукѣ можетъ вызвать въ васъ воспоминаніе о миліонѣ лицъ или какой-нибудь страшной сценѣ?

Не трудно убѣдиться самымъ простымъ наблюденіемъ, что одинъ и тотъ же предметъ производитъ всегда въ насъ нѣ-

сколько ощущений. И замѣчательно, что если какимъ-нибудь способомъ будетъ вызвано въ нашихъ нервахъ воспоминаніе объ одномъ изъ этихъ ощущений, то вспомнятся и другія.

Конечно, это легко объясняется вышесказанной связью впечатлѣній и передачей ощущений.

Вотъ примѣръ: вы слышали какой-нибудь напѣвъ. Если затѣмъ вы почему-нибудь вспомните хоть два-три его звука, то почти не въ состояніи будете воспрепятствовать воспоминанію и всѣхъ остальныхъ звуковъ. То же надо сказать и относительно цѣлыхъ фразъ, изъ которыхъ вы бы хотѣли вспомнить только одно слово.

Наши мысли, настроеніе нашей души, нашего ума имѣютъ громадное вліяніе на характеръ созданныхъ воображеніемъ человѣка представленій.

Въ чемъ состоитъ умозаключеніе—наука и этого еще доподлинно не знаетъ, но извѣстно только, что помѣшанный не способенъ постигать настоящаго соотношенія вещей, т. е. истины, и что его умозаключенія ложны.

Во всѣхъ бредняхъ магіи, безспорно, были какія-то истинныя основанія, но всѣ эти истины были схвачены въ своемъ зародышѣ, нисколько здраво не разработаны, а вмѣстѣ развиты въ чудовищныя фантазіи подъ вліяніемъ больного воображенія.

Невольно сталкиваемся здѣсь съ вопросомъ: на сколько здоровье или болѣзнь тѣла могутъ имѣть вліяніе на здоровье и болѣзнь души, ума, воображенія?

Взаимное отношеніе между душой и тѣломъ, взаимное ихъ вліяніе другъ на друга въ настоящее время не подвержено сомнѣнію; но въ чемъ именно оно состоитъ, какъ душа распоряжается своимъ орудіемъ—тѣломъ, гдѣ предѣлы между тѣлесными и душевными дѣйствіями—никто еще сказать не можетъ.

Но несомнѣнно, что древніе магики хорошо понимали важность тѣла для души и, можетъ быть, какъ мы уже замѣтили и выше, придавали тѣлу слишкомъ преобладающее значеніе; это вытекаетъ несомнѣнно изъ всѣхъ ихъ убѣжденій.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

Если мы въ этой главѣ преимущественно останавливаемся на изложеніи сущности нашей нервной дѣятельности, то вовсе не хотимъ этимъ сказать, что душевная дѣятельность есть не больше, какъ дѣятельность нашихъ нервовъ, или даже, что нервы имѣютъ на душу самое рѣшительное, преобладающее вліяніе.

Всѣ эти вопросы, повторяемъ, совершенно недоступны современному научному изслѣдованію.

ГЛАВА VI.

Мы сдѣлали очеркъ характера нервныхъ впечатлѣній; намъ остается сказать, что разстройствомъ нервовъ нерѣдко объясняются и нѣкоторыя душевныя, умственныя разстройства, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и эти послѣднія могутъ имѣть на нервы такое же, если еще не большее, вліяніе, что и можетъ доказывать ихъ полную самостоятельность относительно другъ друга.

Но магики, какъ мы знаемъ, сбивались съ толку въ этомъ вопросѣ, а потому въ ихъ изложеніи надо нерѣдко ставить слова: умственная и душевная дѣятельность, вмѣсто мозговой и нервной.

Итакъ, вотъ что говорятъ магики о нервной дѣятельности, для оправданія своихъ дѣйствій на тѣло человѣка, съ цѣлью овладѣть его душою.

Есть предположеніе, что мысль о какомъ-нибудь дѣйствіи точно также дѣйствуетъ на мозгъ, какъ и самое дѣйствіе, и что если мы недостаточно сознаемъ, вслѣдствіе ослабленія умственныхъ способностей,—мысль-ли о дѣйствіи производить на насъ это впечатлѣніе или самое дѣйствіе, то можемъ подумать, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, вызваннаго только мыслию, что передъ нами самое дѣйствіе. Если все это въ

самомъ дѣлѣ такъ, то смотрите, съ какою легкостью объясняются видѣнія, призраки, наконецъ, сновидѣнія!

А одинаковость впечатлѣнія отъ мысли о дѣйствіи и отъ самаго дѣйствія—дѣло возможное; вѣдь мысль о дѣйствіи не есть-ли, въ сущности, только воспоминаніе о впечатлѣніи, произведенномъ какимъ-нибудь прежнимъ подобнымъ дѣйствіемъ? Вотъ почему оба эти впечатлѣнія на мозгъ едва-ли и могутъ быть неодинаковы.

Просимъ хорошенько замѣтить этотъ выводъ и рассмотримъ вопросъ объ участіи разныхъ частей нашего тѣла въ образованіи нашихъ впечатлѣній; этотъ вопросъ потому здѣсь важенъ, что магнуку гораздо легче дѣйствовать на наше тѣло, чѣмъ прямо на душу, да, пожалуй, на эту послѣднюю прямо никакъ и не подѣйствовать.

Многіе думаютъ, что отъ [состоянія нашего мозга (его строенія, здоровья и пр.) зависитъ характеръ нашего мышленія. Но это несовсѣмъ справедливо. Конечно, состояніе нашего мозга имѣетъ здѣсь нѣкоторое вліяніе, но на сколько — нельзя опредѣлить. Но такъ какъ мозгъ, какъ мы уже и видѣли, получаетъ впечатлѣнія тоже отъ всѣхъ нервовъ нашего тѣла, которые проходятъ въ самыхъ разнообразныхъ его органахъ и тканяхъ, то понятно, что строеніе и здоровое или болѣзненное состояніе каждаго изъ этихъ послѣднихъ будетъ нѣсколько вліять на характеръ нашей нервной дѣятельности.

Чѣмъ тѣснѣе и прямѣе эти органы связаны съ мозгомъ, тѣмъ ихъ вліяніе на мозгъ сильнѣе и рѣшительнѣе. Такъ сердце, желудокъ, половые органы, печень, легкія имѣютъ на него болѣе сильное вліяніе, чѣмъ, напр., мочевой пузырь, селезенка, кишка.

Отъ ихъ измѣненія, порчи, болѣзни, развитія мѣняются впечатлѣнія и самый характеръ человѣка, хотя бы при этомъ вовсе не было измѣненія въ самомъ мозгу. Напр., мысли, характеръ и чувства дѣвушки значительно мѣняются во время ея полового развитія.

Любопытно также вліяніе кастраціи (оскопленія) на харак-

теръ мужчины. Лишившись отличія мужескаго пола отъ женскаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишается какъ-будто и другихъ отличительныхъ свойствъ характера мужчины, а, напротивъ, приобретаетъ много женственности, напр., начинаетъ любить наряды, нѣженъ къ маленькимъ дѣтямъ, получаетъ женскую мягкость и округленность формъ тѣла, женскій голосъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и много женскихъ наклонностей.

Одну изъ особенностей нашей умственной дѣятельности составляетъ то, что мы называемъ памятью, т. е. способностью сохранять впечатлѣнія на нервы и возобновлять ихъ, если они забудутся. Уже изъ всего предъидущаго мы можемъ смѣло вывести заключеніе, что память крайне необходима для мышленія,—вѣдь новыя мысли, какъ мы видѣли, только дальнѣйшее развитіе тѣхъ, которыя сохраняетъ память.

Каждый знаетъ изъ собственнаго опыта, что у различныхъ людей память бываетъ различна и что у одного и того же человѣка она бываетъ сильнѣе относительно нѣкоторыхъ предметовъ и слабѣе относительно другихъ (напр., память словъ, мѣстности, чиселъ, образовъ, музыкальных звуковъ и пр.) и, мало этого, память, отъ самыхъ различныхъ обстоятельствъ, въ различныя времена, дѣйствуетъ съ различною силою.

Память всего сильнѣе въ дѣтствѣ, а съ лѣтами постоянно слабѣетъ. Она дѣйствуетъ живѣе отъ всего, что только вообще раздражаетъ нервное вещество, и, напротивъ, слабѣетъ отъ дѣйствія тѣхъ предметовъ, которые дѣйствуютъ на нервы ослабляющимъ, успокоительнымъ образомъ.

Притомъ память различныхъ нашихъ органовъ неодинакова, т. е. нервное вещество не во всѣхъ частяхъ нашего тѣла одинаково впечатлительно. Такъ замѣчено, что память нашихъ глазъ, т. е. впечатлѣнія на ихъ нервы, сильнѣе памяти слуха.

Видѣли стариковъ, которые могли еще написать какое-нибудь слово, но уже не могли вспомнить, какъ оно выговаривалось.

Вотъ почему, если вы захотите, чтобы что-нибудь легче запомнилось слухомъ, то присоедините къ этому какое-ни-

будь соотвѣтствующее впечатлѣніе на зрѣніе. Такъ, часто ученикъ начинаетъ говорить заученный урокъ, когда вспомнить мѣсто его въ книгѣ.

Память, какъ и вообще вся наша чувствительность, можетъ быть совершенно притуплена, потеряна, или можетъ производить обманчивыя, неправильныя ощущенія отъ какого-нибудь расстройства. Скажемъ сначала о первомъ.

Память притупится, когда нервное вещество потеряетъ способность быстро подвергаться требуемымъ химическимъ измѣненіямъ, подъ влияніемъ различныхъ раздраженій, напр., когда оно ослабѣетъ отъ старости, болѣзни, слишкомъ сильной или недостаточной дѣятельности. Если эти причины будутъ черезчуръ сильны, то память можетъ совершенно уничтожиться—на-время или навсегда.

Во-первыхъ, замѣтите, что если въ одно время производятся на насъ два однородныя впечатлѣнія, изъ которыхъ одно гораздо сильнѣе другого, то болѣе слабое вовсе не чувствуется, хотя въ другое время мы чувствовали бы его довольно сильно.

Дѣйствуйте чѣмъ-нибудь острымъ на чьи-нибудь обѣ руки; если на правую будете дѣйствовать очень сильно, то лѣвая не будетъ ничего чувствовать, хотя вы и на нее нажимаете остриемъ.

Бываетъ также ослабленіе или потеря памяти только относительно нѣкоторыхъ предметовъ, и именно въ зависимости отъ болѣзненныхъ расстройствъ нѣкоторыхъ мѣстъ мозга, что, между прочимъ, еще разъ можетъ доказать, что различныя части мозга имѣютъ свои особенныя работы въ умственной дѣятельности человѣка (на чемъ основывается френологія).

Теперь намъ надо сказать о такъ-называемыхъ нервныхъ иллюзіяхъ или обманахъ чувствъ, т. е. о такихъ, повидимому, странныхъ случаяхъ, когда извѣстный дѣятель производить на разстроенное нервное вещество не то впечатлѣніе, которое онъ производитъ на неразстроенное (нормальное).

А такіе случаи бываютъ, какъ сейчасъ увидимъ; если же подобныя вещи возможны, то, посудите, какъ онѣ должны

быть драгоценны для магика, который, благодаря имъ, можетъ по произволу обманывать ваши чувства.

Наша кожа чувствуетъ хорошо жаръ и холодъ и различаетъ всѣ степени какъ того, такъ и другого. Но попробуйте сдѣлать съ кожей или съ частью ея слѣдующее измѣненіе: пусть часть кожи потеряется отъ обжога. Тогда эта часть не будетъ чувствовать теплоты: были примѣры, что вещи, нагрѣтыя до 45° Ц., казались такому мѣсту тѣда холоднѣе вещей, нагрѣтыхъ только до 6° .

Замѣтите встати разницу между нашей правой и лѣвой рукой. Правая рука гораздо чувствительнѣе въ осязаніи, чѣмъ лѣвая, но въ то же время хуже лѣвой чувствуетъ температуру. Убѣдиться въ этомъ не трудно: налейте въ посуду воды известной температуры и погрузите въ нее обѣ руки; лѣвой рукѣ покажется, что вода теплѣе, чѣмъ правой. Еще болѣе рѣзкое доказательство: погрузите каждую руку въ особый сосудъ, и пусть въ лѣвомъ вода будетъ холоднѣе, чѣмъ въ правомъ: лѣвой рукѣ можетъ показаться, что вода въ лѣвомъ теплѣе.

Посмотрите, напр., какъ можетъ обманываться органъ вкуса! Холодная струя воздуха, направленная на языкъ, произведетъ въ немъ чувство соленого, селитряного вкуса, между тѣмъ какъ обновленный воздухъ вовсе не производитъ этого впечатлѣнія.

Сильное полосканіе рта холодной водой производитъ у нѣкоторыхъ сладкій вкусъ.

Наконецъ, если быстро, но не нажимая, проведемъ концомъ пальца по концу языка такъ, чтобы задѣты были только выступающіе на немъ сосочки, то мы иногда почувствуемъ кислый вкусъ.

Иногда одно и то же вещество можетъ казаться имѣющимъ вкусъ или не имѣющимъ его, смотря по тому, какое будетъ состояніе языка: такъ, если онъ будетъ сухъ, то вещества со вкусомъ покажутся безвкусными. Но газы дѣйствуютъ наоборотъ: вкусъ ихъ мы чувствуемъ только сухимъ языкомъ.

Пахучее вещество можетъ показаться непахучимъ, напр.,

букетъ цвѣтовъ. Для этого нужно, чтобы съ его запахомъ проникли въ нозь пары угольной кислоты; пока будетъ дѣйствовать на обоняніе эта кислота — букетъ не будетъ пахнуть, а коль скоро перестанетъ, букетъ снова получитъ запахъ.

Поднимите какому-нибудь лицу руки вверхъ и убѣдите его, что на руки ему положили довольно большую тяжесть; затѣмъ оставьте его такъ, съ поднятыми руками, на нѣсколько времени. Ему вскорѣ покажется, что онъ дѣйствительно поддерживаетъ тяжесть; это — иллюзія.

Наконецъ, лица, впавшія въ нервное ослабленіе, если ихъ убѣждать, что они пьютъ вино, между тѣмъ, какъ онѣ пьютъ воду, могутъ думать, что онѣ въ самомъ дѣлѣ пьютъ вино. Отчего это? Тутъ дѣйствуютъ двѣ причины: раздраженіе нервовъ вкуса водою, и мысль о томъ, что это раздраженіе происходитъ отъ вина. И здѣсь опять тотъ случай, что ослабленные нервы не могутъ различить впечатлѣнія мысли о явленіи отъ впечатлѣнія самого явленія.

У первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемъ, сравнительно съ образованными націями, усиленную нервную воспримчивость и раздражительность. Всякому извѣстны ихъ дѣтская нервность и раздражительность, легкая способность перехода отъ горя къ радости и наоборотъ, ихъ наклонность къ бѣшенному неистовству и пр. Эта естественная нервная раздражительность порождаетъ у нихъ весьма любопытныя для насъ явленія.

Путешественники рассказываютъ объ яванкахъ, что онѣ до крайней степени нервно-раздражительны, и живущіе тамъ европейцы рѣдко довѣряютъ имъ ухаживать за дѣтьми, такъ какъ онѣ, испугавшись чего-нибудь или удивившись, могутъ уронить и повредить ребенка.

Бастіанъ рассказываетъ объ одной служанкѣ въ Тунисѣ, которая невольно подражала каждому жесту, который дѣлало при ней другое лицо. Однажды, когда она входила съ руками полными тарелокъ, стакановъ и т. п., сидѣвшіе за столомъ, сговорившись передъ этимъ, всѣ разомъ хлопнули въ ладоши, и служанка мгновенно бросила все, что у ней было въ рукахъ и точно такъ же ударила въ ладоши.

То же самое замѣчено въ восточной Сибири у жителей Забайкалья. Тамъ эта нервная раздражительность различнымъ жеста́мъ извѣстна подѣ именемъ — *меречить*.

Бывали случаи, что судороги одного какого-нибудь лица сообщались и окружающимъ, которые опять выздоравливали, когда больной удалялся отъ нихъ или излечивался.

У европейскихъ народовъ мы уже не встрѣчаемъ такой сильной воспримчивости или раздражительности въ нервныхъ болѣзняхъ, но она можетъ появляться при нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ, напр. психическихъ эпидеміяхъ. Подобный случай произошелъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ Морницѣ, въ верхней Силезіи. Тогда, преимущественно между женщинами, появилась болѣзнь, обнаруживавшаяся конвульсіями, криками, сильными болями и пр. Она распространялась эпидемически, поражая сперва молодыхъ дѣвушекъ, потомъ женщинъ среднихъ лѣтъ и, наконецъ, старухъ, дѣйствуя только на немногихъ мужчинъ. Она продолжалась около 5 лѣтъ и для прекращенія ея понадобились распоряженія правительства. Примѣръ такой заразительности психическихъ болѣзней мы находимъ въ исторіи *янгемизма*. Тогда точно такъ же заболѣваніе происходило преимущественно между женщинами и сопровождалось конвульсивными припадками, отчего члены этой секты получили названіе „конвульсіонеровъ“.

Подобные случаи нервно-психическихъ болѣзненныхъ эпидемій обнаруживались весьма часто и въ средніе вѣка. Вообще можно предположить, что многія нервныя расстройства, какъ, напр., бѣснованія колдуновъ, шамановъ и дервишей, а также спиритическія дѣйствія медіумовъ — заразительны для присутствующихъ. Нѣтъ-ли и теперь этихъ нервно-психическихъ эпидемій, хотя выражающихся въ какой-нибудь иной формѣ?

Средствъ дѣйствовать на нервы чрезвычайное множество; однѣ изъ нихъ усыпляютъ, успокоиваютъ, другія, напротивъ, оживляютъ, раздражаютъ и часто даже выводятъ нервы изъ ихъ обыкновеннаго, нормальнаго состоянія, заставляя ихъ дѣйствовать какъ-нибудь странно, противуестественно; какъ, напр.,

нѣкоторыя одуряющія вещества: спиртъ, опиумъ, гашишъ, бѣлена и пр. Въ жаркихъ странахъ, гдѣ магія преимущественно процвѣтала, всѣ эти средства были извѣстны въ самыя древнія времена; быть можетъ даже были извѣстны и такія, которыхъ употребленіе теперь забыто. Къ этимъ же средствамъ принадлежатъ: круговращеніе и однообразность впечатлѣнія; ихъ съ большимъ успѣхомъ употребляли и древнія германскія колдуньи, жрицы и пр. Онѣ главнымъ образомъ старались достигнуть того, чтобы произвести въ себѣ головокруженіе и бредъ, подвергая свои нервы какимъ-нибудь самымъ однообразнымъ впечатлѣніямъ.

Такъ, древнія германскія жрицы, когда хотѣли впасть въ волшебное состояніе и предсказывать, долго прислушивались въ журчанью ручья или шуму потока, и затѣмъ умъ ихъ начиналъ понемногу туманиться, голова кружиться и онѣ принимались болтать всякій вздоръ, который и шелъ за пророчество.

Множество народовъ и въ настоящее время употребляютъ подобные же средства. Такъ, шаманы сибирскихъ племенъ и колдуны нѣкоторыхъ африканскихъ негровъ, даромъ что первые ходятъ въ шубахъ, а послѣдніе почти ни въ чемъ; они одинаково приводятъ себя въ такое состояніе: кривляются, кружатся и пляшутъ, пока не упадутъ въ совершенномъ изнеможеніи и съ пѣною у рта. Въ этомъ положеніи они также не чувствительны къ боли, угадываютъ прошедшее и предсказываютъ будущее. У американскихъ шекеровъ и восточныхъ кружащихся дервишей мы видимъ то же самое.

Всѣ эти средства производятъ возбужденіе чувствъ и воображенія и доводятъ до какого-то усыпленного состоянія, которое было особенно прославляемо издревле. Не мудрено, что и пноіи были доводимы до такого же усыпленного состоянія.

Нѣтъ сомнѣнія, что, дѣйствуя постоянно на нервы человѣка совершенно однообразными средствами, можно ихъ почти подчинить своей волѣ. То же самое замѣчается и относительно животныхъ, такъ какъ у нихъ нервы устроены подобно нашимъ.

Такія вліянія употреблялись древними магами, а въ настоящее время многими укротителями звѣрей. Вообще, очень трудно объяснить дѣйствія различныхъ приручителей и укротителей животныхъ, — до того онѣ кажутся странными съ перваго взгляда; но тутъ должно быть одно правило: надо произвести на животныхъ сильное впечатлѣніе—или очень пріятное, или очень непріятное.

Послѣ всего сказаннаго нами о магіи и жрецахъ, становятся понятны слова Плинія: „ни одна наука въ древности не пользовалась такимъ уваженіемъ и не была такъ прилежно изучаема, какъ магія“. То же самое говоритъ и Вольтеръ: „всѣ вѣрили въ магію. Ученіе о духахъ и магіи распространено по всей землѣ“.

Писатель нашего времени, Фердинандъ Дени, говоритъ слѣдующее: „да не подумаютъ, что вѣра въ чудеса и магію была распространена только въ одномъ простомъ народѣ, — нѣтъ, и въ Европѣ, и въ Африкѣ, и въ Азіи она господствовала даже между философами и учеными. Только полтора столѣтія назадъ, какъ въ Европѣ появились люди, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій отвергающіе всякія сверхъ-естественныя явленія, или, вѣрнѣе, только съ этого времени сдѣлалось условіемъ *хорошо тона* смѣяться надъ всѣми старыми ученіями, даже въ томъ случаѣ, если ихъ не знаютъ“ ¹⁾.

Съ дальняго востока тайны и ученія жрецовъ перешли и въ Европу. Магія среднихъ вѣковъ перемѣнила только свое названіе и стала извѣстна подъ именемъ колдовства и чародѣйства.

Мы ужасаемся теперь, читая о безчисленныхъ пыткахъ и казняхъ этихъ мнимыхъ волшебниковъ, и можемъ только удивляться той храбрости, съ какою шли они на костры, и тому, что такіе жестокие мѣры не могли искоренить до основанія ихъ страстнаго стремленія заниматься науками и изслѣдовать тайны природы.

Магія принесла съ собою, кромѣ своихъ теорій, астрономію,

¹⁾ Philosophie de l'Histoire et dictionnaire philosophique.

астрологию и медицину, которыми занимались уже и восточные жрецы. Магія породила алхимию и выдвинула впередъ естественныя науки.

Знаменитый Парацельсъ для васъ, можетъ быть, вовсе не знаменитъ. Это жаль, потому что онъ былъ дѣйствительно умный человѣкъ, только увлекшійся бреднями и преувеличенными фантазіями древней и современной ему магіи. Онъ тоже признавалъ теорію *мірового свѣта*. Этотъ свѣтъ, по тогдашнимъ понятіямъ, даетъ своими колебаніями движеніе всѣмъ предметамъ, а стало быть и жизнь; онъ невидимъ во всемірномъ эфирѣ, разливается лучами отъ свѣтовыхъ центровъ, насыщенныхъ имъ, дѣлается звѣзднымъ въ звѣздахъ, животнымъ въ животныхъ и человѣческимъ въ людяхъ. Онъ же растетъ въ растеніяхъ, блеститъ въ минералахъ, производитъ всѣ формы природы, уравнившиваетъ ихъ законами всеобщей симпатіи...

Но вотъ что гораздо труднѣе постигнуть: въ человѣкѣ есть звѣздное тѣло, тѣло блестящее и жизненное; въ немъ кружатся шарикъ крови; это свѣтовое внутреннее тѣло можетъ расшириться до того, что перейдетъ на внѣшніе предметы, между которыми и имъ образуется такая тѣсная связь, что все, что мы будемъ производить съ этими предметами, отразится и на свѣтовомъ центрѣ, а слѣдовательно и на всемъ тѣлѣ. Не зналъ ли уже Парацельсъ о существованіи спиритизма, ранѣе г-жи Фоксъ и Юма? Такъ похожа эта туманная теорія на теоріи спиритовъ.

Что же еще говорятъ древніе ученые?

Совершенно дѣльными вещи; такъ, напримѣръ, они объясняютъ, совершенно согласно съ нынѣшней наукой, различіе отцвѣтеньевъ, цвѣтовъ и происхожденіе благаго цвѣта.

По новѣйшей наукѣ, бѣлый цвѣтъ есть совокупное дѣйствіе на глазъ, есть сліяніе такъ-называемыхъ семи основныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ самыми противоположными по своимъ свойствамъ оказываются: красный и фіолетовый.

По излагаемой древней теоріи, бѣлый цвѣтъ есть цвѣтъ квинт-эссенціи; съ одной стороны (отрицательной) онъ пере-

ходить въ синій и, наконецъ, черный, а съ другой—(положительной) въ красный.

Жизнь испускаемая идетъ, слѣдовательно, отъ чернаго къ красному, переходя черезъ бѣлый; жизнь, поглощаемая — отъ краснаго къ черному, тоже черезъ бѣлый.

Интересно, что и человѣческія племена представляютъ такія же отношенія красокъ: крайнія сѣверныя желты и красны, крайнія южныя—черны, а среднее между ними (наше)—бѣлое.

Относительно образования металловъ древніе имѣли слѣдующія понятія: скрытый звѣздный свѣтъ идетъ по слоямъ земли и, встрѣчая слои различнаго состава, разлагается и образуетъ металлы различныхъ цвѣтовъ.

Все дѣло, называвшееся *великимъ дѣломъ*, заключалось въ томъ, чтобы овладѣть тѣмъ предметомъ, въ которомъ металлическій свѣтъ находится въ скрытомъ состояніи, прежде, чѣмъ этотъ свѣтъ обратится въ вещество, и затѣмъ довести его до положительнаго полюса, т. е. до ярко-краснаго; эта послѣдняя операція производится огнемъ, взятымъ у самого этого свѣта,—и тогда мы получимъ философскій камень.

Свѣтъ этотъ, говорили алхимики, находится въ минералѣ маркасинѣ (сѣрнистомъ желѣзѣ съ разными примѣсями), въ сурьмѣ, въ мышьякѣ.

Древніе алхимики говорили также, что общее міровое вещество имѣетъ разнообразныя проявленія: то оно является дѣйствующимъ, то подвергающимся дѣйствию другихъ веществъ, т. е. дѣйствующимъ и страдательнымъ, положительнымъ и отрицательнымъ; въ уравновѣшенномъ же состояніи или смѣшеніи производитъ *ауръ*, откуда латинское *aurum* и французское *or* — золото.

Это-то послѣднее вещество—ауръ, обратившись въ металлъ, и составляетъ то, что называется золотомъ. (Вѣрно любили тоже денегки эти древніе мудрецы!)

Въ то же самое время процвѣтали и различные талисманы. Талисманами назывались нѣкоторые предметы, имѣвшіе извѣстную, определенную форму, сдѣланные при различныхъ магическихъ обрядахъ, покрытые какими-нибудь знаками,

имѣющими въ глазахъ вѣрующихъ таинственный смыслъ и силу.

Есть и было во всѣ времена и у всѣхъ народовъ множество самыхъ разнообразныхъ талисмановъ на всевозможные случаи жизни; вѣдь талисманы должны давать силу на все и противъ всего: противъ болѣзней, оружія и клеветы враговъ, противъ всевозможныхъ несчастій. Знаки талисмановъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые имѣли когда-то очень опредѣленный смыслъ, напр., выражали совершенно опредѣленную мысль, вѣрованіе, ученіе или правило, но, затѣмъ, ихъ значенія были забыты, утрачены и осталось только одно народное уваженіе или суевѣрный страхъ къ непонятному болѣе знаку.

Но чѣмъ же являлся талисманъ вѣровавшему человѣку?

Смыслъ его былъ для него непонятенъ, затерянъ, но по преданію онъ зналъ, что тутъ смыслъ есть, что есть сила ума, которая можетъ произвести дѣйствіе — и онъ проникался таинственнымъ уваженіемъ къ знаку. Дѣйствіе талисмановъ мы можемъ объяснить очень просто: увѣренность и убѣжденіе въ чемъ-нибудь придаетъ человѣку силу; такъ, если онъ почему-нибудь сильно убѣжденъ, что онъ сдѣлаетъ такое-то дѣло, то дѣйствительно онъ управляется съ нимъ легко. Врачи говорятъ, что тоже бываетъ и съ тѣломъ въ его болѣзняхъ: убѣжденіе въ пользѣ лекарства даетъ силу выздороветъ. Слѣдовательно, сила нашего духа есть настоящая альфа и омега всѣхъ магическихъ дѣйствій и всѣхъ чудесъ. Что же можетъ быть проще этого?

Послѣ сожженія нѣсколькихъ тысячъ вѣдьмъ и колдуновъ, ученыхъ и неученыхъ, послѣ уничтоженія безчисленнаго множества книгъ и рукописей, магія притихла на время и какъ бы снова возвратилась на свою родину — дальній востокъ; но вдругъ, въ XVIII столѣтіи, опять появляется магическая сила — *животный магнетизмъ*, — сила, облеченная уже въ нѣкую научную форму и вооруженная теоріями; а въ слѣдъ за ней выступаетъ на сцену другая сила, еще болѣе загадочная и чуть-лине болѣе магическая — современный спиритизмъ...

Что-же истиннаго во всѣхъ этихъ силахъ и въ разсказахъ о нихъ? Что разумнаго и вѣрнаго въ убѣжденіяхъ народа о колдовствѣ и чародѣяхъ? Всѣ-ли подобные разсказы вѣрны или они чистѣйшій вздоръ? Можно-ли хоть малую частицу изъ вѣрованій народныхъ и изъ этихъ разсказовъ признать дѣйствительною? Можно-ли магію, колдовство, магнетизмъ и спиритизмъ считать нелѣпостью? На чемъ чисто-реальномъ основываются они, если ихъ признать дѣйствительными хоть въ нѣкоторой мѣрѣ? Вотъ вопросы, на которые намъ нужно отвѣтить...

•

—••••—

•

ГЛАВА VII.

Мы уже не разъ замѣчали, что на Востокѣ, преимущественно въ Индіи, отлично извѣстны всѣ средства дѣйствовать какъ угодно на свои и чужіе нервы. Посмотримъ, не былъ-ли тамъ извѣстенъ и животный магнетизмъ. По мнѣнію индѣйцевъ, послѣдняя цѣль всякаго земного стремленія, спасеніе, блаженство, къ которому стремится всякая тварь, есть исчезновеніе индивидуума въ Брамѣ, „слитіе капли съ океаномъ“. Но этого исчезновенія, этого погруженія къ Брамѣ можно достигнуть только совершеннымъ освобожденіемъ отъ всего нечистаго, вещественнаго, чувственнаго. Только тотъ приобретаетъ силу, равную силѣ Брамѣ, кто погружаетъ себя глубоко въ божественное, и его „я“ вовсе исчезаетъ въ первобытномъ Брамѣ, соединяясь въ совершенномъ самоуничтоженіи съ сущностью божества. Чтобы достигнуть этого, индѣецъ долженъ расторгнуть всѣ связи, приковывающія его къ землѣ, и какъ бы етать выше земли. Только посредствомъ умерщвленія плоти и удаленія отъ міра можно подавить страсти и удалить отъ себя разсѣянность. Отшельникъ, живущій на голой скалѣ и возвышающійся надъ поверхностью земли, лишающійся всѣхъ пріятностей здѣшней жизни, отказывающій себѣ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ и подвергающій себя самымъ жестокимъ подвигамъ покаянія, — такой человѣкъ можетъ достигнуть чудодѣйственной силы. „Кающійся долженъ валаться

по землѣ, говорится въ книгѣ Ману, — или весь день стоять на пальцахъ, или, попеременно, то вставать, то садиться. Въ знойное время года онъ долженъ сидѣть въ жару четырехъ огней, подъ жгучимъ солнечнымъ лучемъ, въ дождь — мокнуть нагой подъ облачными потоками, въ холодное время года — носить мокрое платье. Отъ постоянно усиливаемой жестокости истязаній, да истощится его смертное вещество. И когда слабость овладѣтъ имъ, онъ долженъ отправиться въ путь, и идти въ прямомъ направленіи на сѣверо-востокъ, питаясь водою и воздухомъ, пока его смертное тѣло не разрушится, а душа не соединится съ Брамию“, пока онъ не приобрѣтетъ той чудодѣйственной силы, которой подчинено все. То же говорится о подвижникѣ и въ Рамайяні. „Подвижникъ, сказано въ Саконтали, да покрываетъ тѣло свое кучами муравьевъ, колючія растенія да обвиваютъ и уязвляютъ его шею и птицы свиваютъ гнѣзда свои вокругъ плечей его“.

Это — чисто-внѣшнія истязанія, чувственные испытанія, которыя, ослабляя тѣло, укрѣпляли духъ. Но для полного усовершенствованія, для полной свободы духа необходимы испытанія чисто-внутреннія, духовныя.

Для свободы духа, для достиженія магической силы, отшельникъ долженъ непремѣнно пройти четыре степени духовнаго развитія, усовершенствованія, освобожденія. Первая ступень есть познаніе внѣшнее, приобрѣтаемое посредствомъ опыта или наблюденія, потомъ, непосредственное, внутреннее познаніе самого себя, убѣжденіе, что наше я не есть что-нибудь индивидуальное, самостоятельное, но есть часть безкачественнаго, первобытнаго Брами, есть дѣйствительное истечение изъ этого «міроваго зародыша», какъ истечение «капли изъ океана»; что, далѣе, природа со всѣми своими явленіями, есть только призракъ, обманъ (шауа). Вторая ступень есть успокоеніе, тишина чувствъ и страстей; мудрецъ, достигши духовнаго вѣденія, долженъ оставаться спокойнымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ явленіямъ чувственной природы. «Онъ, подобно слѣпому, сказано въ книгѣ Упанишадахъ, не видитъ, не слышитъ; подобно глухому, и, подобно дереву, не чувствуетъ и не дви-

жется». Его не должны тревожить ни надежды, ни страх, ни счастье, ни несчастье, ни радость, ни печаль. «Въ дремотѣ внутренняго созерцанія» онъ долженъ размышлять только о Брамѣ. Третья ступень—добродѣтель внутренняя, нравственная, а не обрядовая, состоящая въ исполненіи предписанныхъ Ведами обрядовъ. Въ силу этой добродѣтели, отшельникъ не долженъ обращать вниманія на слѣдствія своихъ дѣйствій, потому что въ мірѣ все есть дѣло самого Брами, а человекъ есть только орудіе божества. Кто достигъ этой добродѣтели, тотъ въ самомъ дѣйстви уже не дѣйствуетъ и это бездѣйствіе есть верхъ дѣятельности. Это—дремота духа въ непрерывномъ созерцаніи Брами, это — сонъ духа, добытый силою воли въ бодрственномъ состояніи. Этому умерщвлению плоти, этому погруженію своего я въ первобытнаго Браму брамины придавали такую важность, что на отшельниковъ смотрѣли, какъ на избранныхъ, которые получали долю отъ силы и естества Брами; они почитались выше древнихъ боговъ и своими святыми дѣлами достигали необыкновенной, магической, чудодѣйственной силы вибути (vibhouti),—перерожденія, ясновидѣнія и пр. Въ этомъ состояніи всякій предметъ, на который обращена мысль, становится для духа отшельника яснымъ. Самыя мысли другихъ для нихъ ясны. Предъ ними открываются самые сокровенные помыслы, самые таинственные изгибы сердца. Духъ созерцателя видитъ даже внутреннее устройство своего тѣла. Обладая этой необыкновенной силой, духъ можетъ выходить изъ своего тѣла и возвращаться въ него, вступать въ другія тѣла и дѣйствовать въ нихъ, какъ въ собственномъ тѣлѣ. Углубивъ свою мысль въ жизненный духъ, душа отшельника можетъ, подобно легкому дереву, плавать по водѣ; углубившись въ эфиръ, можетъ подниматься въ воздухъ и летать; углубившись въ тончайшіе элементы, душа, подобно солнечному лучу, можетъ подняться до луны или до солнца. И нынѣ часто случается въ Индіи, что отшельникъ по цѣлымъ годамъ лежитъ на постели съ острыми иглами или качается въ воздухъ на желѣзномъ крючкѣ, пробитомъ сквозь его спину. И нынѣ Индія счи-

въ этомъ случаѣ его покорная слуга. Съ другой стороны, эта чудодѣйственная сила или внутреннее просвѣтленіе, способъ достиженія котораго описывается въ Ведахъ, есть ни что иное, какъ явленія животнаго магнетизма.

Состояніе *вибути* есть то же, что ясновидѣніе сомнамбуловъ. Нашъ взглядъ подтверждается также изслѣдованіемъ Виндишмана, который въ своемъ сочиненіи: *Die philosophia im Fortgang der Weltgeschichte*—доказалъ, что явленія животнаго магнетизма были давно извѣстны въ Индіи, особенно въ кастѣ брамhinновъ.

Читатели, вѣроятно, не разъ слыхали рассказы о томъ, что такое «животный магнетизмъ». Они знаютъ, что этимъ страннымъ именемъ обозначаютъ уже болѣе 80 лѣтъ особенную силу, будто бы находящуюся въ нѣкоторыхъ людяхъ и имѣющую способность дѣйствовать и на тѣло, и на душу другихъ, подчинять ихъ волѣ магнетизера.

Такъ какъ предполагалось, что эта сила привлекаетъ одного челоуѣка къ другому (магнетизеру), т. е. дѣйствуетъ какъ магнитъ, то и называли ее магнетизмомъ; но такъ какъ, въ то же время, и сами магнетизеры съ перваго же раза поняли, что этотъ магнетизмъ совсѣмъ не похожъ на тотъ, который составляетъ предметъ физики, то и называли его животнымъ.

Мы сначала должны познакомить васъ какъ съ самыми понятіями приверженцевъ животнаго магнетизма объ этой силѣ (съ теоріей животнаго магнетизма), такъ и съ различными приѣмами, такъ сказать, обрядами, которые уже давно введены въ магнетизированіе.

Понятія о животномъ магнетизмѣ встрѣчаются, какъ мы видѣли, у людей съ самыхъ древнихъ временъ, и они отпечатлѣлись во многихъ магическихъ сочиненіяхъ древнихъ народовъ. Но первый обратилъ на нихъ всеобщее вниманіе образованнаго міра и даже рѣшился приложить ихъ къ практической жизни, а именно къ леченію различныхъ болѣзней, одинъ нѣмецкій лекаръ Антонъ Метсеръ.

Отъ его имени и самый животный магнетизмъ называется

месмеризмъ. Просимъ, однакожъ, не забывать, что Месмеръ не изобрѣтатель животнаго магнетизма, и что онъ даже не умѣлъ привести свои убѣжденія въ строгую, научную теорію.

Вотъ какъ магнетизировалъ Месмеръ, т. е., какіе приемы употреблялъ для того, чтобы ослабить, усыпить нервную дѣятельность магнетизируемаго и подчинить ее своей волѣ.

Онъ садился спиною къ сѣверу и противъ себя сажалъ пациента такъ, чтобы ихъ ноги и колѣни были въ точности другъ противъ друга и прикасались. Потомъ онъ почти касался своими большими пальцами того мѣста на груди пациента, которое называется «подъ ложечкой», но не прикасался его.

Держа такимъ образомъ неподвижно и все въ одномъ и томъ же положеніи свои большіе пальцы, онъ остальными слегка водилъ по ребрамъ и опускался до селезенки. Эти поглаживанія, очень однообразныя и усыпительныя, называются пассами. Въ это время, для усиленія этого дѣйствія, магнетизеръ пристально смотрѣлъ прямо въ глаза своему пациенту.

Смотря по крѣпости нервовъ субъекта, онъ начиналъ раньше или позже чувствовать дѣйствіе этого магнетизма; одни чувствовали теплоту, другіе, напротивъ, холодъ, а третьи—непріятное состояніе, почти боль. Какъ эти признаки, такъ и страданія, на которыя жаловался пациентъ, принимались въ соображеніе магнетизеромъ и пассы видоизмѣнялись.

Вообще магнетизеръ производилъ свои пассы на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя страдали какою-нибудь болѣзнію.

Но Месмеръ находилъ, что не всегда нужно было и это соприкосновеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было, издали и не прикасаясь къ пациенту, изливать на него магнитную жидкость, которой былъ переполненъ магнетизеръ.

Вообще Месмеръ предполагалъ, что эта жидкость находится во всѣхъ людяхъ, но только въ нѣкоторыхъ больше,

чѣмъ въ другихъ, и что можно притомъ развить въ себѣ и усовершенствовать эту жидкость.

И вотъ онъ, желая слить въ пациента свою магнитную жидкость, вооружается желѣзною или стеклянною палочкою съ тупымъ концомъ и направляетъ ее на больного.

Подъ влияніемъ одного изъ подобныхъ намагничиваній, больной или смѣялся, или плакалъ, или кричалъ: кто зѣвалъ очень продолжительно и сильно; кѣмъ овладѣвала икота. Изъ женщинъ нѣкоторыя падали въ обморокъ, а съ другими дѣлался столбнякъ; словомъ, со всякимъ происходили тѣ нервныя болѣзни, къ которымъ онъ былъ болѣе склоненъ.

Теперь любопытно знать, на какихъ теоретическихъ положеніяхъ Месмеръ основывалъ свои магнетизированія; какъ онъ понималъ и высказалъ свою магнетическую теорію. Вотъ рядъ положеній, которыя высказалъ самъ Месмеръ: они знакомятъ насъ и съ тѣми старинными магическими вѣрованіями, на которыхъ Месмеръ основалъ свое ученіе:

1) Месмеръ прежде всего допускаетъ, что всѣ тѣла природы связаны между собою особенною магнитною притягательною силою.

2) Посредствомъ чего же сообщается, передается эта сила? Посредствомъ той безконечно-тонкой матеріи, которая, какъ мы уже видѣли не разъ въ ученіяхъ древнихъ мажиковъ и спиритовъ, разлита во всемъ мірѣ.

3) На вопросъ, какими законами производится магнитное взаимодѣйствіе тѣлъ природы между собою, Месмеръ отвѣчалъ, что эти законы пока совершенно неизвѣстны.

4) Надо себѣ представить, что между тѣлами природы магнитная сила производитъ колебательныя движенія, вродѣ приливовъ и отливовъ.

5) Отъ этой силы зависятъ свойства веществъ и всѣ явленія природы.

6) Тѣло человѣка похоже на большой магнитъ со всѣми его полюсами и прочими явленіями.

7) Вотъ какъ Месмеръ объясняетъ названіе—животный маг-

нетизмъ. Онъ этимъ именемъ называетъ то свойство животнаго тѣла, которое подвергаетъ его вліянію небесныхъ тѣлъ и окружающихъ его предметовъ.

8) Это свойство, или иначе, животный магнетизмъ, можетъ быть сообщено и другимъ животнымъ, а также неодушевленнымъ предметамъ.

9) Этотъ магнетизмъ имѣетъ слѣдующія главныя свойства: онъ можетъ проникать во всѣ тѣла; можетъ дѣйствовать на далекомъ разстояніи безъ посредства всякаго другого тѣла; можетъ быть отраженъ и увеличенъ зеркалами, подобно свѣту; онъ сообщается, разпространяется и усиливается звукомъ; его можно скоплять, сгущать и переносить съ мѣста на мѣсто.

10) Месмеръ приписывалъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, чрезвычайное значеніе своему животному магнетизму, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческой жизни. Онъ приписываетъ врачевныя дѣйствія электричества и другихъ силъ природы одному животному магнетизму.

11) Что касается до отношеній его животнаго магнетизма къ обыкновенному (минеральному), то вотъ какъ смотрѣлъ Месмеръ на этотъ предметъ: такъ какъ, по его мнѣнію, животный магнетизмъ можетъ дѣйствовать и на тѣло, заключающее въ себѣ обыкновенную магнитную силу, неизмѣнная ее нисколько въ этомъ тѣлѣ, то, значить, животный магнетизмъ есть сила, независимая отъ минеральнаго.

12) Что же можетъ излечить этотъ животный магнетизмъ? По ученію Месмера—все; только нервныя болѣзни непосредственно, а прочія посредственно, т. е. сначала онъ долженъ благотворно подѣйствовать на нервы, а потомъ уже нервы подѣйствуютъ на болѣзнь.

Таковы были положенія Месмера, сокращенныя нами въ 12 статей.

Мы уже видѣли, что животный магнетизмъ былъ извѣстенъ въ древніе времена въ Индіи, что онъ существуетъ и теперь, но принялъ другую форму, болѣе сообразную съ новой цивилизаціей.

Теперь сообщимъ, для полноты очерка, одно изъ послѣдующихъ видоизмѣненій месмеровой теоріи; это—магнитная теорія барона Дюпота.

Дюпота беретъ уголь или кусоць мѣлу и чертитъ имъ сперва прямую линію, а на концѣ ея кругъ.

По его ученію, онъ сообщаетъ частичкамъ угля или мѣла такую магическую силу, которая можетъ дѣйствовать на больного, прикоснувшись къ этимъ частицамъ. Начертавши сказанныя линіи, Дюпота вель по прямой своего паціента, который, отъ дѣйствія магнетизма, подойдя къ кругу, воображалъ, что онъ готовъ упасть въ бездну.

Его ученіе и магнетическая практика основывались на мысли о существованіи всемірнаго свѣта, о которомъ мы уже говорили; въ этомъ-то свѣтѣ впавшіе въ магнетическій кризисъ видятъ всѣ образы и отраженія мыслн.

Этотъ свѣтъ можетъ быть сильно отраженъ и разлитъ посредствомъ могущественнаго прибора, поглощающаго этотъ свѣтъ; Дюпота назвалъ его магическимъ зеркаломъ.

Что же это за зеркало?

Это зеркало очень не зеркальное; оно не больше, какъ плоскій кружокъ, покрытый угольнымъ порошкомъ. На этомъ углѣ свѣтъ, выпускаемый впавшимъ въ кризисъ и самимъ магнетизеромъ, соединившись вмѣстѣ, вскорѣ окрашиваетъ и осуществляетъ всѣ формы, соотвѣтствующія ихъ нервнымъ впечатлѣніямъ.

Въ этомъ, по истинѣ, магическомъ зеркалѣ являются для человѣка, впавшаго въ сомнамбулизмъ, такія-же грезы, какія производятъ опиумъ и гашишъ; однѣ изъ нихъ очень веселы, другія, напротивъ, мрачны; надо поскорѣ оторвать больного отъ этого зрѣлища, иначе онъ упадетъ въ судороги.

Такихъ же результатовъ достигалъ другой изъ новѣйшихъ мѣговъ, извѣстный Калистро: онъ думалъ, что такимъ зеркаломъ можетъ служить поверхность воды. Дѣйствительно, если смотрѣть долго и внимательно на воду, то она понемногу смущаетъ и ослабляетъ зрѣніе и вызываетъ грезы (галлюцинаціи) въ мозгу.

Зеркало барона Дюпота утомительнѣе вообще для нервной системы; но нѣтъ сомнѣнія, что вода Калиостро имѣетъ гораздо болѣе сильное вліяніе собственно на мозгъ.

Наша магнетическая жидкость, говорятъ эти старинные магнетизеры, вытекаетъ изъ нашихъ нервовъ и мозга и изливается на магнитную жидкость другого тѣла, овладѣваетъ имъ и связываетъ, соединяетъ его съ нашимъ.

И вотъ, если такимъ образомъ скопится магнетическая сила магнетизера въ его пациентѣ, то, такъ какъ въ немъ сила другого человѣка, то очевидно, что и дѣйствія его не могутъ быть его собственными, а являются не болѣе, какъ дѣйствіями самого магнетизера.

Стало-быть мудрено-ли, что магнетизеръ можетъ (и долженъ имѣть возможность) заставить пациента видѣть то, что онъ самъ видитъ, преодолѣть отвращеніе, ненависть къ какому-нибудь человѣку (тутъ основаніе исторіи разныхъ привораживаній), наконецъ, говорить его мысли, даже его слова, нерѣдко на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ говорящему?

Все это дѣйствительно можетъ и должно совершаться, если магнетизеръ можетъ имѣть описанное вліяніе на своего пациента; съ другой стороны, если такіе факты есть, то, значить, магнетическая сила и ея чудесныя, магическія свойства и дѣйствія — не выдумка.

Но, къ сожалѣнію, ни о томъ, ни о другомъ нельзя сказать ничего положительнаго.

Но если факты подтверждать все это, то тогда мы получимъ объясненіе многихъ магическихъ диковинокъ древнихъ и новыхъ временъ, а именно: оракуловъ дельфійскихъ, додонскихъ, сивиллъ, пифій, магнетическаго сомнамбулизма, ясно-видѣнія, медіумовъ, говорящихъ столовъ, предчувствій, привораживанья и проч.

Итакъ, соединеніе, сліяніе съ всемірной силой — вотъ источникъ, безграничнаго человѣческаго могущества.

Но что это за сила?

Это — сила, которая встрѣчается вездѣ, гдѣ только гово-

рится о магическихъ, сверхъ-естественныхъ дѣйствіяхъ; магія старалась овладѣть ею, чтобы производить свои дѣйствія; многіе считаютъ эти дѣйствія дѣломъ нечистой силы; объ этой силѣ говорятъ римскіе и александрійскіе философы, а также и новѣйшіе.

Но опять-таки, что же она такое?

Ни больше, ни меньше, какъ совокупность всѣхъ законовъ природы въ одно мировое цѣлое, въ мировой механизмъ. Понять ея сущность — вотъ была во всѣ времена задача таинственныхъ наукъ... Но не составляетъ-ли это и теперь задачу нашихъ наукъ, которыя провозглашаютъ себя столь точными, нетаинственными?

Вся заслуга Месмера въ томъ, что онъ подмѣтилъ и приложилъ къ дѣлу нѣкоторыя, тогда еще мало извѣстныя, явленія экстаза, столбняка и вообще нервныхъ болѣзней.

Вотъ какъ въ новѣйшее время объясняютъ лучшіе медицинскіе писатели различныя странныя дѣйствія месмеризма, о которыхъ мы говорили выше.

Вообще, нѣкоторыя изъ такъ-называемыхъ животно-магнетическихъ явленій принадлежатъ истерикѣ, столбняку, падучей болѣзни и экстазу, а другія—гипнотизму и особенному виду сомнамбулизма, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Мы увидимъ, что магнетизмъ представляетъ почти тѣ же явленія, что и сомнамбулизмъ.

Да и приемы магнетизированія тѣ же, что и приемы другого дѣйствія на нашу нервную систему, извѣстнаго подъ названіемъ гипнотизма, изслѣдованнаго уже медициной.

Всѣми этими способами стараются произвести мозговое полнокровіе и ослабленіе нервной системы; все это погружаетъ субъекта въ сонъ и производитъ явленіе сновидѣній, грезъ или бреда.

На сколько удовлетворительно это объясненіе и охватываетъ-ли оно всѣ явленія магнетизма и сомнамбулизма—предоставляемъ судить читателямъ.

Чѣмъ же объяснить нечувствительность намагниченныхъ къ разнымъ физическимъ страданіямъ?

Совершеннымъ ослабленіемъ нервной чувствительности; мы чувствуемъ нервами; стало-быть если нервы потеряютъ всякую силу, то мы и чувствовать ничего не можемъ. Такое дѣйствіе на нервы производить — эфиръ, хлороформъ, нѣкоторые ядовитыя вещества, наконецъ, можетъ быть, и магнетизмъ.

Мудрено-ли, что намагниченный можетъ вовсе не чувствовать, когда его будутъ колоть, щипать, сдирать съ него кожу, даже подвергать его различнымъ болѣзненнымъ операціямъ.

Такъ восточные дервиши (родъ магометанскихъ монаховъ и юродивыхъ) и факиры приводятъ себя въ нервную нечувствительность самыми разнообразными средствами: то повторяютъ одну и ту же фразу или слово, то совершаютъ какое-нибудь однообразное движеніе, то, напр., непрерывно смотрятъ на солнце или держать одну руку поднятою вверхъ и т. п.

Во многихъ сочиненіяхъ вы можете прочесть объ отвратительныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ изувѣровъ въ сѣверной Африкѣ, напр., въ Алжирѣ. Тамъ они, приготовивши себя надлежащимъ образомъ, начинаютъ глотать осколки стекла, гвозди, змѣй, ящерицъ, лижутъ раскаленное желѣзо, берутъ его руками, не обжигаясь, даже рѣжутъ себя ножами, саблями и пр.

Какъ же могутъ они все это дѣлать, все это выносить?

Очень просто,—разрушивши чувствительность нервовъ разными утомительными предъидущими дѣйствіями.

Такъ, они предварительно пляшутъ и кривляются до изнеможенія, повторяя какое-нибудь одно слово, напр., аллахъ.

Сибирскіе шаманы впадаютъ въ состояніе экстаза вслѣдствіе однообразныхъ ударовъ въ барабанъ. Татарскія колдуньи, чтобы призвать духа, поютъ пѣсни. Zauias—мистическая секта въ Алжирѣ, по словамъ Генерала Домъ (Daumas), приводятъ себя въ экстазъ музыкой и крикомъ. Мы прибавимъ къ этому, что музыка, какъ возбуждающее средство, употребляется у дикихъ народовъ не для однихъ религіозныхъ

цѣлей. Древніе германцы свои общественныя собранія сопровождали необыкновеннымъ шумомъ, чтобы привести себя въ возбужденное состояніе. То же мы встрѣчаемъ и теперь у нѣкоторыхъ племенъ Африки.

О возбуждающемъ значеніи усиленнаго тѣлодвиженія, въ видѣ круженія дервишей и хлыстовъ, пляски баддерокъ, шекеровъ и шамановъ и пр., мы уже говорили. Слѣдовательно и нашъ невинный вальсъ есть тоже одно изъ средствъ, способствующихъ экстазу или волшебному состоянію.

Физическая боль, раздражая нервы, производитъ въ то же время и возбужденіе ихъ. Это служитъ объясненіемъ ношенія волосныхъ одеждъ и веригъ на тѣлѣ, самобичеванія католическихъ монаховъ, видимому пренебреженію атмосферическихъ вліяній у русскихъ юродивыхъ и т. п. Кромѣ того, въ состояніи полного экстаза является нечувствительность къ страданію, производимому внѣшними дѣятелями. Шаманы въ это время жгутъ себя огнемъ и рѣжутъ острыми орудіями безъ всякихъ признаковъ боли. Сектанты названной нами выше секты „Zauias“, во время экстаза, трутъ себѣ лицо колючими листьями кактуса и даже глотаютъ ихъ, лизутъ раскаленное желѣзо, ложатся обнаженнымъ тѣломъ на сабельныя острія и т. п.

Въ разсужденіяхъ о магнетизмѣ, спиритизмѣ и пр. всего важнѣе—имѣть подъ руками случаи, факты, совершенно достовѣрные и вполне обстоятельно-изложенные; но, къ сожалѣнію, очень многія причины мѣшаютъ разработкѣ относящихся сюда фактовъ. А потому каждымъ изъ нихъ,носящимъ болѣе или менѣе отпечатокъ достовѣрности, мы должны дорожить, какъ очень важнымъ документомъ.

Недавно французскій ученый писатель де-Муссѣ заявляетъ въ своей книгѣ результаты своихъ личныхъ наблюденій надъ магнетическими дѣйствіями Регацони 18 мая 1856 года.

Трудно предположить, чтобы какой бы то ни было писатель рѣшился лгать въ своей книгѣ; конечно, можно написать невѣрные факты, не желая вовсе обмануть читателей;

можно не такъ взглянуть и не то замѣтить подъ вліяніемъ увлеченія какой нибудь односторонней идеей.

Можетъ быть въ этомъ окажется нѣсколько виновнымъ и де-Муссо, но во всякомъ случаѣ его рассказъ такъ любопытенъ, съ такимъ чародѣйственнымъ отпечаткомъ, что нельзя не привести его здѣсь.

Сеансъ продолжался отъ 8 часовъ вечера до полуночи.

Встаетъ молодая дѣвушка, ей завязываютъ глаза и герметически затыкаютъ уши. Затѣмъ магнетизеръ говоритъ, что по одному знаку кого-нибудь изъ зрителей онъ разомъ заставитъ ее упасть на землю, какъ пораженную громомъ, и что онъ совершитъ это дѣйствіемъ своего магнетизма.

Онъ становится поодаль отъ нея; она рѣшительно не знаетъ, какого рода опытъ долженъ надъ ней произойти.

Вдругъ она падаетъ. Можно было подумать, что она разшибется, но магнетизеръ увѣрилъ, что магнетизированныя никогда не причиняютъ себѣ никакой боли.

И вотъ полная, рослая, лимфитическая дѣвушка распростерта на землѣ; голова ея, однакожъ, не касается до земли; одна рука остается въ воздухѣ; она окоченѣла, и недвижима, точно статуя.

Затѣмъ слѣдовалъ второй опытъ: зрители выбираютъ мѣсто на полу, Регацони чертитъ воображаемую линію и, не касаясь пола, изливаетъ на него свою магнетическую силу; было рѣшено, что намагнетизированный не долженъ имѣть силы перейти за эту линію.

Приводятъ опять дѣвушку съ завязанными глазами; она идетъ задомъ. Ее привлекаютъ пассы и она идетъ свободно; но, какъ только она доходитъ до воображаемой магнитной линіи, то вдругъ останавливается, какъ вкопанная, точно ноги ея встрѣтили камень.

И это сравненіе вполне вѣрно; мало того, что она останавливается, она еще падаетъ впередъ съ страшною силой, какъ человѣкъ, встрѣтившій на пути подъ ногами тяжелый камень. Все тѣло ея сдѣлалось окоченѣлымъ, какъ трупъ,

и пяти ея математически-точно прикованы къ линіи, которую провелъ магнетизеръ.

Еще опытъ: выбраны три дѣвушки, которыя должны подвергнуться громоносному дѣйствию магнетизма; онѣ должны повергнуться ихъ въ столбнякъ. Магнетизмъ подѣйствовалъ и вотъ ихъ тѣла сдѣлались нечувствительны къ самымъ сильнымъ болямъ; ихъ подвергаютъ испытаніямъ огнемъ и желѣзомъ и онѣ все это переносятъ невозможно.

Подобные опыты повторялись и другими магнетизерами; намагнетизированнымъ производили разныя хирургическія операціи, напр., отрѣзаніе женской груди, и это не причиняло пациенту никакихъ страданій.

Во время опытовъ глаза у дѣвушекъ были совершенно открыты, глазные яблоки были выворочены назадъ; самый сильный, пронзительный свистъ надъ ушами,—свистъ, отъ котораго всѣ зрители вскакивали съ мѣстъ,—не производилъ на нихъ никакого впечатлѣнія: онѣ хоть бы моргнули, хоть бы вздрогнули.

Но вотъ что очень странно: магнетизеръ взялъ флейту и сыгралъ на ней религіозную мелодію. Магнетизированныя дѣвушки, глухія къ самымъ сильнымъ свисткамъ, услышали эту мелодію и тотчасъ вскочили на ноги. Всякій столбнякъ тотчасъ же прекращается, какъ только раздастся подобная музыка, и возобновляется снова съ неодолимою силой, какъ только музыка прекратится.

Это прекращеніе такъ быстро дѣйствуетъ, что субъекты остаются въ томъ положеніи тѣла, въ которомъ были при послѣднемъ звукѣ музыки; видъ этотъ совершенно сказочно-фантастическій. Замѣьте еще силу дѣйствія музыки на такихъ субъектовъ: ихъ движенія совершенно соотвѣтствуютъ характеру этой музыки; онѣ то медленны и граціозны, то порывисты, лихорадочны, вакханальны.

И эти три дѣвушки, стоя отдѣльно другъ отъ друга, между тѣмъ такъ слиты въ одно цѣлое магнетической силой магнетизера, что совершаютъ въ одно время положительно одинаковыя движенія, точно по командѣ, и при томъ при-

нимаютъ постоянно такіа позы, въ которыхъ нарушаются то-и-дѣло самые основные законы статики.

Въ нормальномъ состояніи тѣла позы эти неминуемо влек-ли бы за собой паденіе, вывихи, ушибы; тутъ же—совершенно ничего.

— Теперь, господа, спрашиваетъ магнетизеръ, не угодно-ли вамъ, чтобы одна изъ этихъ женщинъ испытала внезап-ную любовь къ одному предмету, а ненависть и отвращеніе къ какому-нибудь другому? Предметы можете указать сами.

Были указаны предметы, и опытъ начался; магнетическая сила излилась на одну изъ женщинъ.

Вдругъ она почувствовала непреодолимое отвращеніе къ одному изъ зрителей, котораго совершенно не знала и кото-рый ни чѣмъ не заслуживалъ этого чувства.

Проходитъ нѣсколько минутъ, и дѣвушка почувствовала необыкновенно-страстное влеченіе.... къ кому бы вы думали?—къ одному самому невзрачному креслу: она кидается на него, покрываетъ горячими поцѣлуями, сжимаетъ въ объятіяхъ!

Наконецъ еще одинъ опытъ—и самый странный, самый поразительный. Магнетизеръ повергаетъ въ кресло свѣжую и крѣпкую дѣвушку; грудь ея совершенно открыта и сво-бодна: Магнетизеръ объявляетъ, что вздуетъ ея груди до чрезвычайныхъ размѣровъ.

Начинается дѣйствіе магнетизма: груди вздуваются и одна гораздо сильнѣе и скорѣе другой; но вскорѣ онѣ сравнива-ются и достигаютъ громадныхъ, ужасающихъ размѣровъ. Вѣрно то, что ни у одной самой здоровенной деревенской кормилицы, еще растѣлѣвшей въ городѣ отъ хорошей пищи, не было такихъ колоссальныхъ грудей, какъ у этой молодень-кой дѣвушки.

Естественно было подумать, что такое необыкновенное растяженіе тѣла причинило ей страданіе, а потому ее спро-сили:

— Вамъ не больно?

— О нѣтъ, нисколько, отвѣчала она съ спокойной и ве-селой улыбкой.

— И вы хорошо себя чувствуете?

— Превосходно.

Дюпоте рассказывает также слѣдующій случай: намагнетизированная небеременная женщина легла подлѣ беременной ненамагнетизированной.

И вотъ, подъ вліяніемъ магнетизера, она начинаетъ чувствовать и даже обнаруживаетъ многіе признаки беременности. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока только магнетизеръ прикасался пальцемъ къ этой женщинѣ.

И дѣйствительно, отъ этого прикосновенія животъ ея въ нѣсколько минутъ сдѣлался большимъ, точно у настоящей беременной.

Приемы магнетизма были извѣстны также римлянамъ, что мы видимъ въ книгахъ древнихъ писателей.

Жители восточной Индіи и острововъ Южнаго Океана имѣютъ обыкновеніе долго и крѣпко наминать руками мышечныя части тѣла у людей ослабѣвшихъ и близкихъ къ обмороку.

Гаданіе въ зеркалѣ, принятое у насъ въ Россіи, есть тоже, какъ надо полагать, само-магнетизированіе помощью глазъ; когда молодая дѣвушка, съ настроеннымъ воображеніемъ, съ сильною волей и желаніемъ, сидитъ противъ зеркала, устремляетъ въ него свой пытливый взоръ, то, невольнымъ образомъ, разсматривая себя, магнетизируется собственнымъ взглядомъ. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ могутъ происходить явленія гипнотизма, какъ и при всякомъ пристальномъ разсматриваніи блестящаго и отражающаго предмета.

Банныя бабушки, сами того не зная, исполняютъ нѣкотораго рода магнетическія приемы. Самое слово: „дай, матушка, я тебя поправлю, авось полегчаетъ“, не въ смыслѣ выраженія, а въ смыслѣ исполненія, обнаруживаетъ, что польза магнетизма и у насъ въ Россіи, хотя безсознательно, но давно уже признана, и кѣмъ же—деревенскими бабами!....

При правильномъ и продолжительномъ употребленіи животнаго магнетизма, явленія магнетизированія въ сомнамбулѣ (усыпленной) могутъ быть раздѣлены на шесть главныхъ періодовъ.

1) Явленія первой степени или магнетическаго бдѣнія слѣдующія: чувство усиленной теплоты или холода, усиленная краснота кожи, испарина, легкость и пріятное ощущеніе. Затѣмъ обнаруживаются: холодъ, тяжесть, скоропреходящая колючая боль въ отдѣльных частяхъ, стѣсненіе въ груди, тоска, зудъ, жженіе и какъ бы ползаніе мурашекъ по кожѣ; потомъ подергиваніе и онѣмѣніе нѣкоторыхъ частей, сильное бѣненіе сердца и даже оглушеніе.

2) Во второй степени увеличивается теплота, и особенно отъ желудка распространяется по всему тѣлу. Пульсъ дѣлается полнымъ и скорымъ; дыханіе свободнѣе и глубже. Вѣки, отяжелѣвъ, смыкаются, не смотря на всѣ усилія открыть ихъ. Впрочемъ больные всегда знаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ, хотя они и не могутъ этого обнаружить. Какъ мѣстные явленія встрѣчаются: подобный яркой молніи блескъ передъ глазами, колотье на концахъ ручныхъ и ножныхъ пальцевъ, попеременно, то потъ, то холодъ конечностей и отяжелѣніе ихъ, вѣтерокъ около ложечки, темнота, вздрагиваніе; при дотрогиваніи подъ ложечкой рождается побужденіе къ кашлю, повсемѣстный и обильный потъ, періодическія лихорадочныя движенія, корчи, мѣстные онѣмѣнія, нервные припадки, оцѣпѣненіе.

3) Въ третьей степени—выѣшніе предметы совершенно исчезаютъ, больной не слышитъ ни словъ, ни крика, по пробужденіи ничего не можетъ вспомнить о случившемся. Состояніе это иногда переходитъ въ глубокій сонъ, и послѣдствіемъ его по пробужденіи бываютъ—крѣпость, веселость и чувство лучшаго здоровья.

4) Съ четвертою степенью начинается магнетическое сонное-бдѣніе (сомнамбулизмъ): наружныя чувства уцѣплены, а внутреннія дѣйствуютъ въ грезахъ или сновидѣніяхъ. Это состояніе магнетизеры называютъ внутреннимъ пробужденіемъ. Больной не видитъ ничего — исключая того, что отличаетъ свѣтъ отъ тѣни. Иногда въ этомъ состояніи магнетизируемый имѣетъ полуоткрытые или совершенно открытые глаза съ закатившимися глазными шарами. Часто осязаніе въ этомъ

случаѣ замѣняетъ чувство зрѣнія, какъ свидѣтельствуешь и Гмелинъ, или же зрѣніе сосредоточивается подъ ложечкой. Испытавшій эту степень впадаетъ въ нее и безъ прикосновенія или манипуляцій магнетизера, а отъ одного его дуновенія или воззрѣнія и даже отъ одного присутствія.

5) Переходъ въ пятую степень не всегда совершается легко и скоро, но только послѣ взаимныхъ и частыхъ усилій со стороны магнетизируемаго и магнетизера. Достигшіе этой степени имѣютъ весьма точное анатомическое понятіе о состояніи своихъ внутренностей: знаютъ брюшныя свои нервы лучше врача, и въ этомъ состояніи опредѣляютъ исходъ своей болѣзни и время выздоровленія; прописываютъ себѣ лекарство, опредѣляютъ діету и пр. Такъ, Юлія въ Целѣ предписываетъ для своего выздоровленія хлѣбъ съ масломъ; другая больная, у Тарди, говоритъ о глистахъ и предлагаетъ своему врачу тѣ же самыя средства, которыя онъ въ тотъ день нашелъ въ одной старой книгѣ, но не рѣшался употребить.

Одна дѣвица, въ Бременѣ, потребовала для своего выздоровленія шафрану, но въ такомъ количествѣ, что врачъ не рѣшался прописать его.

6) Это самая высшая степень ясновидѣнія. Больные въ этомъ состояніи получаютъ понятіе о томъ, о чемъ они, конечно, никогда не имѣли понятія въ нормальномъ состояніи. Такая возвышенная способность зависитъ отъ характера, силы воображенія и отъ нервной воспримчивости, которая ей способствуетъ.

Одинъ изъ пзвѣстныхъ петербургскихъ врачей пишетъ такъ въ запискахъ своихъ, изданныхъ въ 20-хъ годахъ:

«Около 20 лѣтъ передъ симъ была здѣсь въ С.-Петербургѣ молодая, пріятная и довольно образованная дѣвица, родившаяся въ Россіи, надъ которою я и другіе врачи дѣлали наблюденія. Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, около 5 или 6 часовъ пополуни, засыпала она весьма глубокимъ сномъ, въ которомъ ни мало не чувствовала обыкновенныхъ раздраженій, но говорила такъ, что можно было заключить о ея грезахъ, представлявшихъ ей обыкновенно приключенія ея мо-

лодых лѣтъ; она отвѣчала на вопросы, предлагаемые ей близкимъ другомъ, но по пробужденіи не помнила ни малѣйшаго обстоятельства и была вылечена обыкновенными нерво-укрѣпляющими средствами».

У Лоррея, въ его статьѣ «О меланхоліи», также говорится, что одна больная, не смотря на свой ограниченный умъ и свѣденія, опредѣлила во время магнетическихъ припадковъ время своего выздоровленія и предписала для этого довольно странныя средства, состоящія въ извѣстномъ кускѣ хлѣба (по величинѣ) безъ масла и пр. Когда начали примѣнять это лекарство, она, въ назначенное ею время, выздоровѣла. Петеленъ, ліонскій врачъ, говоритъ объ одномъ случаѣ нервного одѣиженія (катаlepsis), сопровождавшемся снохожденіемъ; это была больная, у которой чувственные органы были лишены въ это время способности воспринимать впечатлѣнія, и нѣкоторыя чувства, казалось, были перемѣщены къ желудочной сторонѣ и на концы ручныхъ и ножныхъ пальцевъ. Ренуардъ, майнскій врачъ, видѣлъ три подобныхъ случая; въ первомъ изъ нихъ больная слушала концами ручныхъ пальцевъ и всею наружною стороною руки до кисти. Возможность этого Ренуардъ допускаетъ. Клейнъ, гофъ-медикъ въ Штутгардѣ, также рассказываетъ немейше любопытныя исторіи.

Говоря о магнетизмѣ, сомнамбулизмѣ, ясновидѣніи видѣнцевъ, древнихъ жрицъ и современныхъ магнетизированныхъ сомнамбулъ, (clair-voyantes) мы замѣтили, что впашіе въ такое состояніе нерѣдко бываютъ одарены способностью предсказанія или предчувствія.

У всѣхъ народовъ, во всѣ времена, были предсказатели, т. е. лица, которыя считали себя способными предугадывать будущее и, дѣйствительно, предугадывали.

Но можетъ-ли человѣкъ предугадать будущее, доступно-ли ему знаніе будущаго? Да и что такое это будущее? Что такое предвидѣніе, предчувствіе, предусмотрѣніе?

Разсмотримъ же, въ чемъ состоитъ предсказаніе и предчувствіе.

Уже само производство этихъ словъ характеризуетъ частью

ихъ значеніе: дѣло идетъ о возможности сказывать, чувствовать что-нибудь передъ его совершеніемъ, прежде, чѣмъ то, о чемъ мы говоримъ, что мы чувствуемъ, осуществится въ дѣйствительности.

Неправда-ли, странно слышать, что можно сказать, чувствовать то, что еще должно, что можетъ или даже готово случиться, но все-таки чего еще нѣтъ: стало быть приходится сказывать, чувствовать нѣчто несуществующее. Невольно спрашиваемъ себя при этомъ: можетъ-ли несуществующее возбудить въ насъ мысль или чувство?—и отвѣчаемъ: нѣтъ. Но тутъ, очевидно, какое-нибудь недоразумѣніе: или несуществующее можетъ возбуждать въ насъ мысли и чувства, или онѣ возбуждаются существующимъ, такъ какъ несомнѣнно, что предсказаніе и предчувствіе бывають во многихъ случаяхъ дѣйствительными явленіями.

Однакожъ, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы ничто, т. е. предметъ несуществующій, могло возбудить въ насъ какія-нибудь мысли или чувства; остается предположить, что въ предсказаніяхъ и предчувствіяхъ мысли и чувства возбуждаются дѣйствительными, т. е. уже существующими предметами.

А если это такъ, то что же за особенная заслуга предсказать существованіе уже существующаго предмета?

Но что существуетъ для одного, можетъ не существовать для всѣхъ, потому что есть много предметовъ, о существованіи которыхъ и не снятся большинству людей, а между тѣмъ они несомнѣнно существуютъ; слѣдовательно, для нѣкоторыхъ они могутъ служить предметомъ предсказаній.

Затѣмъ предметъ можетъ появиться въ извѣстномъ мѣстѣ, не бывши въ немъ до этого времени; и это появленіе можетъ быть тоже предметомъ предсказанія; наконецъ, въ природѣ, ни что не остается неизмѣннымъ, а каждый предметъ постоянно мѣняется, т. е. слагается, развивается и разрушается подъ вліяніемъ множества различныхъ дѣятелей; стало быть и здѣсь можетъ быть появленіе небывшей прежде, новой формы, которую непросвѣщенный умъ приметъ за новый предметъ.

И вотъ въ этомъ случаѣ не явится-ли предсказателемъ тотъ, кто въ данное время сумѣетъ понять, что изъ столкновѣнія такихъ-то предметовъ или явленій произойдетъ то-то, между тѣмъ какъ никто другой не сумѣетъ ни понять этого, ни увидать неизбѣжности самого столкновѣнія.

Бываютъ случаи, что иногда самое пустое обстоятельство для проницательнаго ума можетъ служить признакомъ цѣлаго ряда послѣдующихъ явленій.

Очевидно, что для всякаго предсказанія нужно прежде всего ясное пониманіе связи и взаимной зависимости всевозможныхъ явленій въ мірѣ, начиная съ самыхъ мелочныхъ и, повидимому, ничтожныхъ, до самыхъ крупныхъ, громадныхъ; одно такое явленіе тотчасъ же наведетъ на цѣлый рядъ другихъ.

Это объясняетъ предсказанія ума, соображенія.

Но есть другія предсказанія—чувства, ощущенія,—такъ-называемыя предчувствія.

Предчувствіе не есть предсказаніе вслѣдствіе яснаго сознанія связи и взаимной зависимости явленій: предчувствуютъ нерѣдко лица, въ весьма малой степени одаренныя соображеніемъ.

Впрочемъ нельзя вполне довѣряться нашей способности опредѣлять степень соображенія другихъ: тутъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, наружность бываетъ обманчива. Соображеніе и вообще нервная впечатлительность бываютъ иногда особенно изощрены относительно нѣкоторыхъ предметовъ и очень тупы относительно всѣхъ остальныхъ. И вотъ такіа лица, пришедши своими нервами въ соприкосновеніе съ однимъ фактомъ изъ какого-нибудь ихъ ряда, очень легко чувствуютъ его, а слѣдовательно могутъ предсказать и цѣлый рядъ или какой-нибудь ближайшій въ немъ фактъ. При особой нервной впечатлительности этотъ результатъ получается такъ быстро передачей нервныхъ ощущеній и мгновеннымъ образованіемъ изъ нихъ мыслей и образовъ, что становится невозможнымъ уловить эту связь явленій цѣлаго ряда и тѣмъ болѣе прослѣдить или анализировать ихъ зависимость другъ отъ друга.

Такимъ образомъ даже самъ предсказатель не понимаетъ причины своихъ предсказаній, дѣлаемыхъ имъ какъ бы инстинктивно, и, конечно, относится къ нимъ, какъ къ чему-то сверхъ-естественному.

При магнетическомъ и сомнамбулическомъ состояніяхъ эта нервная впечатлительность увеличивается, и таинственныя формулы общей связи и зависимости фактовъ и явленій нашей жизни, недоступныя послѣдовательному анализу, становятся ясны и мгновенно освящаются въ умѣ какъ-бы неуловимой молніей.

Кромѣ того, надо обратить вниманіе на особенную способность нашихъ нервовъ получать впечатлѣнія нервовъ другого человѣка, такъ сказать, отражать ихъ въ себѣ *), а слѣдовательно почувствовать и понять то, что предчувствуетъ и предусматриваетъ другой. Этой, плохо еще фізіологически объясненной, но несомнѣнно существующей, способностью нашихъ нервовъ объясняются, напр., гаданія и предсказыванія посредствомъ разныхъ вещественныхъ предметовъ другому лицу: предсказатель воспринимаетъ своими нервами настроеніе духа того лица, которому онъ предсказываетъ.

Если бы всѣ факты гаданій, предсказаній, предчувствій хорошенько замѣчались, записывались, изучались въ связи со всѣми житейскими обстоятельствами тѣхъ лицъ, съ которыми они совершались, то мы имѣли бы неисчерпаемый и въ высшей степени любопытный матеріалъ для изученія жизненныхъ явленій. Но бѣда въ томъ, что гаданіе, ясновидѣніе и пр. находятся большею частью въ невѣжественныхъ или своекорыстныхъ рукахъ и что изслѣдователи жизненныхъ явленій, преимущественно человѣческихъ (фізіологи, психологи), слишкомъ свысока смотрятъ на все это.

*) См. ниже о законѣ индукціи.

ГЛАВА VIII.

Еще Лапласъ сказалъ: „все связано между собой въ безконечной цѣпи жизненныхъ явленій, и ошибка, сдѣланная въ специально знакомой намъ наукѣ, часто выказывается только при свѣтѣ другой науки, специально изслѣдуемой кѣмъ-нибудь другимъ. Такимъ образомъ откровенное изложеніе фактовъ необходимо, чтобъ ихъ могъ оцѣнить каждый“.

О месмеризмѣ и его примѣненіяхъ мы знаемъ еще очень мало; однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи его дѣйствія на человѣка, становится отчасти понятною истина той силы, которая приписывалась чародѣйству.

Добро очень слабо въ сравненіи со зломъ, и месмеризмъ, обращенный къ дурнымъ цѣлямъ, можетъ, пожалуй, разрѣшить большую часть задачъ колдовства.

Что касается того, что ясновидѣніе считается самымъ бессмысленнымъ притязаніемъ месмеристовъ, то это потому, что немногіе присутствовали даже при тѣхъ несовершенныхъ попыткахъ, которыя часто называютъ обманомъ и ложью.

Мы говоримъ несовершенныхъ, потому что глазъ и мановенія магнетизера дѣйствуютъ только на очень ограниченное число людей, и такими средствами, безъ помощи другихъ дѣятелей, магнетическій сонъ рѣдко идетъ далѣе смутной, неясной зари того свѣта, который называется *изступленіемъ*

или экстазомъ; но все-таки изступленіе такъ же свойственно человѣку, какъ сонъ или бдѣніе, хотя и отличается отъ того и другого.

Наука, которая занимается изслѣдованіемъ этого состоянія, даетъ средство вызвать подобное изступленіе въ каждомъ человѣкѣ, хотя бы самомъ нечувствительномъ къ дѣйствию магнетизма.

Подъ словомъ изступленіе мы не разумѣемъ душевнаго изступленія александрійскихъ платониковъ. Есть изступленіе, общее всему человѣчеству; въ немъ душа не принимаетъ участія, ибо и нѣкоторыя низшія животныя способны испытывать подобное состояніе. Такое изступленіе, такъ же какъ и ясновидѣніе месмеристовъ или обыкновенныя сновидѣнія, доказываетъ только отдѣльность ума отъ души. Всякій, кто только держитъ собаку, можетъ убѣдиться, что животныя имѣютъ сны также, какъ и мы. Но въ подлинномъ изступленіи развивается особенная дѣятельность мозга: умственные способности, отдѣльныя отъ души, словно расширяются и распространяются вдаль помимо всѣхъ вещественныхъ препятствій, подобно тому, какъ цвѣтокъ, при измѣнившихся атмосферныхъ условіяхъ, распространяетъ свое благоуханіе. Удивляться тутъ нечему; наши мысли могутъ странствовать далеко за горами и морями даже на яву; мысль можетъ странствовать и въ состояніи изступленія, но пріобрѣтаетъ при томъ особую силу и быстроту. — Есть и другого рода изступленіе, гораздо болѣе рѣдкое, именно изступленіе по истинѣ душевное, гдѣ душа совершенно господствуетъ надъ дѣятельностью ума.

На востокѣ извѣстны средства, и какъ кажется *алкалоиды*, нѣкоторыхъ растений, которыя возбуждаютъ къ новой жизни органы, покоящіеся мертвымъ сномъ въ клѣточкахъ мозговой ткани, тѣ органы, которыми мы можемъ видѣть безъ глазъ и слышать безъ ушей. Здѣсь кроется звѣно, соединяющее духовную жизнь человѣка съ тайною жизнью природы. Къ сожалѣнію, эти могущественныя химическія средства, искусственно производящія родъ магнетическаго изступленія, 'экстаза или ясновидѣнія, совершенно неизвѣстны наукѣ и, въ-

роятно, не попадались ни одному добросовѣстному изслѣдователю.

Знаменитый приговоръ парижской медицинской академіи, 18 сентября 1780 г., поставилъ животный магнетизмъ въ число предметовъ, „недостойныхъ вниманія людей серьезныхъ“. Но не слишкомъ-ли парижская академія поторопилась, и точно-ли „наукою“, а не личными вліяніями и отношеніями, продиктовано рѣшеніе?

Конечно, не трудно было *непонятное дѣло*, за неимѣніемъ удовлетворительнаго объясненія, просто отвергнуть и сдать въ архивъ бредней, самообольщеній, обмановъ и шарлатанства. Этотъ давно извѣстный способъ рѣшать темные вопросы очень легокъ, да только, къ сожалѣнію, ни къ чему положительному не ведетъ. Относительно животного магнетизма онъ повелъ только къ тому, что надолго отстранилъ дѣйствительно научное изслѣдованіе его и предоставилъ, не смотря на академическое отрицаніе, все-таки существующую силу природы почти въ исключительное вѣденіе фокусниковъ. Та же участь, вѣроятно, постигнетъ и спиритизмъ, который, какъ мы уже видѣли, имѣетъ много общаго съ животнымъ магнетизмомъ.

Надо полагать, что ни будь этого рѣшительнаго отрицанія, менѣе было бы успѣховъ шарлатанства и обмана, орудіемъ которыхъ дѣйствительно сдѣлалось открытіе Месмера.

Во время постановленія приговора, физиологія нервной системы, конечно, еще была въ дѣтствѣ; но и тогда уже было бы не трудно подвести всѣ дѣйствительныя проявленія этой непостижимой силы, съ одной стороны, къ болѣе или менѣе усиленнымъ, съ другой—къ болѣзненно-разстроеннымъ отправленіямъ нервовъ.

Объясненіе естественности этихъ явленій по этому пути было какъ нельзя болѣе близко. Словомъ, раціональнѣе и во всякомъ случаѣ полезнѣе было бы, вмѣсто рѣшительнаго и слишкомъ поспѣшнаго отрицанія, оставить вопросъ до времени нерѣшеннымъ и продолжать наблюденія.

Пришли-же впослѣдствіи Stieglitz, Pfaff, Hufeland, Virey,

Dubois, Parrot и мн. др. къ тому, что хотя съ оговорками и ограниченіями, а принуждены признавать не только возможность, но и дѣйствительность нѣкоторыхъ фактовъ животнаго магнетизма,—фактовъ, которые ученые люди, изъ опасенія быть поставленными на одну доску съ осмѣянными магнетизерами, стараются прикрасить иными, болѣе научными именами. Такъ, напримѣръ, Merat (Dict. univ. de mat. med.) предлагаетъ оставить за животнымъ магнетизмомъ прежнее наименованіе *месмеризма*, данное ему по первому „виновнику этой мнимой науки“ для того, чтобы не смѣшивать его съ „физическимъ и раціональнымъ“ употребленіемъ магнита; онъ признаетъ присутствіе и дѣйствіе магнитности въ неорганическихъ тѣлахъ, но, неизвѣстно почему именно, считаетъ рѣшительно невозможнымъ присутствіе такого агента въ органическомъ тѣлѣ. При всемъ этомъ онъ приходитъ къ заключенію, что человекъ можетъ усыпить другого наложеніемъ рукъ или проведеніемъ ихъ по разнымъ направленіямъ, но только прибавляетъ, что нѣтъ никакой надобности приписывать эти явленія животному магнетизму, а не электричеству или гальванизму, или нервному току, или, наконецъ, иной „какой нибудь извѣстной или неизвѣстной причинѣ“.

Точно также, тридцать три года спустя, извѣстный ученый, докторъ Klenke, оговорившись, какъ слѣдуетъ, и должнымъ образомъ помянувъ лихомъ шарлатановъ-магнетизеровъ, слабонервныхъ и истерическихъ женщинъ, заключаетъ: „Конечно, есть въ живомъ тѣлѣ агентъ, который—будь это нервный духъ, жизненный эфиръ, нервный токъ, иннервація, нервная атмосфера, животное электричество,—протекаетъ по нервнымъ путямъ и дѣйствуетъ часто подобно гальваническому току. Мы знаемъ, продолжаетъ онъ, что этотъ агентъ, усиленный волею, движетъ наши мышцы, помимо нашей воли возбуждаетъ органическія отправленія, и въ живомъ глазу свѣтитъ взглядомъ; знаемъ, что этотъ взглядъ, положеніе и проведеніе рукъ у извѣстныхъ чувствительныхъ особъ производятъ возбужденіе и усыпленіе, что они укрощаютъ даже боли и судороги,—но развѣ здѣсь нельзя допу-

стить болѣе фیزیологически-близкое объясненіе, которое бы ограничивалось уравниваніемъ электрическихъ напряженій, настроеніемъ иннервации чрезъ отведеніе или введеніе электричества, теплоты и т. д.?

Нельзя отрицать, что въ организмѣ, гдѣ совершаются значительные химическіе процессы, должно также развиваться и освобождаться электричество. Собирается же оно на кожѣ, часто до болѣзненныхъ явленій, и столь же часто бываетъ, что тѣло, въ сырую погоду, теряетъ его слишкомъ много. Почему же треніе чужою рукою, унимающее судороги, не можетъ быть дѣйствіемъ такъ-называемаго магнетизма? Словомъ, Merat и Klenke, какъ и многіе другіе, признаютъ, что *какой то токъ* въ живомъ организмѣ есть и что этотъ токъ можетъ сообщаться, можетъ дѣйствовать на другіе организмы. Послѣ всего этого можно надѣяться, что животный магнетизмъ, не смотря на лежащее на немъ клеймо осужденія, все-таки будетъ со временемъ основательно изслѣдованъ людьми серьезными и признанъ одною изъ несомнѣнныхъ силъ природы, наряду съ электричествомъ и гальванизмомъ. Этому, конечно, помогутъ также начатія Dubois-Reymond'омъ и Schultz-Schultzenstein'омъ изслѣдованія животнаго электричества, хотя они подходятъ къ предмету съ противоположнаго конца и потому кажутся пока совершенно инородными.

Докторъ Buchmann *), вѣроятно, также изъ опасенія быть постановленнымъ на одну доску съ обыкновенными магнетизерами, назвалъ предметъ своего изслѣдованія не животнымъ магнетизмомъ, а біодомъ и одомъ. Но дѣло въ дѣлѣ, а не въ названіи.

Основываясь на способѣ полученія результатовъ, мы полагаемъ, что, по крайней мѣрѣ относительно подлежащихъ наблюденій, одъ, біодъ, животный магнетизмъ и даже нѣкоторые явленія такъ-называемаго спиритизма — одно и то же.

Различіе животно-магнитной силы отъ электричества

*) Physiologische und therapeutische Prüfung des Biod, von Otto Buchmann.

и ископаемаго магнита доказываютъ многіе опыты магнетизеровъ. Они нашли, что все то, что служить дурнымъ проводникомъ электричества, лучше всего проводить животномъ магнитную силу, какъ, напр., стекло и растенія.

Изъ породъ деревьевъ лучше всѣхъ проводить эту силу фруктовый, а также: береза, ясень, липа и рябина. Совсе не проводятъ—бухъ, дубъ и черное дерево.

Изъ цвѣтовъ болѣе всѣхъ способствуютъ месмеризму роза, резеда, левкой, ландышъ и нарцисъ.

Уничтожающіе же эту силу или отражающіе ее: герань и англійская крапива.

Мы замѣтили выше, что силой магнетизма каждый изъ насъ одаренъ въ большей или меньшей степени; но что это за сила? Гдѣ у человѣка ея источникъ, откуда она беретъ свое начало? и пр.

Вопросы эти мало разработаны и мы постараемся изложить все, что объ этомъ до сихъ поръ извѣстно. Изъ примѣровъ видно, что есть люди, одаренные могучимъ взглядомъ, могучимъ голосомъ, могучимъ жестомъ, передъ которыми робѣютъ, невольно трепещутъ и боятся, но не отъ страха, а такъ, безотчетно... Въ ихъ жестѣ, въ глазахъ и въ голосѣ такъ много силы воли, что нѣтъ возможности не подчиниться этому могучему вліянію, не покорствовать. Не магнетизмъ ли это?

Есть глаза, до того поражающіе васъ, что нѣтъ возможности равнодушно выдержать ихъ взора.

Есть люди, до того обладающіе звуками голоса и такъ внушительно, что простая просьба этого человѣка дороже пышно сказанной рѣчи оратора и вы не можете отказать, если такой человѣкъ изъяснилъ вамъ просьбу, потому, что она симпатична; она вамъ какъ-то понравилась, въ ней заключается какое-то внутреннее приказаніе, вы какъ будто бы обязаны ее исполнить; тогда какъ на самомъ дѣлѣ — нѣтъ никакой зависимости между этимъ человѣкомъ и вами. Отчего это? Здѣсь опять тайный смыслъ природы,—здѣсь магнетизмъ.

Мы часто слышимъ весьма странные, невѣроятные рассказы

о различныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, о дѣйствіи ихъ на огромныхъ разстояніяхъ, о такъ-называемыхъ предчувствіяхъ и пр.

То нѣжная мать рассказываетъ вамъ трепещущимъ голосомъ и со слезами на глазахъ, что она предчувствовала смерть сына на полѣ брани, въ такой-то часъ, въ такую-то минуту, и, дѣйствительно, оказывалось, что сынъ скончался, пораженный непріятельской пулей именно въ это время и за тысячи верстъ отъ своей матери.

То страстная жена или горячо любящая невѣста говорятъ вамъ, что въ такой-то именно часъ, сегодня, долженъ вернуться изъ далекаго и опаснаго путешествія ихъ мужъ или женихъ; и дѣйствительно, въ назначенный часъ они въ объятіяхъ любящихъ ихъ женщинъ.

То смерть любимаго лица останавливаетъ стрѣлки на вашихъ часахъ въ самую минуту его кончины, то роняетъ его портретъ въ вашемъ кабинетѣ и пр. Что такое всѣ эти странныя и такъ часто рассказываемыя дѣйствія? Неужели обманъ или игра фантазій?

Трудно сказать; но если въ самомъ дѣлѣ есть въ человѣкѣ магнетическая сила, если въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своихъ она сходна хоть, напр., съ электричествомъ, то отчего же не предположить, что и она можетъ передаваться на большія разстоянія, какъ передается электричество по телеграфной проволоцѣ съ скоростью 170,000 верстъ въ секунду?

Но вы спросите, отчего же такой магнетическій токъ, пришедшій, положимъ въ Петербургъ съ Кавказа или изъ Туркестана, непременно подѣйствуетъ только на ту или другую чувствительную барышню, на тѣ или другіе холодно-безчувственные часы?

Опять вопросъ, не объяснимый пока ни чѣмъ, кромѣ развѣ фантастическаго предположенія, что магнетизмъ каждаго человека можетъ дѣйствовать только на нѣкоторые предметы, какъ живые, такъ и безжизненные, но почему-нибудь ему особенно симпатичные, особенно подчиненные его волѣ. Такъ,

напр., посылается изъ одного города въ другой намагнетизированное письмо; оно переходитъ изъ рукъ въ руки, пробѣгаетъ огромныя разстоянія, но магнетизмъ его ни на кого не дѣйствуетъ и сила его не исчезаетъ: наконецъ прибываетъ оно въ городъ, куда адресовано, и чрезвычайно сильно дѣйствуетъ магнетически только на ту даму, которой было написано.

Есть много подобныхъ разсказовъ въ различныхъ сочиненіяхъ древнихъ и новыхъ.

Весьма оригинальное и любопытное объясненіе животнаго магнетизма сообщаетъ намъ д-ръ Гергардтъ, со словъ одного изъ остроумнѣйшихъ естествоиспытателей нашего столѣтія, барона Рейхенбаха.

Та жизненная сила, говоритъ онъ, которой бѣненіе мы ощущаемъ въ нашихъ сосудахъ, какъ и всякое микроскопическое созданіе, и движеніе которой чувствуемъ въ нашихъ органахъ—присуща всему: воздуху, землѣ, водѣ; сила эта въ растеніяхъ движетъ соки, въ неподвижныхъ камняхъ лежитъ связанная и даетъ познавать себя въ движеніи всего міра. Малѣйшее созданіе есть частица той жизни, которая проникаетъ весь міръ. Частица эта, разсматриваемая сама по себѣ, есть также маленькій міръ, полный порядка и движенія, наслажденія и удовольствія,—міръ, полный чудесъ, который мы можемъ наблюдать, которыхъ законы можемъ познавать, но внутреннее существо которыхъ для насъ осталось до сихъ поръ загадочнымъ.

Давно уже предполагали въ нервахъ токъ, который обозначался словомъ „иннервация“; въ чемъ состоитъ этотъ токъ долго не удавалось открыть, пока изслѣдованія Рейхенбаха не бросили нѣсколько свѣта въ эту мистическую тьму и не приподняли покрывало, скрывающее эту неизвѣстную силу.

Берлинскій профессоръ Дюбоа-Реймонъ также сдѣлалъ на этомъ поприщѣ много замѣчательныхъ изслѣдованій, но тѣмъ не менѣе одному Рейхенбаху удалось проникнуть въ глубину этой тайны природы.

Баронъ Рейхенбахъ, послѣ многихъ опытовъ, напалъ на слѣдъ до того времени неизвѣстной силы—двигателя (дупа-

hide) *), которая должна стоять въ ряду съ магнетизмомъ, электричествомъ, свѣтомъ и теплотою, имѣть ко всѣмъ этимъ силамъ отношенія, не будучи однако съ ними тождественною. Силу эту онъ назвалъ одомъ или одо-магнитною силою. Она производитъ всѣ тѣ физиологическія явленія, которыя называются животнымъ магнетизмомъ.

Эта ново-открытая сила была провѣрена и подтверждена барономъ Либихомъ въ Мюнхенѣ, въ Англіи — Фарадеемъ и профессоромъ Грегорп; также др-мъ Ашбурнеромъ въ Лондонѣ, Эллисомъ, др-мъ Эліотсономъ и другими.

Если положить горный хрусталь горизонтально на уголь стола, такъ, чтобы оба конца его свободно выдавались, и если приблизить ладонную поверхность лѣвой руки чувствительнаго (т. е. воспримчиваго къ оду) субъекта на нѣсколько вершковъ къ кристаллу, то почувствуется прохладный токъ въ направленіи къ рукѣ, — это одо-негативный или одо-отрицательный конецъ кристалла или его голова: изъ него ночью вытекаетъ синеватый свѣтъ. Другая часть кристалла ощущается тою же рукой тепловатою и одо-положительною, и свѣтится желтоватымъ свѣтомъ.

Если сближать въ темной комнатѣ одноименные полюсы двухъ кристалловъ, то оба свѣта ода удаляются къ противоположнымъ концамъ кристалла и какъ бы выворачиваются.

Выраженіе одъ-полярной дѣятельности кристалловъ относится непосредственно къ одъ-полярной дѣятельности органическихъ тѣлъ и составляетъ весьма важное, связующее звѣно между органическою природою и неорганическою, между первымъ пластическимъ образованіемъ матеріи и пластическимъ соединеніемъ ея въ стройные образы, которое удается сложнымъ силамъ и результаты которыхъ мы называемъ собиравельнымъ импнеиъ *жизненной силы*.

Въ человѣкѣ, въ которомъ замѣчается самое совершенное пластическое образованіе нервной системы, является, сдѣлав-

*) См. ниже о динамическихъ силахъ.

шись ей присущей, свѣтовая жизнь, какъ регуляторъ всѣхъ отправленій.

Неизвѣстныя полюсныя силы, которыя строятъ кристаллы и даютъ ему размѣръ и форму, снабжаютъ его поляризованнымъ одомъ; точно то же дѣлаютъ и тѣ силы, которыя устрояютъ живое образованіе—растеніе, животное: они снабжаютъ его уже при первомъ зачатіи одъ-полюсами; какъ тамъ, такъ и здѣсь идутъ отъ этихъ полюсовъ положительный и отрицательный токи ода, пока продолжаетъ существовать жизнь.

Однимъ словомъ, какъ говоритъ Рейхенбахъ, вся природа оказывается проникнутою тѣмъ, что онъ соединяетъ подъ названіемъ ода, наполненною его явленіями, сформированною его полярностью; органическія образованія повинуются его законамъ, кристаллизація имъ обуславливается и животныя и растенія имъ совершенно управляются. Человѣкъ, какъ физическій, такъ и психическій, есть образованіе, въ которомъ одическій дуализмъ дѣйствуетъ какъ коэффициентъ *).

Съ открытіемъ одическихъ силъ и ихъ токовъ въ живыхъ существахъ, должно совершенно измѣниться понятіе о болѣзни. Прежде принимали за причину всѣхъ болѣзней болѣзненную матерію и думали лишь о томъ, чтобы это воображаемое болѣзненное вещество устранять массами лекарствъ, не обращая при этомъ вниманія на жизненный принципъ, который игнорировался совершенно. Но какъ удивительно ничтожны бывають причины, вызывающія въ тѣлѣ цѣлые перевороты! Какъ ничтожно, напр., количество заражающаго вещества, достаточное, чтобы произвести цѣлый рядъ болѣзней!

Даже психическія вліянія, какъ радость, боязнь, испугъ, страхъ, дѣйствуютъ чрезвычайно сильно на нервы и вызываютъ не только непроизвольныя движенія тѣла, но способны производить чисто-матеріальныя разстройства.

Въ особенности страхъ есть душевный актъ, представляющійся въ тѣсной связи съ сильнымъ развитіемъ во всѣмъ

*) Въ концѣ нашего сочиненія мы увидимъ, что получили подобныя же выводы совершенно другимъ путемъ.

тѣлѣ положительнаго ода и бывающій потому причиною судорогъ, которыя одически положительны.

Причина каждаго болѣзненнаго явленія есть разстройство одической дѣятельности въ организмѣ, предшествующее болѣшею частью за нѣсколько дней дѣйствительному появленію болѣзни и уже тогда замѣчаемое *чувствительными*.

Вѣрное соотношеніе въ организмѣ положительнаго и отрицательнаго ода обуславливаетъ здоровье: у здоровыхъ людей преобладаетъ одъ-негативность, свойственная животной жизни въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ растительной. (Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ полнѣе, чѣмъ дѣятельнѣе эта жизнь, тѣмъ выше подымается въ ней негативность).

Итакъ, съ цвѣтущимъ здоровьемъ соединена величайшая одическая негативность (Рейхенбахъ).

Болѣзнь и недомоганіе склоняютъ, напротивъ того, къ одъ-положительности. Однако въ каждомъ человѣческомъ индивидуумѣ одическія проявленія различны, какъ различаются обонятельныя и вкусовыя впечатлѣнія. Поразительнѣе всего высказывается этотъ контрастъ у мертвыхъ и живыхъ.

У всѣхъ мертвыхъ прекращается одъ-полярное напряженіе, которое свойственно какъ кристалламъ и магнитамъ, такъ и всему живущему; когда смерть разрываетъ оковы, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ и органическую жизнь. Это нить Аріадны, проводящая по лабиринту къ жизни, болѣзни и смерти, ложные пути котораго тщетно пробѣгали цѣлыя тысячелѣтія врачи.

Если погасаетъ дѣятельность нервовъ, то беретъ перевѣсъ «химическій дѣятель», и происходящій до этого по опредѣленнымъ, присущимъ для органической жизни, законамъ процессъ разложенія происходитъ теперь по законамъ „неорганической“ природы: матерія продолжаетъ существовать въ другомъ родѣ и образѣ, и тѣло, подѣ влияніемъ кислорода, разлагается на свои элементы.

Вездѣ, гдѣ мы находимъ въ природѣ недостатокъ, тамъ замѣчаемъ и стремленіе къ сглаживанію его. Вездѣ природа стремится прежде къ образованію, потомъ уже къ уравниванію

противоположностей. По вѣчному закону ея, противоположные полюсы притягиваются; обмѣнивая между собой таинственную силу, они какъ бы стараются дополнить другъ друга. Такъ склоняется положительный полюсъ подвижного магнита къ югу, къ области южныхъ силъ, которыя именно служатъ въ этомъ случаѣ дополненіемъ того, чего не доставало полюсу магнита. Южный же полюсъ магнита образуетъ въ остроко-
нечіяхъ приближенныхъ къ нему кусковъ желѣза сѣверный полюсъ; мужчину влечетъ къ женщинѣ, слабое къ сильному и т. д.; этотъ же законъ можно даже примѣнить и къ теоріи полового подбора Дарвина.

Магнетизированіе есть ни что иное, какъ специальное примѣненіе олической динамики.

Д-ръ Месмеръ, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ его времени, считъ эту силу за магнетизмъ и называлъ поэтому животнымъ магнетизмомъ; но эта гипотеза основывалась тогда на наблюденіяхъ, лишенныхъ научнаго основанія.

Причина того, что такъ-называемый животный магнетизмъ до сего времени не принятъ въ наукъ и оспариваемъ, лежитъ въ томъ, что натуралисты ничего о немъ не знали или не хотѣли знать, блистая своими именами и авторитетами, тогда какъ посвященные въ него имѣли самый жалкій недостатокъ въ основательныхъ естественныхъ знаніяхъ. Здѣсь новый примѣръ, нерѣдко показываемый исторіей, какъ незнаніе можетъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія удерживать за собою побѣду надъ истиною. Одни знали животный магнетизмъ безъ естественныхъ наукъ, другіе — естественныя науки безъ животнаго магнетизма. Наблюденія фонъ-Рейхенбаха, давшія такъ-называемому животному магнетизму научное основаніе, распространили свѣтъ на многія темныя мѣста физиологіи и патологіи, нервной и мускульной дѣятельности, также и на психологію, устранивъ мистическую тьму, внесенную Месмеромъ въ этотъ способъ леченія, котораго блистательные успѣхи вызывали даже и тогда многихъ врачей къ наблюденію и примѣненію этой могущественной цѣлебной силы.

Очень вѣрно говоритъ фонъ-Рейхенбахъ: «Каждый физиче-

скій дѣятель въ обширномъ смыслѣ долженъ быть предметомъ науки и тѣмъ важнѣйшимъ, чѣмъ глубже онъ проникаетъ въ животный организмъ. Именно таковъ въ высокой степени одъ (v. Reichenbach *Der Sensitive Mensch, bei Cotta. 1854*). Если то, что мы въ настоящее время знаемъ объ этомъ предметѣ, и не очень обширно, то, на основаніи разнообразнаго и могущественнаго вліянія его на тѣло, должно предположить съ большою вѣроятностью, что его распространение и важность въ медицинѣ неизмѣримо увеличатся, когда не только перестанутъ мѣшать основательнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, но и дѣятельно поведутъ ихъ впередъ».

Весь человѣкъ окруженъ одическою атмосферою, которая въ темной комнатѣ вытекаетъ, какъ свѣтящіеся лучи, изъ нѣкоторыхъ частей тѣла, какъ, напримѣръ, концевъ пальцевъ. Уже Делезъ въ 1813 г. сдѣлалъ эти наблюденія, которыя онъ обнародовалъ въ своемъ сочиненіи «*Kritische Geschichte des thierischen Magnetismus*».

Онъ говоритъ: «есть жидкость, истекающая постоянно изъ человѣческаго тѣла и образующая вокругъ насъ атмосферу, которая, такъ какъ она не имѣетъ опредѣннаго тока, не производитъ ощущаемаго дѣйствія на близъ находящіеся индивидуумы; но она можетъ отъ воли получить опредѣленное направленіе, и истекаетъ тогда съ силою, соотвѣтствующею энергіи нашей воли. Движеніе ея похоже на движеніе лучей горящихъ тѣлъ, и она обладаетъ въ различныхъ особахъ различными свойствами. Большинство людей ощущаетъ, когда эта жидкость перетекаетъ изъ тѣла и по волѣ магнетизера въ нихъ, чувство тепла или холода, а также, когда онъ проводитъ свою руку мимо ихъ, даже не прикасаясь къ нимъ. Многія особы впадаютъ, когда они достаточно проникнуты этою жидкостью, въ состояніе сомнамбулизма и магнетическаго экстаза; въ этомъ состояніи они видятъ магнетизера, окруженнаго жидкостью на подобіе ореола, вытекающею свѣтящимися потоками изъ его рта и носа, головы и рукъ. Она сообщаетъ водѣ и другимъ веществамъ особенный вкусъ».

Тѣла животныхъ и преимущественно людей оказываются на лѣвомъ боку положительно, а на правомъ — отрицательно одическими. Если смотрѣть на близкомъ разстояніи лѣвымъ глазомъ въ лѣвый глазъ чувствительнаго, то это будетъ ему непріятно, даже этимъ у него вызовется недомоганіе и невыносимо тоскливое чувство. То же самое происходитъ и въ то время, когда смотреть правымъ глазомъ въ правый же; если же глядѣть правымъ глазомъ въ лѣвый или лѣвымъ въ правый, то онъ не замѣтитъ никакой перемѣны ощущенія. Явленіе это тождественно съ тѣмъ, какое мы замѣчаемъ у магнита: одноименные полюсы отталкиваются, тогда какъ неоднородные притягиваютъ другъ друга. Къ этому присоединяется непосредственно то обстоятельство, что ребенокъ въ чревѣ матери обыкновенно лежитъ такъ, что голова, слѣдовательно одъ-негативная часть тѣла, находится на лѣвой одъ-положительной сторонѣ матери, въ то время, какъ туловище его обращено къ правой сторонѣ; слѣдовательно и здѣсь мы видимъ неоднородное соединеніе, что мудрая природа рассчитала для блага ребенка и матери.

Въ человѣческомъ тѣлѣ полюсы расположены по бокамъ; между ними идущая одическая ось, положительный полюсъ которой находится въ лѣвомъ боку, называется осью ширины или боковою. Въ ней мы видимъ рѣзче всего выраженный одическій дуализмъ. Вторая, по силѣ ей слѣдующая, ось есть ось толщины или поперечная; она обладаетъ незначительною одическою интенсивностью; положительный полюсъ ея находится въ передней части, отрицательный — въ спинѣ человѣка. Третья ось — отъ головы къ ногамъ, долевая, продольная; она обладаетъ самою незначительною интенсивностью. Ноги — положительно, верхняя часть тѣла, голова — отрицательно-одическія *).

Слѣдовательно, человѣкъ есть троекратное одъ-полярное существо: по ширинѣ, поперекъ и по длинѣ. Спереди, на-

*) По изслѣдованіямъ Дюбуа-Реймона въ правой рукѣ токъ направляется справа налѣво, а въ лѣвой — слѣва направо; при болярномъ же состояніи токи получаютъ обратные.

лѣво и внизу мы — одъ-положительны; назадъ, направо и вверху — одъ-отрицательны. Это относится также и къ животнымъ. Эти три главные оси заключаютъ въ себѣ еще множество подчиненныхъ осей. Во время бдѣнія одическая интенсивность сильнѣе въ передней части головы, во время сна — въ задней, такъ-что дѣятельность, производимая одомъ, происходитъ днемъ въ передней части головы, ночью же — въ задней.

Предпославъ это разсужденіе мы разберемъ самое цѣлесообразное дѣйствіе магнетизированія. По опытамъ оказалось самымъ лучшимъ стать съ больнымъ съ глазу-на-глазъ и, опустивъ четыре пальца обѣихъ рукъ и отклонивши большой палецъ въ сторону, положить обѣ руки на ось тѣла и въ такомъ положеніи провести нѣсколько разъ отъ головы больного до пальцевъ ногъ, такъ, чтобы правая рука магнетизера проходила по лѣвой сторонѣ больного, лѣвая-же — по правой; при чемъ послѣ проведенія каждой черты руки смыкаются и у головы больного опять расходятся. Если не обратить на это вниманіе, то съ чувствительными людьми, склонными къ судорогамъ, сдѣлаются судороги. Соретически-одическое вліяніе *) черты, проведенной отъ ногъ къ головѣ (обратныя черты) — производитъ въ большинствѣ случаевъ судороги, особенно посредствомъ одноименныхъ и одъ-положительныхъ двигателей, ибо судорога есть одъ-положительность, подвигающаяся волнообразно отъ ногъ къ головѣ. Подобныя судороги легче всего прекращаются проведеніемъ чертъ надъ судорожными частями.

Судороги рукъ и ногъ, желудка или около него, удается

*) Черты проведенныя отъ ногъ или рукъ къ головѣ, одной или обѣими руками, кристалломъ или магнитомъ, называются соретическими, отъ греческаго слова накопленіе, потому что такимъ образомъ одъ накапливается, соединяется и концентрируется въ противоположность неметическому вліянію, производимому чертами отъ головы чрезъ тѣло и чрезъ руки или ноги. Неметическій происходитъ отъ слова *немо* — брать, отнять, раздѣлять. Итакъ положительнымъ и отрицательнымъ мы означаемъ полярныя свойства ода, соретическимъ и неметическимъ — произведенныя имъ состоянія нервовъ.

прекращать проведеніемъ неоднородныхъ неметическихъ или раздѣляющихъ чертъ. При этомъ можно было наблюдать, по безчисленнымъ признакамъ, во всемъ тѣлѣ пациента соретическую судорогу съ отталкивающимъ и неметическимъ вліяніемъ на конечности. Судороги замерли въ подергиваніяхъ спинныхъ мышцъ: прямой, брюшной и двуглавой. Одическую силу можно также переносить и на неодушевленные предметы: воду, сахаръ и. т. д. При одически приготовленной водѣ замѣчаемъ мы то странное явленіе, что она не скоро портится и подвергается разложенію. Вода, приготовленная правою рукою здороваго, слѣдовательно приготовленная одъ-негативно, дѣйствуетъ очень благотворно; если же она будетъ приготовлена больнымъ и въ особенности лѣвой рукою, то для чувствительныхъ она имѣетъ чрезвычайно противный вкусъ и производитъ у нихъ даже отрыжку съ соотвѣтствующимъ запахомъ и противнымъ вкусомъ.

Здѣсь мы находимъ первый намекъ на зараженіе. Физиологія и патологія еще мало знаютъ о сущности контагін (заразы); въ одѣ мы находимъ первое указаніе на нее, такъ какъ онъ имѣетъ свойство переходить изъ одного тѣла въ другое и переносить вмѣстѣ съ собою и болѣзненное состояніе, а потому нельзя ли допустить, что одъ есть вещество, переносящее зараженіе при приближеніи или прикосновеніи?

Приготовленіе одической воды состоитъ въ томъ, что держать нѣкоторое время концы пальцевъ правой руки надъ водою. Также, какъ посредствомъ пальцевъ, можно и черезъ посредство кристалловъ, магнитовъ, даже электрической индукціи зарядить воду положительно или отрицательно, но, по многимъ наблюденіямъ, одъ, истекающій изъ пальцевъ, производитъ самое благотворное дѣйствіе. Для одического заряженія стакана воды нужно около 8 минутъ времени, не болѣе, потому что иначе можно ее перезарядить, что послужитъ уже во вредъ.

Причина того, что не всѣ могутъ производить такое дѣйствіе, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что не всѣ обладаютъ въ равной мѣрѣ этой силой: однако очень много

зависитъ и отъ того, какимъ образомъ поступаютъ при проведеніи одическихъ чертъ. Черта должна быть проводима по тѣлу больного сверху внизъ, не слишкомъ скоро, не слишкомъ медленно и должна быть доводима до самыхъ концовъ пальцевъ; правило это необходимо соблюдать съ педантическою точностью. Если проводится черта по всему тѣлу, то ее нужно довести за концы пальцевъ ногъ и не прерывать раньше; при этомъ вовсе не необходимо, чтобы концы пальцевъ магнетизера касались пациента; они могутъ быть удалены отъ него на 2—3 вершка. При чертахъ, проводимыхъ въ отдѣльных частяхъ, нужно тщательно наблюдать направленіе нервовъ и избѣгать въ чертѣ нервовъ, идущихъ обратно. У очень раздражительныхъ особъ, если желаютъ достигнуть успѣха, черты эти не должны быть проводимы часто, но отъ половины до одной минуты.

При магнетизированіи мужчина дѣйствуетъ гораздо благотворнѣе на женщину и наоборотъ.

Всѣ эти перепутанныя, тонкія отношенія должны быть познаны и наблюдаемы, если мы, при употребленіи одическихъ силъ, не хотимъ сдѣлать величайшихъ ошибокъ и вызвать противоположное желаемому дѣйствіе.

Сомнамбулизмъ, въ противоположность судорогамъ, есть одическая негативность, которая распространяется отъ наружныхъ частей тѣла ко-внутреннимъ, совершенно обратно, чѣмъ при судорогахъ: отъ головы къ ногамъ. При пробужденіи, сомнамбулы явственно ощущаютъ волнообразное движеніе отъ головы къ ногамъ, тогда какъ при переставаніи судорогъ замѣчается тоже ощущеніе отъ ногъ къ головѣ. Волна сомнамбулизма спускается сверху внизъ и опять поднимается; судорожная же волна поднимается снизу вверхъ и потомъ ниспадаетъ.

Какъ извѣстно, лица во время сомнамбулизма не чувствительны.

Хотя лунатизмъ и судороги—различной одической природы, однако иногда они встрѣчаются одновременно у однихъ и тѣхъ-же субъектовъ. Это происходитъ отъ того, что одъ, сое-

диняясь отъ обоихъ полюсовъ, не связывается и проявленіе его не уничтожается, какъ это случается съ положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ; не связывается, какъ мы это видимъ въ магнитѣ, и не нейтрализуется, какъ это намъ представляетъ химическое сродство; напротивъ обѣ формы ода могутъ существовать опредѣленное, но неизвѣстное время, продолжая каждая по ея специфическому свойству обнаруживать свое дѣйствіе.

Съ солнечнымъ и луннымъ свѣтомъ притекаетъ къ намъ одическое, подкрѣпляющее вещество такъ обильно, что мы удобно можемъ его собирать и дѣлать надъ нимъ простые опыты. Синій, отрицательный свѣтъ солнца, которое болѣе одъ-отрицательное тѣло, производитъ самое благодѣтельное вліяніе на жизнь; даже на настроеніе духа разные цвѣта дѣйствуютъ различно; такъ, напр., нѣкоторые животныя приходятъ въ ярость, какъ только имъ покажутъ красный цвѣтъ; такъ будто красильщики красного болѣе склонны къ маіні, красильщики синяго цвѣта—къ меланхоліи. При лихорадкахъ, нервныхъ раздраженіяхъ и душевныхъ болѣзняхъ особенно замѣтны эти дѣйствія. Красный и желтый цвѣта раздражаютъ, фіолетовый и сиій—успокаиваютъ. Вставивъ цвѣтныя стекла въ окна, легко можно изучать различныя вліянія этихъ цвѣтовъ.

Извѣстно, напр., что растенія прозябаютъ великолѣпно и становятся гуще и свѣжѣе въ синемъ и фіолетовомъ цвѣтѣ.

Дѣйствіе луннаго свѣта — одъ-положительное и имѣетъ также несомнѣнное вліяніе на растительную и животную жизнь. Накожныя болѣзни, глистные страданія, склонность къ кровотечениямъ у женщинъ, лунатизмъ—суть болѣзни, на которыя луна имѣетъ замѣтное вліяніе, въ особенности у исключительныхъ слабыхъ натуръ.

Нѣкоторые раздражительные субъекты не могутъ, не ощущая непріятности, смотрѣть лѣвымъ глазомъ на луну, такъ какъ лунный свѣтъ и лѣвая сторона нашего тѣла — одъ-положительны. Этимъ можно объяснить общезвѣстный предразсудокъ, что видѣть луну съ лѣвой стороны — не хорошо.

Одическое вліяніе земли на жизнь также несомнѣнно. Она на всей своей сѣверной половинѣ одъ-положительна, на южной—отрицательна. Въ непосредственной связи съ этимъ наблюденіемъ находится то, что чувствительные неохотно сидятъ обратившись спиною къ западу или югу; при ѣздѣ въ этомъ положеніи имъ дѣлается дурно: ихъ тошнитъ и даже они падаютъ въ обморокъ. Положеніе лицомъ къ востоку труднѣе всего переносится чувствительными, такъ какъ они находятся въ этомъ положеніи подъ двойнымъ вліяніемъ одноименнаго соединенія: одъ-положительная лѣвая сторона обращена тогда къ одъ-положительному сѣверному полюсу, одъ-негативная правая — къ одъ-негативному полюсу земли, отчего и происходитъ, что такъ часто въ церкви падаютъ въ обморокъ, стоя противъ алтаря и обращая, такимъ образомъ, лицо къ востоку.

Изъ всего, разсказаннаго нами объ одѣ, мы видимъ, что есть какой-то тонкій, эфирный, свѣтящійся паръ, издаваемый человѣческимъ тѣломъ и видимый только *сенситивамъ* — субъектамъ въ высшей степени нервно-воспріимчивымъ. Паръ этотъ, въ особенности изъ концевъ пальцевъ, можетъ быть переведенъ на другіе организмы и даже на неорганическіе тѣла; издается самими неорганическими тѣлами и имѣетъ свою полярность. Напримѣръ, лѣвая рука ощущаетъ холодъ тамъ, гдѣ правая ощущаетъ тепло, и наоборотъ. Магнитныя токи, звуковыя вибраціи и всѣ химическіе процессы, для сенситивовъ, сопровождаются свѣтовыми явленіями. Изолированные лучи солнечнаго свѣта производятъ на осязаніе тоже различныя впечатлѣнія. Нижній конецъ палочки, до половины вставленной въ синій и фіолетовый лучи спектра, производитъ въ лѣвой рукѣ ощущеніе холода, а вставленной въ желтый и красный — ощущеніе тепла и т. д. Въ наукѣ одъ, разумѣется, столь же мало признанъ, какъ и животный магнетизмъ.

Въ упомянутомъ уже нами сочиненіи, «*Kritische Geschichte des thierischen Magnetismus*» Делеза, приведенъ разсказъ Ерманна, родственника извѣстнаго баснописца Пфедфеля, объ одъ-

номъ духовидцѣ. Духовидецъ этотъ былъ восемнадцатилѣтній кандидатъ богословія, нѣкто Биллингъ. Онъ былъ въ высшей степени чувствительный человѣкъ, такъ, что никогда не могъ проходить спокойно вблизи человѣческаго трупа: какой-то ужасъ обнималъ его, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Пфеффель, который, какъ извѣстно, былъ слѣпъ, пригласилъ однажды молодого человѣка идти вмѣстѣ съ нимъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Поэтъ замѣчалъ, что, въ одномъ мѣстѣ, рука молодого человѣка, которую онъ держалъ въ своей, задрожала будто отъ электрическаго удара. На вопросъ Пфеффеля, что съ нимъ? Биллингъ отвѣчалъ: «ничего». Но всякій разъ, какъ только они приходили на то мѣсто, дрожаніе повторялось. Пфеффель принудилъ, наконецъ, его объяснить ему причину этого страха, и молодой человѣкъ отвѣчалъ, что какое-то особенное тревожное чувство наполняетъ его, какъ только онъ бываетъ вблизи трупа, и что, вѣроятно, на этомъ мѣстѣ похоронено человѣческое тѣло. Въ этотъ же день вечеромъ Пфеффель снова отправился съ Биллингомъ въ садъ, и дѣло объяснилось. Было уже темно. Всякій разъ, какъ только они, прохаживаясь по саду, подходили къ тому мѣсту, Биллингъ видѣлъ тамъ слабый свѣтъ и никакъ не осмѣливался подойти близко. Онъ видѣлъ на томъ мѣстѣ прозрачную женскую фигуру, которая стояла на воздухѣ надъ дюймъ отъ земли. По его описанію, эта женская фигура ростомъ была около пяти футовъ, правая рука у ней лежала на груди, лѣвая же просто висѣла. Когда Пфеффель подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ видна была эта фигура, Биллингъ съ точностью указалъ ему положеніе фигуры. Пфеффель началъ палкою бить по воздуху, и при этомъ Биллингу казалось, будто палка проходила сквозь явившійся свѣтлый образъ и разсѣкала свѣтъ, который потомъ снова соединился. Въ слѣдующій вечеръ, когда тутъ были многіе родственники Пфеффеля, явилась та же самая фигура, но никто ничего не видѣлъ, кромѣ Биллинга. Черезъ нѣсколько дней Пфеффель велѣлъ взрыть землю, и, довольно глубоко подъ слоемъ извести, нашли человѣческій остовъ, который вынули, и ему тщательно зарыли

землею. Биллингу ничего объ этомъ не говорили. Спустя три дня, Пфеффель, въ сопровожденіи Биллинга, отправился снова въ садъ; но молодой человѣкъ проходилъ теперь мимо того мѣста безъ всякаго особеннаго ощущенія.

Только открытіемъ Рейхенбаха можно объяснить это таинственное явленіе. Тутъ важенъ тотъ фактъ, что люди очень первныя могутъ видѣть силу ода-испаренія въ видѣ слабаго свѣта, носящагося въ воздухѣ. Эти люди въ темнотѣ видятъ выходящій свѣтъ изъ полюсовъ магнита и кристалла. Рейхенбахъ находить, что сила ода вездѣ распространена, хотя источники ея различны. Между причинами, отъ которыхъ она возбуждается, важную роль играетъ химическое разложеніе. Рейхенбахъ, встрѣтивши случайно упомянутый нами рассказъ Пфеффеля, предполагалъ, что видѣнный Биллингомъ свѣтъ былъ свѣтъ ода. Желая повѣрить свое предположеніе, онъ отправился однажды съ одною нервною дѣвицею, Рейхель, на большое кладбище въ Вѣнѣ, гдѣ ежедневно погребали умершихъ. Результатъ вполне оправдалъ предположенія Рейхенбаха. Дѣвица Рейхель, куда ни смотрѣла, вездѣ видѣла массы пламени. Особенно много такихъ огней видѣла она на новыхъ могилахъ; на очень давнихъ ничего не было видно. Огонь этотъ не былъ жаркимъ пламенемъ, но что-то среднее между дымомъ или густымъ туманомъ и пламенемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пламя это поднималось до четырехъ футовъ надъ землею. Когда дѣвица Рейхель протягивала свои руки къ тому мѣсту, гдѣ видѣнъ былъ свѣтъ, казалось, что руки ея были въ какихъ-то огненныхъ облакахъ; когда же становилась на то мѣсто, — пламя обхватывало ее до шеи. Явленія эти нисколько не беспокоили ее, потому что и прежде она имѣла подобные опыты.

Такимъ образомъ, такъ-называемыя тѣни суть испаренія отъ труповъ, и если дикіе народы думали, что души отшедшихъ странствуютъ въ болотахъ, лѣсахъ, горахъ и т. п., то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, потому, что труповъ, всякой падали вездѣ очень много, особенно въ болотахъ. Эта вѣра въ тѣни встрѣчается также у грековъ и другихъ народовъ, потому

что и въ Греціи, и въ другихъ странахъ видны были на могилахъ испаренія. По мнѣнію фетишистовъ, души умершихъ особенно являются тѣмъ, которые боятся и думать объ умершихъ. Очевидно, что это нервные (сенситивы) люди, похожіе на Биллинга и дѣвицу Рейхель, на которыхъ раздражительно дѣйствуютъ испаренія труповъ.

Посредствомъ ода можно также объяснить многіе народные предрасудки и повѣрья, совершенно одинаковые въ различныхъ странахъ, напр., возможность сглазить (дурной глазъ). Если сила ода дѣйствительно существуетъ, то что же мудренаго, если завистливый или злобный взглядъ переносить на васъ или испускаетъ изъ себя уже измѣненный, ненормальный одъ, а слѣдовательно вредный, который можетъ нарушить въ чувствительномъ (воспримчивомъ) субъектѣ его одическую полярность или правильное распредѣленіе въ немъ ода и вызвать этимъ недомоганіе и даже болѣзнь.

Замѣчательно, что подобные предрасудки, въ совершенно одинаковой формѣ, существуютъ у многихъ народовъ, почти неизмѣнившихся никакихъ сношеній. Это обстоятельство и то, что они легко и весьма просто объясняются такими теоріями, даетъ право приписать и этимъ инстинктивнымъ проявленіямъ истины въ народныхъ вѣрованіяхъ—нѣкоторую долю правды и нѣкоторое основаніе ихъ упорному существованію.

Теорія эта, не смотря на то, что очень остроумна и добыта трудными и продолжительными изслѣдованіями и наблюденіями такихъ пытливыхъ умовъ, какъ Рейхенбахъ, Берцеліусъ, Босковицъ и др., все-таки не можетъ объяснить намъ всѣхъ явленій животнаго магнетизма, потому что она черезчуръ матеріальна и обвиняетъ только небольшую часть однихъ чисто-матеріальныхъ явленій.

Одъ можетъ служить только проводникомъ вліянія одного живого организма на другой, но дѣйствіе его, при участіи духа человѣка, т. е. его воли, желанія и пр., значительно измѣняется и, въ такомъ случаѣ, передаетъ уже вліяніе духа одного человѣка на духъ другого.

Нѣкоторые магнетизеры находятъ также соотвѣтствіе или

какое-то магнетическое сродство большого пальца руки съ большимъ мозгомъ, указательнаго пальца—съ мускулами, средняго—съ костями, безымяннаго—съ кровообращеніемъ, мизинца—съ спиннымъ мозгомъ и мозжечкомъ. Середина ладони соотвѣтствуетъ половымъ органамъ.

Посмотрите теперь, какъ хорошо выражаютъ магнетическую біологію всѣ наши простонародные заговоры, т. е. такъ-называемые предразсудки.

Говорить, напримѣръ, какая-нибудь старуха, что она знаетъ заговоръ хоть отъ падучей. Заговоръ этотъ надо прежде испытать, а потомъ уже можно передать его, но не иначе, какъ кому-нибудь моложе себя. Это значитъ, что воображеніе, основанное на вѣрѣ въ авторитетъ сообщившаго заговоръ, подѣйствуетъ, положимъ, на больного падучей и онъ выздоровѣетъ, тогда воображеніе, укрѣпленное вѣрой въ совершившійся фактъ, дѣйствуетъ еще сильнѣе и, слѣдовательно, энергичнѣе, не только на больного, но и на того, кому секретъ этотъ передается.

Что же касается до того, что человѣкъ, которому заговоръ передается, долженъ быть моложе, то это очень естественно, потому что молодой, узнавая что-нибудь отъ старшаго, получаетъ болѣе увѣренности въ его авторитетъ, а слѣдовательно и въ самое дѣйствіе. Воля его дѣйствуетъ тогда сильнѣе на динамическую силу, сообщающуюся нервамъ больного, и излеченіе дѣйствительно совершается.

Какъ все это просто и ясно, а между тѣмъ считается совершенной нелѣпостью и суевѣріемъ.

Замѣчательно, что такія вещи, передаваемые въ простомъ народѣ по преданію и почти безсознательно, оправдываются теоріей дѣйствія воображенія одного человѣка на другого и заключаютъ въ себѣ много истинъ будущей біологіи. Кромѣ того, любая знахарка, вызванная на откровенность, серьезно скажетъ вамъ, что человѣкъ одаренъ двумя могучими силами: силой взгляда и силой слова,—не магнетизмъ-ли это? Вся обстановка заговариванья, т. е. слова и пр., направлены только къ тому, чтобы возбудить въ извѣстномъ направленіи

воображеніе какъ самого дѣйствителя, такъ и подвергаемаго дѣйствию,—что и должно увеличить цѣлебную силу животнаго магнетизма или направить ее къ извѣстнымъ цѣлямъ. Если мы будемъ лечить и вылечивать такимъ простымъ способомъ страданія ближнихъ, неужели заслужимъ этимъ насмѣшки или порицанія? Еще Гиппократъ сказалъ: „Если возможно изцѣлять больного различными путями, то слѣдуетъ избрать простѣйшій“.

Во всякомъ случаѣ, эта сила, посредствомъ которой одинъ живой организмъ можетъ глубоко вліять на другой—стоитъ изслѣдованія и болѣе тщательнаго изученія.

ГЛАВА IX.

Докторъ Гербертъ Майо (Mayo), въ сочиненіи своемъ, „Истины въ народномъ суевѣріи“, объясняетъ нѣкоторыя явленія сомнамбулизма и животнаго магнетизма изступленіемъ и даже смертельнымъ обморокомъ (Traum—tod). Для обозначенія прекращенія жизненной дѣятельности онъ употребляетъ выраженія: смертельный обморокъ, смертельный экстазъ или изступленіе. Въ указанномъ сочиненіи Майо трактуетъ (письма V, VI, VII, VIII) объ экстазѣ и его различныхъ формахъ.

Онъ различаетъ экстатический сонъ и эстатическое бодрствованіе. Экстазъ, выражающій вообще ненормальное отношеніе между духомъ и нервною системою, имѣетъ, по замѣчанію Майо (стр. 100), свои фазы или степени, соотвѣтствующія нормальному бодрствованію въ естественномъ состояніи.

Натуральный сонъ раздѣляется на три вида: глубокій, тяжелый сонъ сильнаго изнуренія; обыкновенный здоровый глубокий сонъ и легкій, тихій сонъ здороваго и больнаго. Точно также и экстатический сонъ бываетъ троякій: смертельный экстазъ, продолжительный экстазъ и начинающійся или начальный бодрственный экстазъ.

Но когда въ экстазѣ всѣ элементы достигаютъ огромныхъ размѣровъ, то различія трехъ степеней экстатического сна и

свойственные каждому изъ этихъ различій феномены увеличиваются и неизмѣримо усиливаются.

Различіе между мнимой и экстатической смертью Майо объясняетъ такъ (стр. 37): „во многихъ случаяхъ мнимой смерти дѣйствія извѣстныхъ смертоносныхъ вліяній ведутъ борьбу съ жизненнымъ принципомъ, потому что послѣдній противодѣйствуетъ напору и силѣ первыхъ,—чего не бываетъ въ смертельномъ экстазѣ или обморокѣ“.

Смертельный экстазъ или смертельное изступленіе есть положительное состояніе—періодъ покоя, продолженіе котораго часто не можетъ быть напередъ опредѣлено.

Такъ иногда пациентъ внезапно пробуждается и совершенно выздоравливаетъ. Базисъ смертельнаго обморока или экстаза есть прекращеніе біенія сердца, дыхательныхъ функций и произвольныхъ движеній; чувства, разсудокъ и растительныя функціи организма обыкновенно прекращаютъ свою дѣятельность. Съ этими явленіями тѣсно связано и прекращеніе тѣлесной теплоты.

На стр. 102 онъ описываетъ это такъ: смертельный экстазъ есть *отобразъ смерти*. Сердечная дѣятельность оканчивается, дыханіе прекращается; всѣ признаки продолжающейся чувствительности и сознанія исчезаютъ, температура тѣла понижается. Экстатический индивидуумъ совершенно похожъ на безжизненный трупъ; суставы неподвижны, все тѣло гибко и искривлено; къ этому иногда присоединяется еще и судорожное оцѣпенѣніе. Единственное средство узнать, продолжается ли жизнь—это ожидать исхода или химическаго разложенія.

Подобные примѣры приведены д-ромъ Гербертомъ Майо на стр. 38, а также примѣры видѣнны въ этомъ состояніи на стр. 103 и 104-й.

Чтобы перейти отъ этихъ замѣчаній къ нѣкоторымъ явленіямъ сомнамбулизма и спиритизма, Майо объясняетъ ихъ, съ одной стороны, обморочнымъ состояніемъ, которое признано у него эпидемическимъ въ извѣстныхъ времена и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, съ другой стороны—психическимъ фактомъ, и при томъ въ связи съ смертельнымъ экстазомъ.

Онъ старается доказать, что духъ или душа одного чело-
вѣка, по естественному порядку вещей и по неизвѣстнымъ
еще физиологическимъ законамъ, входитъ въ непосредствен-
ную связь съ духомъ другого живого индивидуума.

Въ отношеніи къ извѣстнымъ духовнымъ признакамъ смер-
ти, вслѣдствіе которыхъ, напримѣръ, умершій увѣдомляетъ
друга о своей кончинѣ,—мы можемъ принять, что кончина
одного челоувѣка, чрезъ спиритуальный міръ, отражаетъ какъ
бы лучи свѣта на другой пассивно-расположенный индиви-
дуумъ, или даже одновременно на два индивидуума, если
только они находятся въ прямомъ отношеніи другъ къ другу,
подобно тому, какъ двѣ башни церкви могутъ мгновенно
освѣтиться молніей, которая въ то же время нѣсколько не
освѣщаетъ темноты сводовъ, лежащихъ подъ башнями.

Душа умершаго вступаетъ какъ бы въ общеніе съ духомъ
близкаго или симпатичнаго ему челоувѣка; а послѣ того на
самое явленіе умершаго нужно смотрѣть, какъ на обманъ
чувствъ. Можетъ быть подобныя явленія умершаго есть ин-
стинктивное стремленіе его обратить вниманіе на продол-
жающуюся его жизнь въ могилѣ, при поспѣшномъ погребеніи
экстатиковъ и находящихся въ летаргін. Съ этой точки зрѣ-
нія, не суевѣріемъ, но осмотрительностью было бы, еслибы
каждый, кому являются умершіе его знакомые или родные,
поспѣшилъ изслѣдовать состояніе умершаго въ гробу и всѣ
обстоятельства его смерти и погребенія. Таковъ взглядъ док-
тора Герберта Майо.

Аббатъ Калметъ, говоря объ экстагическомъ состояніи,
обращаетъ особенное вниманіе только на оцѣпѣнность и не-
чувствительность экстагическихъ индивидуумовъ ко всему, что
вкругомъ ихъ совершается.

Послѣ этого не удивительно, что онъ къ категоріи этихъ
явленій относитъ и прекращеніе жизнедѣятельности у мно-
гихъ животныхъ въ извѣстныя времена года.

Докторъ Майо представляетъ для объясненія экстаза такое
основаніе: «каждая духовная сила, говоритъ онъ на стр. 87,—

имѣть свое опредѣленное мѣсто и сѣдалище въ нашемъ организмѣ“.

Многимъ физиологамъ удалось опредѣлить, съ какими особенными частями нервной системы каждый духовный эффектъ соединенъ функционально.

Каждая духовная сила имѣетъ свой особенный органъ или свою собственную лабораторію въ нервной системѣ. На стр. 95-й, на вопросъ, что такое экстазъ?—онъ отвѣчаетъ: предварительно мы замѣтимъ, что основаніе экстаза состоитъ въ обнаруженіи ненормальнаго отношенія духа и нервной системы.

Во всѣхъ почти формахъ экстаза видно, что нѣкоторые духовныя функціи не имѣютъ болѣе своего сѣдалища въ свойственныхъ имъ опредѣленныхъ органахъ. Отъ часто повторяющихся перемѣнъ этого рода прекращается дѣятельность органовъ ощущеній.

Естественнымъ и самымъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ этого бываетъ совершенное притупленіе слуха и зрѣнія.

Если же пациентъ въ экстазѣ бодрствуетъ, то, въ награду за потерю, эти чувства выражаютъ свою дѣятельность въ другихъ органахъ или обнаруживаютъ какой-нибудь неясный образъ общаго воспріятія, какъ, напр., въ сомнамбулизмѣ или магнетическомъ ясновидѣніи (стр. 88, V). Принявъ за несомнѣнное, что духъ есть принципъ отличный и отдѣльный отъ матеріи, мы легко поймемъ, что человѣческая душа можетъ стать къ тѣлу въ новое необыкновенное, ненормальное отношеніе.

Изъ различныхъ формъ экстатического сна особенно отличаются, съ одной стороны, смертельный экстазъ, продолжительный экстазъ и простой или начальный экстазъ; съ другой стороны, изъ различныхъ формъ экстатического бодрствованія особенно выдаются полубодрственный экстазъ или сомнамбулизмъ и бодрственный экстазъ. Каждое изъ этихъ состояній можетъ вызвать видѣнія или галлюцинаціи.

Галлюцинаціи (субъективныя ощущенія, принимаемыя за объективныя) являются спутниками усиленныхъ нервныхъ

возбужденій и одинаково могут имѣть мѣсто, чѣмъ бы ни вызывалось возбужденіе,—болѣзненнымъ-ли измѣненіемъ нервнаго вещества, наркотизаціей, страхомъ, усталостью, голодомъ и пр. Характеръ ихъ измѣняется отъ различія впечатлѣній, которыя дѣйствуютъ на организмъ. Жаркій климатъ, раздражая нервную систему, способствуетъ появленію видѣній, что было извѣстно еще Плинію относительно пустынь Африки.

Сильно настроенное воображеніе также возбуждаетъ нервную систему и вызываетъ видѣнія.

Смутные и тревожные историческіе моменты, производя усиленное возбужденіе нервной системы, также служатъ иногда причинами, вызывающими видѣнія, и не только для одного лица, но и одновременно для нѣсколькихъ. Діонъ-Кассій рассказываетъ, что во время пзверженія Везувія многіе видѣли въ воздухѣ страшныя, исполинскія фигуры.

Не только усиленное возбужденіе или воодушевленіе можетъ вызвать галлюцинаціи, но и глубокое погруженіе въ самого себя, въ особенности если къ нему присоединится усиліе воли (что мы уже видѣли у индѣйскихъ факировъ).

Фанъ-Гельмонтъ непремѣнно хотѣлъ, вслѣдствіе какого-то сна, увидѣть свою душу; 33 года ему не удавалось это, и только по истеченіи этого времени, въ минуту какого-то особеннаго душевнаго настроенія, онъ увидѣлъ ее въ видѣ свѣтящагося эфирнаго образа.

Все это даетъ право предположить, что нервное возбужденіе, чѣмъ бы оно ни вызывалось, можетъ обуславливать само по себѣ появленіе галлюцинацій и иллюзій.

То, что мы описали подъ именемъ экстатического состоянія, спириты приписываютъ вліянію духовъ, а экстатиковъ называютъ медіумами.

Они прибавляютъ даже, что всякій вдохновенный человѣкъ есть медіумъ, но несознающій, что онъ въ это время слушать орудіемъ духа пзъ другого міра.

Такое указаніе со стороны спиритовъ даетъ намъ право надѣяться, что въ ихъ настоящихъ медіумахъ мы найдемъ тѣ-же основныя черты, какъ и въ описанныхъ нами перво-

бытныхъ жрецахъ, шаманахъ, колдунахъ и пр., непосредственно сообщавшихся съ невидимымъ міромъ.

Въ Калькуттѣ, гдѣ спиритизмъ имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ, два медиума подверглись однажды, въ одно и то же время, вліянію духовъ: одинъ изъ нихъ духа раджи Рама-Могуна, другой—Герисса Чендера. Прежде всего это обнаружилось въ нихъ конвульсіями; потомъ, какъ они рассказывали сами, они испытали сильнѣйшую дрожь и какъ будто электрическіе удары по нервамъ; жилы ихъ вздулись, ихъ охватилъ непомѣрный ужасъ и затѣмъ они потеряли сознание.

Въ такомъ видѣ пмъ дали карандаши и каждый изъ нихъ написалъ ими того духа, который въ немъ дѣйствовалъ *). Слѣдовательно писаніе медиумовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не является простымъ шарлатанствомъ, можетъ быть сведено къ возбужденію черезъ погруженіе въ себя и къ пріобрѣтенію умѣнья приходить въ такое возбужденіе усиленъ воли.

Участіе личности медиума въ сообщеніяхъ, которыя дѣлаютъ черезъ нихъ духи, указывается даже самими спиритами, которые свидѣтельствуютъ, что характеръ сообщенія всегда находится въ связи съ расположеніемъ духа медиума. Какъ примѣръ высшаго развитія тѣхъ качествъ, которыя требуются отъ медиума, можетъ служить описываемая Перти дѣвица А. М. Вейсъ, жившая въ началѣ нынѣшняго вѣка и представляющая идеалъ того, что спириты называютъ «видящимъ медиумомъ». Съ самаго дѣтства она была крайне-слабой и болѣзненной организаціи, и съ тѣхъ поръ, какъ стала себя поминать, уже начала видѣть различныя видѣнія. Смерть матери и тяжелое обращеніе отца огорчали ее и заставляли усиленно молиться. Четырнадцать лѣтъ она сильно занемогла и ежедневно по нѣскольку часовъ находилась въ глубокомъ обморокѣ. Въ этомъ состояніи ей являлись всевозможныя видѣнія, то привлекательнаго, то ужасающаго характера. Впо-

*) Соч. Максимилиана Перти: „Blicke in das verborgene Leben etc.“, см. журналъ „Знаніе“, № 2, 1871 г., статья Д. А. К—скаго.

слѣдствіи безсознательное состояніе уже не было необходимо для появленія видѣній, и онѣ вызывались подъ вліяніемъ ея магнетизера. Но потомъ магнетизеръ говорилъ о ней, что ей стоитъ только закрыть глаза, чтобы съ совершенной ясностью увидѣть какой-нибудь божественный или человѣческій образъ. Иногда ей даже не нужно было закрывать глазъ: достаточно было пристально смотрѣть втеченіе нѣсколькихъ минутъ на одну точку. Сама она говорила, что, при созерцаніи этихъ видѣній, она чувствовала въ извѣстный моментъ необходимость оторваться отъ нихъ, иначе она бы непременно сошла съ ума. Ей довольно было подумать о комъ-нибудь, и онъ, какъ живой, представлялся передъ нею.

Далѣе эти призраки уже стали являться сами собой, иногда послѣдовательно втеченіе нѣсколькихъ недѣль и даже лѣтъ. Самымъ замѣтнымъ для нея видѣніемъ было появленіе Маріи Антуанеты, что происходило одно время ежедневно, а потомъ повторялось чрезъ большіе промежутки времени, и, наконецъ, по разу въ годъ въ опредѣленное число.

Подобные примѣры, которыхъ Перти приводитъ еще нѣсколько, могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что предполагаемая способность медиумовъ необходимо обуславливается усиленнымъ нервнымъ возбужденіемъ.

Намъ остается разсмотрѣть еще тотъ видъ общенія съ невидимымъ міромъ, который обуславливается сомнамбулизмомъ и животнымъ магнетизмомъ и приводитъ къ такъ-называемому «ясновидѣнію». Лунатизмъ, необычность его и особня качества, приобретаемыя въ это время спящимъ субъектомъ, послужили источникомъ происхожденія понятія о способности нѣкоторыхъ людей приходить въ особое состояніе, называемое нѣмцами *Schlafwachen*,—среднее между сномъ и бодрствованіемъ, состоящее во временномъ отдѣленіи души отъ тѣла, которая будто-бы видитъ тогда то, что въ обыкновенномъ состояніи ей было недоступно.

Сомнамбулизмомъ или, иначе, лунатизмомъ называется такое состояніе нашихъ нервовъ, когда нѣкоторые ихъ способности особенно сильно возбуждены,—конечно, на счетъ остальныхъ.

У лунатика является чрезвычайное развитіе и изощреніе нѣ-
которыхъ чувствъ; такъ у нихъ расширенъ зрачекъ, и ихъ
глаза могутъ видѣть въ темнотѣ. Замѣчательно при этомъ,
что лунатикъ видитъ въ темнотѣ только тѣ предметы, ко-
торые имѣютъ отношеніе къ занимающей его мысли; осталь-
ныхъ же онъ не замѣчаетъ, даже если бы они были освѣще-
ны очень яркимъ свѣтомъ.

То же надо сказать и относительно слуха. Наконецъ, лу-
натикъ сохраняетъ способность движеній, напр., онъ ходитъ,
говоритъ. Потому справедливо называютъ лунатизмъ—сномъ
въ дѣйствіи, т. е., что лунатикъ теряетъ свободу мыслей,
находится подъ вліяніемъ немногихъ впечатлѣній, нерѣдко
поразительно вѣрно сочетаетъ ихъ, и уже, подъ вліяніемъ
такимъ образомъ полученныхъ выводовъ, дѣйствуетъ.

Обыкновенно лунатиками бываютъ люди, страдающіе исте-
рикой, ипохондріей, нервными или мозговыми болѣзнями.

Усиленіе какой-нибудь способности въ лунатикѣ, во время
припадка, не проходитъ ему даромъ: нервы, выражающіе эту
способность, обыкновенно бываютъ чрезвычайно разстроены
послѣ припадка; лунатикъ часто забываетъ именно то, въ
чемъ онъ оказалъ такую усиленную дѣятельность во время
припадка.

Но, странное дѣло, онъ вспоминаетъ обо всемъ этомъ въ
слѣдующемъ припадкѣ!

Вообще допускаютъ слѣдующія 4 степени сомнамбулизма:

- 1) Простое дѣйствіе съ усыпленіемъ мысли или со сновидѣніемъ.
- 2) Совершеніе дѣйствій, вошедшихъ въ привычку у чело-
вѣка, хотя бы онѣ были довольно сложны.
- 3) Сложныя дѣйствія, но машинальныя (лунатизмъ).
- 4) Бредъ съ сознательными движеніями или собственно
сомнамбулизмъ.

Сомнамбулизмъ одно время чрезвычайно занималъ не только
праздныхъ любителей всего необыкновеннаго, но даже мно-
гихъ серьезныхъ ученыхъ.

Послѣдніе, впрочемъ, высказывались на этотъ счетъ до-

вольно неопредѣленно, въ родѣ Гюссона, который совѣтовалъ только парижской академіи наукъ заняться этимъ вопросомъ. Изъ немногихъ, заслуживающихъ вниманія сочиненій объ этомъ предметѣ, мы укажемъ на книгу Бертрана «Du Magnetisme animal en France».

Онъ не приходитъ, конечно, ни къ какому окончательному заключенію, но для насъ изъ его мнѣній особенно важно сближеніе, которое онъ дѣлаетъ между ясновидѣніемъ и экстазомъ, указывая общія черты между ними, ставящія ихъ въ одну и ту же категорію нервныхъ явленій.

Весьма замѣчателенъ для насъ его взглядъ на физиологическое значеніе экстаза.

Онъ указываетъ на то, что экстазъ не есть какая-нибудь особая болѣзнь, но вызывается извѣстными болѣзненными состояніями, напр., конвульсіями и т. п.; онъ появляется также и при другихъ обстоятельствахъ, напр., при сильномъ нравственномъ возбужденіи. Поэтому экстазъ составляетъ явленіе, общее всѣмъ временамъ, а не одному только періоду невѣжества.

Въ ясновидѣніи Бертранъ указываетъ слѣдующія характеристическія свойства: забвеніе при пробужденіи всего происходившаго, вышняя нечувствительность, повышеніе силы воображенія и силы сужденія, инстинктъ предвидѣнія, нравственная несамостоятельность и т. п.

Онъ прибавляетъ, что ясновидѣніе можетъ наступать не во всякое время, и что для него необходимо особое предварительное расположеніе.

Шопенгауеръ, въ своемъ сочиненіи «Ueber das Willen in der Natur», рассказываетъ, что онъ имѣлъ случай видѣть во Франкфуртѣ ясновидящую, которая даже безъ всякихъ тѣлодвиженій и манипуляцій со стороны своего магнетизера, по одному только желанію его, впадала въ каталептическое состояніе; при этомъ она иногда оставалась въ той же позѣ, въ которой сидѣла, съ открытыми глазами, но была въ положеніи совершенной нечувствительности и безжизненности.

Шопенгауеръ пробуетъ даже дать такимъ явленіямъ фи-

зіологическое объясненіе; онъ полагаетъ, что онѣ основываются на изолированіи функцій головного мозга отъ функцій спинного, при чемъ или и чувствительные, и двигательные нервы парализуются и наступаетъ вполне каталептическое состояніе, или являются недѣятельными только нервы движенія, и тогда сознаніе остается.

Такое объясненіе достаточно произвольно и, въ сущности, ничего не объясняетъ. Нельзя не сознаться, что физиологическій процессъ даже лунатизма, и тѣмъ болѣе сомнамбулизма, еще не вполне ясенъ для насъ.

Но на самомъ дѣлѣ онъ нисколько не темнѣе всѣхъ остальныхъ психо-физиологическихъ процессовъ нашего организма, и долженъ будетъ выясниться вмѣстѣ съ лучшимъ, болѣе научнымъ, пониманіемъ всѣхъ этихъ процессовъ. Объясненіе ихъ во всякомъ случаѣ надобно искать внутри насъ, въ свойствахъ нашей души, а не въ предположеніи вмѣшательства дѣлаго міра особенныхъ духовъ.

Для лучшаго пониманія явленій животнаго магнетизма и сомнамбулизма, намъ слѣдовало бы ближе рассмотреть природу сомнамбуль и ясновидящихъ. Но вышеприведенный примѣръ Анны Вейсъ избавляетъ насъ отъ этого труда, такъ какъ эта дѣвица была въ то же время и ясновидящей, засыпая магнетическимъ сномъ подъ вліяніемъ своего магнетизера. Въ состояніи такого сна, она отвѣчала на вопросы и дѣлала предсказанія, которыя иногда бывали удачны.

Какъ мы уже говорили, она могла по произволу вызывать видѣнія и, кромѣ того, отличалась отъ другихъ ясновидящихъ способностью помнить все, что съ ней происходило во время погруженія въ магнетическій сонъ, слѣдовательно экстатическое состояніе было для нея почти нормальнымъ. А. Вейсъ даетъ намъ право заключить, что сущность природы ясновидящихъ, точно также, какъ и спиритическихъ медиумовъ, сибирскихъ шамановъ и средневѣковыхъ маговъ, есть усиленная нервная возбудимость, вызываемая на этотъ разъ магнетическимъ вліяніемъ и дѣйствіемъ воли, которое иногда можетъ маскироваться видимой пассивностью субъекта.

Мы напомнимъ еще, что нервныя явленія, приписываемыя животному магнетизму, не составляютъ продукта европейской цивилизаціи, а, какъ мы видѣли выше, были извѣстны въ самой глубокой древности.

Въ Пенджабѣ и теперь еще употребляется родъ животного магнетизма, который называется тамъ «джарась» или «мантеръ» и прилагается къ леченію преимущественно нервныхъ страданій.

Врачующій становится противъ больного и машетъ надъ нимъ палочкой или вѣткой, пока больной не успокоится.

Въ наукѣ и искусствѣ мы видимъ также особенность организацій, которыми отличались нѣкоторые поэты, музыканты и ученые. Достаточно припомнить Гофмана и Эдгара По. Въ ихъ вдохновеніяхъ мы видимъ тѣ же черты, какъ и въ экстазѣ первобытныхъ жрецовъ и маговъ. Прибавимъ къ этому, что Моцартъ и Кольриджъ, по извѣстіямъ ихъ біографовъ, создавали свои лучшія произведенія въ какомъ-то почти безсознательномъ состояніи. Біо рассказываетъ то же о Ньютонѣ. Выраженіе особенностей организаціи геніальныхъ натуръ, въ видѣ странныхъ, несвойственныхъ обыкновеннымъ людямъ поступковъ и общаго отличія ихъ отъ такихъ людей, давно уже бросалось въ глаза, и давно уже рѣшается вопросъ о родствѣ геніальности съ безуміемъ.

Всякому извѣстно *), какую важную роль въ жизни каждаго изъ насъ играетъ нервное возбужденіе; незачѣмъ доказывать, что оно есть необходимое условіе каждаго наслажденія. что безъ него никакое наслажденіе немыслимо. И театральныя зрѣлища, и музыка, и чтеніе, и любовь къ женщинѣ. и такія удовольствія, какъ охота, верховая ѣзда, и т. п., и вообще горячее отношеніе къ наукѣ или искусству, и, наконецъ, употребленіе наркотическихъ и возбуждающихъ средствъ—одинаково имѣютъ цѣлью повысить возбудимость нашихъ нер-

*) Весь этотъ психологическій этюдъ взятъ нами изъ журнала Знаніе, № 2, 1871, ст. Д. А. К—скаго.

вовъ и доставляютъ намъ наслажденіе только черезъ посредство этой повышенной возбудимости.

Оставя уже физиологическую, безсознательную сторону этого вопроса, мы сами въ себѣ можемъ наблюдать сознательную нравственную потребность нервнаго возбужденія: каждый изъ насъ радъ найти возможность заставить сильнѣе работать и свой умъ, и свои чувства, подняться надъ самимъ собою, подойти къ тому, что въ обыкновенномъ состояніи казалось слишкомъ далеко отъ него. Въ извѣстной степени такое возбужденіе преслѣдуется каждымъ человѣкомъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія и во всѣхъ обитаемыхъ мѣстностяхъ.

У всѣхъ народовъ, даже самыхъ дикихъ, были найдены одуряющіе напитки, у всѣхъ изъ нихъ встрѣчаются удовольствія, вродѣ плясокъ, пѣсенъ, подобія маскарадовъ или драматическихъ представленій и т. п., чѣмъ физиологически и доказывается потребность нервнаго возбужденія для каждаго человѣка.

Но не всѣ люди доходятъ до одной и той же степени нервнаго возбужденія: тамъ, гдѣ одинъ уже находитъ потребный для него предѣлъ, другія организациі не останавливаются и идутъ дальше въ этомъ направленіи. Нервное возбужденіе становится для нихъ не временною, а уже постоянною потребностью, и они вызываютъ его какими бы то ни было средствами и какою бы опасностью это ни грозило ихъ организму. Изъ такихъ людей въ нашемъ обществѣ выходятъ широкія натуры и пьяницы, а на востокѣ—любители гашиша и опиума; при благоприятномъ направленіи, они даютъ міру замѣчательныхъ поэтовъ, артистовъ и общественныхъ реформаторовъ; изъ нихъ также, вслѣдствіе извѣстныхъ душевныхъ особенностей, выходятъ мистическіе экстастики или современные намъ медиумы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, управляемый иными цѣлями, человѣкъ ищетъ другихъ путей, чтобы достигнуть состоянія экстаза. Онъ замѣтилъ, что чѣмъ возбужденнѣе его нервная система, тѣмъ ближе онъ чувствуетъ себя къ духовному

бытію и духовному міру, а доводя это возбужденіе до крайняго предѣла, онъ переступаетъ въ тотъ міръ, гдѣ живутъ другія силы, другія существа; онъ приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, видитъ, слышитъ, ощущаетъ ихъ. Нѣкоторымъ это давалось само собой: отъ времени до времени они безъ всякихъ стараній переходили въ экстатическое состояніе и этимъ достигали своей цѣли; но имъ хотѣлось управлять этой способностью, вызывая экстазъ по своему желанію, другимъ же, лишеннымъ такой способности, хотѣлось непременно достигнуть такого состоянія. Одинаковость человѣческой организаціи въ общемъ смыслѣ слова и одинаковость стремленій въ данномъ случаѣ привели людей къ нѣсколькимъ однимъ и тѣмъ же средствамъ, ведущимъ къ этой цѣли.

На первомъ планѣ, въ ряду способовъ достигать экстаза, слѣдуетъ поставить наркотическія вещества. Одни употребляли гашишъ (индѣйскую коноплю), другіе настоємъ листьевъ «кока» приводили себя въ конвульсивное состояніе, третьи напивались виномъ.

Кромѣ того настои различныхъ травъ употребляются и теперь колдунами у разныхъ народовъ и играли существенную роль въ средневѣковой магіи.

Рядомъ съ дѣйствіемъ наркотическихъ веществъ слѣдуетъ поставить приведеніе себя въ экстатическое состояніе посредствомъ гипнотизма, т. е. пристальнаго созерцанія блестящаго предмета.

Одно время на гипнотизмъ было обращено вниманіе науки, и нѣкоторые думали даже дать ему примѣненіе въ хирургіи вмѣсто хлороформа.

Въ Бирманіи колдуньи смотрятъ на отполированную мѣдную чашку, чтобы получить даръ предсказанія. Египтяне достигаютъ того же долгимъ созерцаніемъ блестящаго чернаго пятна на тарелкѣ или на ладони. Извѣстный мистикъ Яковъ Бемъ приводитъ себя въ восторженное состояніе, пристально глядя на гладкій оловянный сосудъ; то же самое дѣлалъ извѣстный магнетизеръ Калиостро, заставляя глядѣть очень долго на прозрачный хрустальный шаръ или графинъ съ водою.

Этпмъ объясняется и такъ-называемое кристаллическое зрѣніе.

Пристальное созерцаніе блестящихъ звѣздъ на фонѣ темнаго неба могло быть исходной точкой, откуда впослѣдствіи развилась астрологія; сперва звѣзды были только орудіями предсказанія, а впослѣдствіи уже стали предсказывать сами—сдѣлались символами.

На гипнотизмѣ также должно быть основано наше гаданье въ зеркало и пр.

Всматриваніе въ одинъ какой-нибудь предметъ, хотя бы и неблестящій, можетъ, посредствомъ такого изолированія себя отъ внѣшняго міра, вызывать экстазъ у нервно-раздражительныхъ личностей. Мы видѣли у браминовъ и другихъ жрецовъ и колдуновъ, что они сперва долго сидятъ, глядя пристально на какой-нибудь предметъ, и потомъ уже впадаютъ въ конвульсивное состояніе.

Такое изолированіе достигается удаленіемъ отъ себя всего, дѣйствующаго на внѣшнія чувства, напр., помѣщеніе себя въ темномъ пространствѣ.

Дѣйствіе, производимое такого рода одиночествомъ, усиливается, если къ нему присоединится физическое истощеніе. Голодь, бессонница, уклоненіе отъ половыхъ отношеній, нарушая общую гармонію организма, усилено возбуждаютъ нервную систему. Уединеніе и самовнушеніе, соединенные вмѣстѣ, служатъ наиболѣе употребительными средствами нервнаго возбужденія.

Мы видѣли выше, что индѣйцы и другія азіатскія и африканскія племена доводившія себя до экстаза, не чувствовали боли и могли безнаказанно колоть и рѣзать свои члены.

Для насъ такое свойство, сообщаемое экстазомъ, не должно представлять ничего удивительнаго, если мы припомнимъ такіе же случаи безчувственности у нѣкоторыхъ монаховъ (помѣшанныхъ) и даже меланхоликовъ, которые могутъ жечь и рѣзать себя, не испытывая при этомъ никакой боли.

Нечувствительность къ страданію въ экстатическомъ состояніи объясняетъ такіе факты, какъ самосожженіе раскольни-

ковъ, мужество въ пыткахъ, выказываемое средневѣковыми еретиками, и спокойное шествіе ихъ на казнь.

Другое свойство экстаза — предугадываніе или предсказаніе, производило еще болѣе вліянія на умы и служило главнѣйшей причиной вѣры въ его сверхъ-естественное происхожденіе.

Способность предсказанія, которую первобытные народы признають за своими жрецами и колдунами, вѣра въ гаданія, въ ясновидѣніе и пр. должна въ своей основѣ имѣть положительную истину, для того, чтобы она могла развиваться и существовать до настоящаго времени.

Въ основаніи такой вѣры въ оракуловъ должны лежать наблюденія надъ экстатическимъ состояніемъ и, черезъ него, надъ способомъ предсказаній, дѣйствительно выходящихъ изъ предѣловъ нормальныхъ соображеній человѣка. Наконецъ, у народовъ, менѣе развившихся, мы застаемъ еще и въ настоящее время въ полномъ ходу такое средство прониканія въ будущее.

Многіе путешественники, вполне достойные довѣрія, сохранили факты дѣйствительнаго предусматриванія экстастиками и ясновидящими такихъ событій, которые не входили въ тотъ кругъ обстоятельствъ, который совершается предъ ихъ глазами.

Такъ, напр., участникъ экспедиціи Врангеля—Матюшкинъ узналъ отъ сибирскаго шамана, приводившаго себя въ состояніе экстаза посредствомъ круженія, куренія, водки и шума барабана, что лейтенантъ Анжу, находившійся на три дня пути отъ того мѣста, выдержалъ сильную бурю на Ленѣ и только-что спасся; это впослѣдствіи подтвердилось вполне. Извѣстность нѣкоторыхъ ясновидящихъ и медіумовъ основана на подобныхъ же случаяхъ необыкновенныхъ предсказаній, которыя никакъ не могли бы быть сдѣланы на-угадъ.

Такіе случаи служатъ главнымъ орудіемъ въ рукахъ мистиковъ и спиритовъ; доказавши ихъ несомнѣнность, они твердо становятся на нихъ, считая ихъ торжествомъ своего ученія. Но обаяніе чудеснаго, которое окружаетъ такіе факты, пропадаетъ, когда мы сравнимъ ихъ съ той поражающей

способностью угадыванія, которую обнаруживают нѣкоторые душевно-больные.

Эта способность объясняется повышенной мозговой дѣятельностью, невозможною въ нормальномъ состояніи.

Многія вещи кажутся намъ удивительными потому, что мы наблюдаемъ ихъ только въ формахъ ихъ крайняго проявленія, тогда какъ намъ стоило бы ихъ изучить въ состояніи ихъ меньшей интенсивности—и они показались-бы намъ менѣе чудесными.

Каждому изъ насъ приходится ежедневно, во множествѣ случаевъ, безсознательно, на-угадъ, доходить до истины, и по силѣ привычки это нисколько насъ не поражаетъ; но тотъ же процессъ, только въ превосходной степени, кажется уже намъ трудно объяснимымъ естественнымъ путемъ. Хотя открытія Гельмгольца и Дарвина представляются, въ собственномъ смыслѣ, ни какъ не менѣе удивительными, нежели ученія фантазіи какого-нибудь американскаго спирита Андрю-Девиса, но факты предсказаній, о которыхъ мы говоримъ, являлись бы для насъ труднѣе объяснимыми, еслибъ они совершались при нормальномъ состояніи субъекта. Экстатическое состояніе, которое служить необходимымъ условіемъ ихъ, представляетъ совершенно удовлетворительное объясненіе ихъ мнимой чудесности, которая можетъ имѣть мѣсто только для желающихъ видѣть въ самомъ экстазѣ проявленіе сверхъ-естественныхъ силъ. Исторія горячечныхъ больныхъ уже достаточно доказываетъ намъ, какіе результаты вызываетъ повышенная дѣятельность мозга. Въ лихорадочномъ бреду, люди съ обыкновенными способностями высказываютъ мысли, замѣчательныя по своей глубинѣ и остроумію и совершенно недоступныя для нихъ въ нормальномъ состояніи; слабоумные обнаруживаютъ признаки возвращенія разсудка, говоря здраво и разумно; по минованіи же болѣзненныхъ припадковъ, опять впадаютъ въ прежнее идиотическое состояніе. Въ виду такихъ фактовъ, которые ни кто не объясняетъ вліяніемъ неземныхъ агентовъ, намъ легко понять усиленную дѣятельность мозга во время экстаза, непохожую на ту, которая свойственна субъекту въ

его нормальномъ положеніи. Кромѣ незнанія такихъ патологическихъ фактовъ, и незнаніе элементарныхъ данныхъ опытной психологіи служить одной изъ причинъ такого распространенія области чудеснаго на самыя обыкновенныя явленія. Неожиданное припоминаніе какого-нибудь незначительнаго факта изъ нашего давно-забытаго дѣтства или какого-нибудь нисколько не замѣчательнаго, давно и мелькомъ видѣннаго лица, ни сколько не заставляетъ насъ недоумѣвать и удивляться. А совершенно однородный фактъ, когда человѣкъ, находясь въ горячечномъ или экстаатическомъ состояніи, вдругъ начинаетъ говорить на неизвѣстномъ ему языкѣ, останавливается и смущаетъ насъ....

Подобные, часто случающіеся, факты всегда служили сильнымъ аргументомъ въ пользу мистиковъ. Ученый врачъ прошлаго столѣтія, Лойе (Loyer), уже переставшій вѣрить въ присутствіе демоническихъ силъ въ душевно-больныхъ, согласенъ, однако, допустить ихъ вліяніе, когда больной начинаетъ говорить на такомъ языкѣ, который прежде былъ ему совершенно неизвѣстенъ. Такіе факты, происходящіе иногда съ шаманами, сильно поднимаютъ ихъ въ глазахъ вѣрующихъ. Малообразованный медіумъ, вдругъ начинающій говорить по-латыни или по-гречески, является торжествомъ спиритизма. Но, къ счастью, психіатрическія сочиненія представляютъ множество подобныхъ случаевъ и указываютъ очень простое объясненіе для нихъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда простой, необразованный человѣкъ, въ безумномъ или горячечномъ бреду, вдругъ начиналъ говорить на какомъ-нибудь изъ классическихъ языковъ, оказывалось, что ему нѣкогда приходилось слышать его; память, совершенно незамѣтно для него самого, сохранила эти впечатлѣнія и, при усиленной мозговой дѣятельности, они выступили наружу изъ темной области, гдѣ находились до тѣхъ поръ.

Карданусъ, имѣвшій способность по произволу впадать въ экстазъ, такимъ образомъ описываетъ физическое ощущеніе при этомъ состояніи: «когда мнѣ придетъ желаніе, я могу выдти изъ моего тѣла и придти въ нечувствительное состоя-

ніе, подобное состоянію экстаза. Погрузясь, такимъ образомъ, въ экстазъ, я чувствую, какъ моя душа выходитъ изъ сердца и вообще изъ тѣла, какъ-будто чрезъ маленькое отверстіе, сперва черезъ голову, потомъ чрезъ малый и, наконецъ, чрезъ спинной мозгъ, такъ что только съ трудомъ можетъ быть удержана. Въ этомъ положеніи я сознаю, что я существую внѣ моего тѣла, что я извѣстнымъ образомъ отдѣленъ отъ него. Но въ такомъ положеніи я могу пребыть только нѣсколько минутъ».

Это непосредственное описаніе экстатического состоянія довольно близко знакомитъ насъ съ его фізіологическимъ характеромъ и ясно приближаетъ его къ эпилептическому состоянію. Сходство его съ послѣднимъ подтверждается еще тѣмъ, что экстатики, по выходѣ изъ этого состоянія, не помнятъ ничего о томъ, что съ ними было, кромѣ немногихъ, рѣдкихъ исключеній, вродѣ описанной нами А. М. Вейсь.

Послѣ состоянія возбужденія, экстатики, также какъ и эпилептики, чувствуютъ себя крайне слабыми и утомленными. Такимъ образомъ мы видимъ, что экстазъ, въ фізіологическомъ смыслѣ, близко подходитъ къ эпилепсiи, а иногда и совершенно переходитъ въ нее.

Частое повтореніе такихъ нервныхъ потрясеній оставляетъ въ организмѣ глубокіе слѣды. Путешественники говорятъ о шаманахъ, что нервная раздражительность ихъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, что они пугаются и дрожатъ отъ всякаго малѣйшаго шума. Сильное раздраженіе нервовъ у ясно-видящихъ всѣмъ извѣстно. Изъ этого мы можемъ видѣть, что способность приходить въ экстатическое состояніе связывается съ особой организаціей, отличающейся склонностью къ нервной возбудительности, и даже, можно сказать, основывается на ней. Хотя такая раздражительность развивается частымъ упражненіемъ, но первоначально вызвана она можетъ быть не во всякомъ организмѣ. Для этого нуженъ особенный нервный темпераментъ, если можно такъ выразиться, особое естественное предрасположеніе. Справедливость такого заключенія подтверждается практикой шамановъ, именно при-

знаками, которыми они руководствуются при выборѣ себѣ учениковъ. Бастіанъ говоритъ, что они выбираютъ для этого дѣтей съ раздражительностью нервовъ и склонностью къ конвульсивнымъ припадкамъ, и начинаютъ обученіе ихъ съ очень нѣжнаго возраста, устанавливая систематическій курсъ особаго рода упражненій, для приведенія ихъ нервной системы къ эстатической способности. Когда у тунгуса, говоритъ онъ же, ребенокъ выказываетъ болѣзненное расположеніе, страдаетъ носовыми кровотечениями, тогда о немъ заключаютъ, что онъ способенъ быть шаманомъ, и отдаютъ его къ шаманамъ на воспитаніе. По словамъ Фалькнера, въ Патагоніи дѣти, страдающія падучей болѣзью, предназначаются къ карьерѣ колдуновъ.

Въ высшей степени пригодными для мистическихъ цѣлей оказываются натуры съ нарушенной функціей половой сферы или съ неясно-выраженными половыми наклонностями. Такъ какъ въ здоровомъ человѣкѣ воспроизводительныя стремленія поглощаютъ извѣстное количество нервной дѣятельности и нервная система становится менѣ чувствительной къ виѣшнимъ раздраженіямъ, мистицизмъ, ради своихъ задачъ, всегда предписывалъ возможно полное половое воздержаніе. Для извѣстныхъ натуръ, управляемыхъ мистическими идеями, повышение нервной возбудимости, которая развивалась вслѣдствіе такого извращенія естественныхъ наклонностей и тѣмъ легче вела къ экстазу, являлось на столько выше половыхъ наслажденій, что онѣ начинали съ отвращеніемъ и ненавистью относиться къ нимъ и старались всѣми мѣрами парализовать въ себѣ эту способность. Такое стремленіе въ своемъ крайнемъ проявленіи привело къ скопечеству, и оно же всегда заставляло цѣнить такихъ субъектовъ, у которыхъ половыя наклонности были неразвиты отъ природы.

Большая раздражительность нервной системы дѣлаетъ женщинъ болѣе способными къ мистическимъ проявленіямъ сравнительно съ мужчинами. Къ этому женщины еще болѣе предрасполагаютъ исключительно свойственные имъ болѣзни—истерика и нервное раздраженіе, производимое вообще маточными

болѣзнями. Мистическія идеи всегда особенно потрясающимъ образомъ дѣйствовали на женщинъ и вызывали у нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ усиленные припадки. Такого рода припадки мы и теперь еще можемъ иногда видѣть въ Россіи, у такъ-называемыхъ „кликушъ“ — истерическихъ женщинъ, впадающихъ въ конвульсіи во время богослуженія. Совершенно подобныхъ больныхъ мы видимъ въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара.

Всего сказаннаго выше намъ кажется достаточнымъ, чтобы имѣть право предположить необходимость для обнаруженія экстаза особой нервной организаціи. Мы видѣли, что такого рода организація уже сама по себѣ располагаетъ къ нервно-психическимъ явленіямъ, одинъ изъ видовъ которыхъ мы находимъ въ экстазѣ. У своихъ крайнихъ предѣловъ экстазъ подведенъ нами къ эпилептической формѣ; въ болѣе слабомъ выраженіи онъ является однимъ изъ послѣдствій того патологическаго измѣненія нормальнаго организма, которое обнаруживается въ общемъ расположеніи къ душевнымъ болѣзнямъ, и притомъ къ такимъ формамъ ихъ, гдѣ представляется разстройство не столько мыслительной, сколько нравственной стороны субъекта.

ГЛАВА X.

«Сомнамбулизмъ, говоритъ метафизикъ нашего времени, сэръ Гамильтонъ — одинъ изъ самыхъ трудныхъ, запутанныхъ вопросовъ науки. Съ одной стороны, чудеса сомнамбулизма столь удивительны, что имъ нельзя вѣрить; съ другой—онѣ такъ очевидны и такое множество свидѣтелей подтверждаетъ ихъ дѣйствительное существованіе, что невозможно совершенно отказать въ вѣрѣ фактамъ, приводимымъ столькими добросовѣстными авторитетами въ этомъ дѣлѣ.» („Sir W. Hamilton's Lectures on Metaphysics and logic“ vol. II, p. 274.)

Это состояніе недоумѣнія между вѣрой и отрицаніемъ,—невозможностью повѣрить и невозможностью не вѣрить—и есть то состояніе ума, въ которомъ долженъ находиться всякій добросовѣстный мыслитель при обсужденіи тѣхъ явленій, которыхъ онъ самъ не видѣлъ, но которыя представляются ему въ изслѣдованіяхъ людей, стоящихъ выше всякаго упрека во лжи или шарлатанствѣ. Мюллеръ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ отрицателей месмеризма, повидному, не испыталъ на опытѣ дѣйствія его и даже не изслѣдовалъ его по книгамъ, иначе онъ убѣдился бы, что самыя странныя изъ этихъ чудесъ скорѣе подтверждаютъ главные начала его ученія, чѣмъ противорѣчатъ имъ. Онъ бы увидѣлъ, что ихъ можно объяснить взаимною симпатією чувствъ, законами отраженія, посредствомъ

мозговыхъ отправленій (Физиологія чувствъ, стр. 1311) и тѣмъ, что „умственное начало или причина умственныхъ феноменовъ не заключается въ одномъ мозгу, но въ пассивномъ состояніи распространена по всему организму“ (тамъ же, стр. 1355). Сила нервовъ, защищаемая Бэномъ, также можетъ служить истолкованіемъ многого, что казалось невѣроятнымъ тѣмъ физиологамъ, которые не заблагоразсудили отдѣлить подлинныхъ феноменовъ месмеризма отъ обмановъ шарлатанства.

Куда ни взглянемъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ мы видимъ одинаковыя вѣрованія, основанныя на томъ, что есть иныя натуры, имѣющія власть надъ другими, съ которыми онѣ имѣютъ какое-то непонятное сродство, и даже, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, онѣ имѣютъ власть надъ бездушными тѣлами. По теоріи Декарта „тѣ частицы крови, кои входятъ въ мозгъ, не только питаютъ и поддерживаютъ его, но еще производятъ въ немъ чистое, яркое пламя, именуемое животнымъ началомъ *). Тотъ же Декартъ, въ концѣ своего сочиненія о человѣкѣ, говоритъ, что это пламя такого же состава, какъ и пламя, заключающееся въ бездушныхъ предметахъ. Это мнѣніе только подтверждается новѣйшими теоріями: что электричество въ большей или меньшей степени находится во всѣхъ, или почти во всѣхъ, извѣстныхъ предметахъ.

Теперь мы предложимъ вопросъ, но только вопросъ, а не свое мнѣніе: не заключается-ли въ электрическомъ или какомъ другомъ сродственномъ ему, но еще менѣе извѣстномъ намъ токѣ, какой-нибудь силы, которая на одну натуру можетъ дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ на другую, и посредствомъ которой можно себя объяснить таинственное вліяніе, только что упомянутое?

Это положеніе мы потому ставимъ вопросомъ, что если оно попадется на обсужденіе ученаго, то не нужно поддѣрпывать его доводами, почерпнутыми изъ опыта и сочиненій, пользующихся авторитетомъ.

*) Descartes, «L'homme» vol. IV, p. 345, 428.

Все же это предположеніе заслуживаетъ вниманія, потому что, всякая натура, наклонная къ изступленію (мы разумѣемъ здѣсь всѣхъ природныхъ мистиковъ), очень чувствительна ко всѣмъ электро-атмосфернымъ влияніямъ. Это фактъ, который безъ сомнѣнія, подтверждать всѣ доктора.

„То состояніе атмосферы, говоритъ М. Таунсендъ *),—которое усиливаетъ и изолируетъ электричество, находящееся въ моемъ тѣлѣ, увеличиваетъ и мою способность магнетизировать другихъ“. То, что М. Таунсендъ замѣтилъ въ себѣ, американскіе доктора и химики замѣчаютъ въ *современныхъ колдунахъ* или медумахъ. Они свидѣлствуютъ, что всѣ эти медіумы электрическаго темперамента, и ихъ сила уменьшается и увеличивается, смотря по влиянію атмосферы на электричество (или ему подобную силу), заключающуюся въ нихъ.

Такимъ образомъ, здѣсь, въ странномъ феноменѣ, который или слишкомъ поспѣшно объявляютъ пустымъ шарлатанствомъ, или слишкомъ довѣрчиво принимаютъ за сверхъ-естественное чудо, мы открываемъ одинъ фактъ, повторяющійся вездѣ, и который, быть можетъ, послужитъ точною отправленіемъ для будущей рacionales теоріи.

Но, во всякомъ случаѣ, объяснятъ-ли когда-нибудь научнымъ образомъ силу и способность, о которыхъ мы говоримъ, присущія инымъ, исключительнымъ натурамъ, или нѣтъ—можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ однихъ мы должны искать причину той частицы правды, которая заключается въ колдовствѣ и магіи. Хорошо сказалъ Мори **), основательно изучившій эти предметы, какъ ученый и паталогъ: что еслибы колдовство, магнетизмъ и спиритизмъ основывались исключительно на вѣрѣ и обманѣ, то царство ихъ не было бы такъ продолжительно,—нѣтъ, они берутъ свое начало изъ страннаго феномена, производимаго или извѣстнымъ состояніемъ нервовъ, или

*) Facts on Mesmerism—by M. Hare Townsend.

**) La Magie et l'Astrologie dans l'Antiquité et au Moyen-Age. Par L. F. Alfred Maury, Membre de l'Institut, p. 225.

бодрственнымъ сномъ. Эти явленія, причина которыхъ сначала была неизвѣстна, укрѣпляли вѣру въ колдовство, какъ укрѣпляютъ ее теперь въ спиритизмъ и медиумовъ, и часто вводили въ обманъ даже образованныхъ людей.

Колдуны и заклинатели доходили различными путями до способности погружать другихъ въ извѣстнаго рода изступленіе или родъ сна, во время которыхъ послѣднимъ казалось, что они видѣли и слышали сверхъ-естественныя существа и присутствовали при чудесахъ, извѣстныхъ только магін.

Такимъ образомъ всѣ, и заклинатели и закливаемые, одинаково были обмануты. Принимая это объясненіе, понятное для каждаго опытнаго медика, можно вывести изъ него то заключеніе, что причину способности однихъ людей вліять на воображеніе другихъ надо искать не въ какой-нибудь высшей способности ума или духа, но въ особенномъ физическомъ, и часто болѣзненномъ, состояніи организма. Такъ, между дикими австраійскими племенами, всѣ старшіе въ родѣ обучаются колдовству, но очень немногія, только склонныя къ этому натуры, дѣлаются дѣйствительно колдунами, по мнѣнію туземцевъ.

То же и съ такъ-называемыми оби между неграми: чарующая, заклинательная сила этихъ людей не подлежитъ никакому сомнѣнію, но нельзя такого человѣка обучить, — нѣтъ: оби рождаются заклинателями, какъ поэты рождаются поэтами. Всѣ наши средневѣковые мистики говорятъ, что колдовство есть врожденная способность, хотя и развиваемая опытомъ и искусствомъ. Что же касается до того факта, что эта способность болѣе всего процвѣтаетъ на низшей ступени цивилизаціи и совершенно исчезаетъ въ образованныхъ странахъ, то это можно объяснить извѣстнымъ уже вліяніемъ воображенія. Въ грубомъ состояніи соціальной жизни, воображеніе не только беретъ верхъ надъ всѣми другими способностями человѣка, но и не имѣетъ тѣхъ спасительныхъ истоковъ, которые представляетъ умственная жизнь въ образованномъ обществѣ.

Человѣкъ, который въ какомъ-нибудь дикомъ племени или

въ средніе вѣка былъ бы колдуномъ, въ наше время дѣлается поэтомъ, ораторомъ, мыслителемъ, а при извѣстныхъ условіяхъ, пожалуй, и медиумомъ. Другими словами, его воображеніе направляется къ дѣятельности, схожей съ дѣятельностью окружающихъ его людей.

Умъ человѣка такъ созданъ, что онъ идетъ по тому направленію, куда склоняется общественное мнѣніе кружка, посреди котораго онъ живетъ.

Гдѣ уважаютъ или боятся колдуновъ, тамъ ихъ будетъ гораздо болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ ихъ презираютъ, какъ обманщиковъ, или сажаютъ въ сумасшедшій домъ.

Въ Скандинавіи, напр., до введенія христіанства, всѣ преданія полны свидѣтельствами о чудесахъ Валу — колдуньи, пользовавшейся огромными почестями и уваженіемъ. Когда же христіанство утвердилось, церковь объявила Валу орудіемъ дьявола, и съ той самой минуты могущественная, страшная пророчица сдѣлалась несчастной и всѣми презираемой старой вѣдьмой.

Изъ всего вышеизложеннаго выходитъ, что колдовство есть только дѣйствіе воображенія одного человѣка на воображеніе другого. Съ этимъ, въ извѣстной степени, можно согласиться, ибо тутъ мы снова возвращаемся въ законную область фізіологіи.

Очень можетъ быть, что мы найдемъ указанія, которыя помогутъ, если не разрѣшить, то основательно разсмотрѣть эти вопросы у двухъ писателей, столь различныхъ между собою — у Ванъ-Гельмонта и Бэкона.

Ванъ-Гельмонтъ, изъ всѣхъ мистиковъ среднихъ вѣковъ, всего ближе подходитъ къ систематическимъ мыслителямъ нашего времени. Онъ полагалъ, что та способность, которую онъ называетъ фантазіей, но которую обыкновенно называютъ воображеніемъ, имѣетъ силу порождать идеи, независимо отъ чувствъ. Это мнѣніе раздѣляется и фізіологами; между многими примѣрами, ими приводимыми, возьмемъ одинъ. Линке говоритъ объ одной женщинѣ, совершенно слѣпой, но которая по временамъ жаловалась, что видѣла какіе-то свѣтлые

образы передъ глазами. Мюллеръ, который самъ не разъ видѣлъ видѣнія, свидѣтельствуеъ, что «образы, видимые во снѣ, не есть только игра воображенія, но что они дѣйствительно видимы. Въ этомъ можетъ всякій удостовѣриться, прибавляетъ онъ,—пріучивъ себя, просыпаясь отъ сна, тотчасъ же открывать глаза: тогда образы, видѣнные во снѣ, иногда представляются ясно и только мало-по-малу исчезаютъ». Мюллеръ подтверждаетъ это положеніе не только своимъ собственнымъ опытомъ, но и авторитетами Спинозы и Аристотеля, который принимаетъ видѣнія „за внутреннее проявленіе способности зрѣнія“. Сэръ Давидъ Брюстеръ, раздѣляя это мнѣніе, говоритъ, что предметы умственного міра могутъ быть такъ же ясно видны, какъ и предметы физическаго, и что они занимаютъ то же самое положеніе относительно органа зрѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, одно достовѣрно, что слѣпой можетъ видѣть образы передъ собою такъ же ясно, какъ мы видимъ ручей у нашихъ ногъ или птицу на деревѣ.

Теперь обратимся къ другому изъ упомянутыхъ писателей—къ лорду Бэкону. Въ своей „Естественной исторіи“, говоря о силѣ воображенія, онъ упоминаетъ, что видѣлъ однажды какого-то фокусника, который отгадывалъ, какую карту кто задумалъ. Бэконъ сказалъ объ этомъ одному старцу, „искусному въ подобныхъ вещахъ“, и мудрецъ отвѣчалъ: „этотъ чловѣкъ не читаетъ мысли другихъ, ибо это возможно только для Бога, но подчиняетъ ихъ воображеніе своему, до того, что они думаютъ только о той картѣ, которой онъ хочетъ“. Мудрецъ этотъ предугадывалъ современную электро-біологію! Потомъ онъ спросилъ Бэкона: самъ-ли фокусникъ говорилъ карту чловѣку, задумавшему ее, или просилъ другого кого?—„Онъ просилъ другого сказать“, отвѣчалъ Бэконъ.—Я такъ и думалъ, сказалъ ученый его пріятель:—ибо самъ фокусникъ не могъ такъ усиленно дѣйствовать на воображеніе другого, какъ посторонній чловѣкъ, у котораго самое воображеніе уже было возбуждено вѣрою въ чудеса кудесника.

Вся эта исторія замѣчательна, потому что Бэконъ, очевидно, видитъ въ ней догадку, заслуживающую вниманія. А Бэконъ,

еслибъ онъ теперь жилъ, именно былъ бы человѣкомъ, который разрѣшилъ бы тайны загадки месмеризма и спиритизма, ибо онъ не сталъ бы презирать изученіе необъяснимыхъ явленій изъ одного страха повредить своей славѣ умнаго человѣка.

Далѣе Бэконъ насчитываетъ три способа возбудить и подчинить себѣ воображеніе. Первый способъ, посредствомъ авторитета, основаннаго на вѣрѣ субъекта въ самое искусство и въ человѣка, занимающагося этимъ искусствомъ; второй — посредствомъ различныхъ способовъ, утверждающихъ и усиливающихъ воображеніе; третій — посредствомъ различныхъ способовъ, заставляющихъ воображеніе повторять тѣ же образы, и какъ бы освѣжать ихъ въ памяти. Содержаніе второго и и третьяго способа онъ относитъ къ магіи, и потомъ говорить: „воображеніе болѣе всего имѣетъ вліянія на то, что всего легче и подвижнѣе, и потому болѣе всего на духъ человѣка, а въ его проявленіяхъ особливо на тѣ чувства, которыя 'всего измѣнчивѣе—на любовь, страхъ, нерѣшительность“, —замѣчаніе, которое мы уже сдѣлали выше, найдя его и у другихъ писателей.

Все, что только относится къ этому, должно быть *строго, основательно изслѣдовано*, прибавляетъ Бэконъ, въ духѣ, совершенно противномъ тѣмъ мудрецамъ новѣйшаго времени, которые съ презрѣніемъ отвергаютъ, не испытавъ, все, что относится къ области чудеснаго. Этотъ великій основатель трезвой опытной науки идетъ далѣе и полагаетъ, что необходимо изслѣдовать вопросъ, не дѣйствуетъ-ли воображеніе и на бездушные предметы; онъ говоритъ: надо произвести опытъ надъ растеніями, напр., сказать кому-нибудь, что такое-то дерево непременно засохнетъ въ этомъ году, и приказать этому человѣку нѣсколько разъ пойти и посмотрѣть, какъ исполняется предсказаніе. Я увѣренъ, ни одинъ ученый не послѣдовалъ этому совѣту, однако, еслибы какой-нибудь любознательный изслѣдователь сдѣлалъ это, то, быть можетъ, мы теперь давно знали бы всѣ тайны такъ-называемаго колдовства.

Если допустить, что возбужденное воображеніе одного человека имѣетъ вліяніе на воображеніе другого, то можно объяснить весьма легко и многіе наши предразсудки. Напр. говорятъ, что кто подаетъ другому соль, то непременно поссорится. Тутъ вовсе не соль играетъ какую-нибудь роль, а воображеніе или убѣжденія одного на воображеніе другого, производя въ мысляхъ сего послѣдняго неизвѣстный намъ процессъ, посредствомъ котораго возбуждаются въ умѣ человека, черезъ таинственное вліяніе другого, тѣ чувства и ощущенія, которыя именно должны располагать къ ссорѣ или противорѣчію. Конечно, это не всегда случается, но тамъ, гдѣ возбужденное воображеніе одного, усиленное еще вѣрой въ предразсудокъ, встрѣчаетъ умъ или нервы, способные воспринять это темное вліяніе, тамъ и произойдетъ споръ или послѣдствіе его—ссора.

Мы знаемъ изъ опыта, что сильный страхъ, испытываемый однимъ человекомъ, передается нерѣдко и другимъ присутствующимъ; чувство это извѣстно подъ именемъ паники. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ болѣзненное состояніе нервовъ или воображеніе одного, доведенное до паническаго страха, дѣйствуетъ какъ бы индуктивно и на нервы другихъ, болѣе или менѣе къ тому расположенныхъ или воспріимчивыхъ субъектовъ, и вызываетъ въ нихъ подобное же состояніе.

Если это справедливо для такихъ крупныхъ проявленій нашихъ чувствъ, какъ, напр., страхъ, то почему же не произойдетъ то же самое и относительно другихъ разнообразныхъ оттѣнковъ нашихъ чувствъ, болѣе мелкихъ, т. е. ссоры, гнѣва, любви и пр.?—Нужно только, чтобы нервы испытывающаго эти чувства были извѣстнымъ образомъ, и даже болѣзненно, напряжены и потому могли бы подѣйствовать на нервы другихъ. Другими словами—нужно, чтобы подобныя чувства достигли до состоянія экстаза. Но для того, чтобы возбудить въ себѣ и другихъ подобное состояніе, необходимо сильно подѣйствовать на воображеніе.

Говорятъ же, что сильная страсть можетъ возбудить такую же страсть и въ другомъ, если только она доведена до

экстаза и если воображеніе того лица, въ которомъ желаютъ возбудить подобное же чувство—чѣмъ-нибудь поражено или усилено въ этомъ направленіи.

Для изслѣдованія, какое вліяніе можетъ оказывать воля человѣка на неодушевленные предметы или, напр., какъ вліяетъ животный магнетизмъ или животное электричество на электричество статическое или на гальваническій токъ—можетъ служить приборъ, устроенный, если не ошибаемся, Дюбуа-Реймонѣмъ.

Приборъ этотъ слѣдующаго устройства: къ краю стола привѣшенъ деревянный цилиндръ, а около него находятся два сосуда съ солянымъ растворомъ, такъ, чтобы, охвативъ руками цилиндръ, можно было погрузить въ жидкость указательные пальцы; въ каждый сосудъ погружены металлическія пластинки, сообщающіяся посредствомъ проволоки съ гальванометромъ. Если теперь правой рукой крѣпко обхватить цилиндръ, а лѣвою держать слегка, то, по теоріи, стрѣлка гальванометра должна отклониться отъ запада къ югу; напротивъ, если сжать лѣвую руку, оставляя правую въ покоѣ, то стрѣлка отклонится къ сѣверу.

Отсюда заключаютъ, что, такъ какъ гальваническій токъ въ этомъ случаѣ происходитъ вслѣдствіе напряженія мускуловъ, а напряженіе мускуловъ зависитъ отъ воли человѣка, слѣдовательно и *отклоненіе стрѣлки* (предмета неодушевленнаго) зависитъ отъ воли.

При поврежденіи на рукѣ, царапинѣ или ожогѣ, происходитъ химическое дѣйствіе, является токъ, уже независимый отъ воли, и опытъ не удастся.

Если воля человѣка имѣетъ вліяніе на электрическій токъ, то, слѣдовательно, и на всякое тѣло, одушевленное и неодушевленное, заключающее въ себѣ электричество. Какое обширное поле для гипотезъ! Быть можетъ, путемъ терпѣливаго опыта, наука и разрѣшитъ тѣ вопросы, которыхъ ньютоновы законы тяготивніи не въ состояніи разъяснить, и тогда... но зачѣмъ пускаться преждевременно въ неясный міръ догадокъ...

Безспорно только то, что воображеніе усиливаетъ дѣйствіе

извѣстныхъ, а слѣдовательно и неизвѣстныхъ агентовъ на нашъ организмъ, но вліяетъ-ли оно непосредственно—это еще вопросъ.—

Остановимся здѣсь на минуту и сдѣлаемъ выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій.

Изъ всѣхъ догадокъ и предположеній, основанныхъ на сочиненіяхъ разныхъ ученыхъ, можно извлечь слѣдующее объясненіе всякихъ чудесъ, которыя, овладѣвая нашими чувствами, совершенно разрушаютъ всѣ теоріи, принятые разумомъ. Обыкновенно такія явленія объясняли воображеніемъ, возбужденнымъ умственнымъ и физическимъ разстройствомъ. Теперь же къ этому предположенію мы прибавляемъ новое, болѣе удивительное и недопускаемое трезвыми фیزیологами: мы предполагаемъ возможнымъ, чтобы человѣкъ, одаренный рѣдкимъ и исключительнымъ темпераментомъ, имѣлъ вліяніе на воображеніе, а черезъ воображеніе—и на ощущенія другихъ людей.

Сила эта превосходитъ даже силу всякаго месмеризма и электро-біологіи и придаетъ видъ истины старымъ волшебнымъ сказкамъ.

Слѣдуя Бэкону, полагавшему, что нѣкоторые „даже бездушныя вещи могутъ вліять на человѣка тайною силою симпатіи и антипатіи“, можно предположить, что нѣкоторые предметы, какъ, напр., древніе жезлы, содержали въ себѣ свойства, дававшія имъ возможность производить чудеса и безъ самого чудесника; такъ магнетизеры увѣряютъ, что вещь, намагнетизированная ими, такъ же успѣшно дѣйствуетъ, какъ и они сами.

Не забывайте, что все это пока однѣ предположенія. Но ужъ если мы предаемся догадкамъ, то нельзя-ли предположить, оставивъ въ сторонѣ вопросъ,—можетъ-ли человѣкъ передать бездушной вещи силу надъ воображеніемъ другого человѣка, — нельзя-ли предположить, что нѣкоторые предметы сами въ себѣ имѣютъ свойства вліять на инныя чело-вѣческія натуры?

Извѣстно по опыту, что простое орѣховое дерево сильно

дѣйствуетъ на нѣмъ нервныя натурн. Одна дѣвочка, взявъ только что срѣзанный орѣховый сучекъ, не могла его выпустить изъ руки, и когда его вырвали у нея силою; она такъ сильно была привлечена къ нему, что снова захватила его и, продержавъ нѣсколько минутъ, впала въ забытѣе, впродолженіи котораго ей являлись различныя видѣнія. Медики могутъ замѣтить, что это не новость, и что они знаютъ много подобныхъ случаевъ. Быть можетъ, какое-нибудь особое свойство орѣховаго дерева и побудило выбрать его въ древности для жезловъ. Потомъ возьмемъ лавровое дерево; оно было въ древности въ большомъ уваженіи и посвящено Аполлону, а недавно одинъ нѣмецкій ученый заявилъ, что онъ узналъ на опытъ, что ни что такъ легко не повергаетъ въ изступленіе человѣка, наклоннаго къ этому, какъ дѣйствіе лавровыхъ ягодъ. (Не потому-ли въ древности возлагали на поэтовъ и на героев лавровыя вѣнки?)

Мы знаемъ, что у древнихъ, и особенно на востоцѣ, видѣлка жезловъ для цѣлей волшебства была не простою механическою работою, а составляла таинственное искусство, которымъ занимались люди, свѣдущіе въ естественныхъ наукахъ, почерпавшіе изъ нихъ способы производить явленія, считавшіяся чудесами. Въ этомъ-то приготовленіи и выборѣ матеріаловъ собственно и заключались физическія, естественныя основанія древней науки угадыванія и заговариванія посредствомъ волшебныхъ жезловъ. Палки эти или жезлы дѣлались часто стальными или желѣзными съ хрустальнымъ наконечникомъ.

Можетъ быть, желѣзо и хрусталь дѣйствительно содержатъ въ себѣ свойства, до сихъ поръ научнымъ образомъ неизслѣдованныя и дѣйствующія только на исключительныя натуры; эту догадку подтверждаетъ еще и то, что желѣзо и хрусталь всегда играли важную роль у всѣхъ мистиковъ, древнихъ и новыхъ. У дельфійской пифіи былъ желѣзный треножникъ, у Месмера—желѣзная кровать.

Кромѣ того, есть много людей, честныхъ, ни мало не шарлатановъ, которые не могутъ долго смотрѣть на хрустальный

шаръ: у нихъ тотчасъ же кружится голова и являются передъ глазами всякіе образы. Можно подозрѣвать, что научная причина этого кажущагося сверхъ-естественнаго дѣйствія желѣза и хрустала заключается въ сильной чувствительности обоихъ предметовъ къ перемѣнамъ температуры, и если эти вещества содержатъ въ себѣ силу, вліяющую на исключительныя натуры, то вѣдь это не сверхъ-естественное чудо, а совершенно естественное явленіе.

Неужели же такую страшную силу можетъ имѣть воля человѣка надъ умами и ощущеніями другихъ? спросить, пожалуй, читатель.

Замѣтимъ на это, что воля человѣка гораздо болѣе и губительнѣе проявляетъ свою силу ежедневно надъ людскими умами и дѣлами, чѣмъ всякое колдовство, какъ бы оно ни было преувеличено суевѣріемъ, а между тѣмъ мы этому не удивляемся и даже не замѣчаемъ. Воля человѣка возбуждаетъ войну, отъ которой гибнутъ цѣлыя населенія и приходятъ въ запустѣніе огромныя страны. Воля человѣка составляетъ и извращаетъ законы, возвышаетъ и развращаетъ общественное мнѣніе, наполняетъ міръ дикими криками фанатизма или же преклоняетъ страсти человѣка передъ любовью къ ближнему.

Мы удивляемся и возстаемъ противъ исключительнаго господства какого-нибудь кудесника (если кудесники есть на свѣтѣ) надъ двумя-тремя людьми, и, въ то же время, когда мы смущены такой силой, смотримъ равнодушно, какъ воля нѣсколькихъ человѣкъ производитъ революцію, устраиваетъ коммуны и другія ухищренія, которыми потрясаетъ умы и уничтожаетъ вѣру миллионовъ людей.

Если мы примемъ теорію Бэкона о тайной симпатіи или болѣе простой фізіологической законъ — что въ воображеніи, подчиненномъ волѣ другого лица, должны быть какія-нибудь идеи, имѣющія сродство съ этимъ вліяніемъ и готовые его принять — то, очевидно, что ни одинъ колдунъ не побудитъ насъ на зло, если наши мысли сами не направлены ко злу, и, наоборотъ, не нужно быть колдуномъ, а только злымъ

человѣкомъ, чтобы сдѣлать зло, встрѣтивъ умъ, расположенный принять его совѣтъ.

Кому же быть снисходительнымъ къ заблужденіямъ воображенія, какъ не тѣмъ философаъ, которые научаютъ насъ сомнѣваться во всемъ, кромѣ того, что можетъ быть доказано математически.

«Человѣческій умъ, сказалъ Лютеръ, — подобенъ пьяницѣ верхомъ; поддержите его съ одной стороны, онъ свалится съ другой». Такъ, человѣкъ, слишкомъ просвѣщенный, чтобы вѣрить въ то, во что вѣрить простой мужикъ, всегда кончаетъ тѣмъ, что предается какому-нибудь простому суевѣрію. Откроемъ любой біографическій лексиконъ и увидимъ, что человѣкъ, непризнающій религіи, всегда вѣритъ въ какую-нибудь бессмыслицу. Вотъ лордъ Гербертъ-де-Чербури, типъ изящныхъ скептиковъ, пишетъ книгу противъ божественнаго откровенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испрашиваетъ знаменія съ неба для удостовѣренія, что эта книга одобряется Творцемъ его; такимъ образомъ, человѣкъ, который не вѣритъ въ чудеса Спасителя, серьезно увѣряетъ насъ, что для него было сдѣлано чудо.

Потомъ возьмите умъ, самый могучій, самый трезвый, какой только произвелъ самый могучій, самый трезвый народъ изъ всѣхъ народовъ, — возьмите великаго Юлія Цезаря.

Всенародно, въ сенатѣ, онъ объявляетъ, что безсмертіе души — пустая химера. Онъ принадлежитъ къ школѣ, наслѣдованной римскими стасюлюбцами отъ Эпикюра, и отвергаетъ всякое вмѣшательство божества въ земныя дѣла. Выше этого авторитета матеріалисты не имѣютъ. Они не могутъ похвастаться другимъ послѣдователемъ своего ученія, который бы равнялся по уму Цезарю. И все же этотъ великій мыслитель, отвергающій существованіе Бога и души, входя въ колесницу, бормоталъ какое-то заклинаніе, ползалъ на колѣнкахъ по ступенямъ храма, для умиловленія отвлеченной идеи, называемой «Немезидой», и не перешелъ Рубиконъ, не посовѣтовавшись съ прорицателями. Что все это доказываетъ?

Очень простую истину. Человѣкъ имѣетъ много инстинк-

товъ, сродныхъ съ животнымъ, напр., голодъ и чувственную любовь. Но онъ имѣетъ одинъ инстинктъ, исключительно ему принадлежащій и находимый у всѣхъ народовъ—инстинктъ того, что есть невидимая сила внѣ этой земли, и есть жизнь за гробомъ, которую эта сила даруетъ душѣ человѣка.

Но люди не могутъ безнаказанно насиловать инстинкты. Сопровивляйтесь долго голоду, и, наконецъ, скорѣе, чѣмъ умереть съ голоду, вашъ инстинктъ побудитъ васъ сдѣлаться людоедомъ; сопротивляйтесь чувству плотской любви, когда природа и юность этого требуютъ, и какой медикъ не скажетъ вамъ, что вы прямо идете къ преступленію или сумасшествію?

То же самое бываетъ и съ благороднѣйшими инстинктами человѣка. Отвергните внутреннее убѣжденіе, которымъ величайшіе мыслители подтвердили надежду смиреннѣйшаго изъ христіанъ, и вы тотчасъ же отдадитесь какой-нибудь вѣрѣ, которую гораздо труднѣе принять.

Человѣку не остановить воображеніе въ его стремленіяхъ въ безграничную даль, за предѣлы тѣлесной темницы минутныхъ интересовъ.

Сама философія, отвергая здравую религію, въ силу которой человѣкъ находитъ спасительнаго путеводаителя посреди сомнѣній, — сама философія сочиняетъ системы, въ сравненіи съ которыми тайны теологіи совершенно ясны и просты.

Положимъ, что какой-нибудь человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ никогда не слыхалъ о божествѣ, подобномъ тому, которому мы, христіане, поклоняемся; спросите этого человѣка, что понятнѣе и естественнѣе: простая-ли вѣра христіанина-пастуха или пантеизмъ Спинозы?

Желаніе философски отвергнуть простѣйшую истину о божественномъ началѣ всѣхъ вещей, столь понятную для каждаго ребенка, привело, къ сожалѣнію, къ подобнымъ же гипотезамъ двухъ глубочайшихъ мыслителей нашего времени — Лапласа и Ламарка. Конечно, чѣмъ болѣе мы будемъ изучать этихъ философовъ-фантазеровъ, стремящихся ничего не оставить

цѣлаго въ мірѣ, кромѣ своихъ заблужденій, тѣмъ болѣе будетъ смиратъ наша умственная гордость.

Непонятныя явленія магнетизма и спиритизма нисколько не страннѣе тѣхъ гипотезъ, которыми дерзкій разумъ хочетъ объяснить, изъ чего и какъ составленъ нашъ организмъ и какое отношеніе существуетъ между міромъ физическимъ и міромъ идей.

Что знаемъ мы о тайнахъ природы?

Сегодня признанная наука, завтра признанное невѣжество. На каждомъ шагѣ встрѣчаются открытія, раскрывающія истины, бывшія еще вчера глубокою тайною для самыхъ свѣтлыхъ умовъ.

Что сказалъ самъ Ньютонъ о своемъ знаніи?

„Я, подобно ребенку, говоритъ онъ,—подбираю на берегу камешки и раковины, а великій океанъ истины простирается предо мною невѣдомый, неизслѣдованный“. И онъ самъ, въ эпоху полной зрѣлости своего ума, неимѣвшего себѣ равныхъ,—развѣ онъ презиралъ вѣрованія и надежды алхимиковъ?

Вѣдь посвятилъ же онъ многіе дни и ночи изслѣдованію одного изъ главныхъ предметовъ ихъ ученія — превращенію металловъ. Имѣемъ-ли мы основаніе предполагать, что онъ удостовѣрился въ томъ, что все это пустая мечта, какъ мы, далеко не Ньютонъ, осмѣливаемся утверждать?

Пусть скажетъ теперь практической мудрецъ, можетъ-ли одинъ умъ безъ силы воображенія, которое все-сильно въ премудрости невѣждъ и такъ ничтожно въ невѣжествѣ мудрецовъ, сдѣлать успѣхи въ наукѣ.

Если задумаемся во все это, то всякія озадачивающія насъ чудеса перестанутъ быть чудесами.

ГЛАВА XI.

Всякое необыкновенное чувственное впечатлѣніе можетъ быть такъ сильно, что, наконецъ, приметъ форму положительнаго факта, какъ бы подтверждаемаго различными случайными совпаденіями,—совпаденіями, встрѣчающимися на каждомъ шагу въ обыденныхъ дѣлахъ, но обращающихъ на себя вниманіе только въ поразительныхъ случаяхъ.

Человѣкъ, говоритъ Аберкромби, подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго впечатлѣнія, самъ того не чувствуя, засыпаетъ на нѣсколько секундъ; какая-нибудь сцена или лицо являются ему во снѣ и, очнувшись, онъ полагаетъ, что видѣлъ призракъ.

Большое воображеніе совершенно походитъ на кривое зеркало, возстановляющее искаженный предметъ.

Аберкромби сообщаетъ рассказъ, ярко обрисовывающій аналогію между снами и видѣніями; онъ передаетъ слова одного доктора. «Просидѣвъ однажды довольно поздно у постели одного изъ своихъ дѣтей, опасно больного, онъ задремалъ въ креслѣ и видѣлъ во снѣ огромную обезьяну. Въ испугъ онъ проснулся, всталъ и подошелъ къ столу, стоявшему среди комнаты. Онъ былъ въ эту минуту въ полномъ сознаніи и распознавалъ всѣ окружающіе предметы, но, въ концѣ комнаты, у стѣны, онъ ясно видѣлъ обезьяну, дѣлавшую тѣ же

самыя гримасы, которыя онъ только-что видѣлъ во снѣ. Призракъ этотъ не исчезаетъ съ полъ-минуты.»

Всякій, видѣвшій призракъ обезьяны, готовъ допустить, что это былъ только оптический обманъ; но спрашивается: также-ли бы легко допустилъ онъ это, еслибы ему явился призракъ кого-нибудь изъ близкихъ, родныхъ или друзей? Развѣ только очень сильный умъ объяснилъ бы послѣдній случай такъ же просто, какъ и первый.

Разъ испытанная иллюзія обыкновенно повторяется въ той же формѣ. Такъ Гете долгое время преслѣдовалъ призракъ цвѣтка, развертывающаго свои лепестки и производящаго новые цвѣты.

Одинъ изъ знаменитыхъ философовъ рассказываетъ, что онъ лично зналъ одну даму, которая видѣла своего мужа, слышала его шаги и голосъ, когда его не было дома. Случай же возвращенія однажды видѣнныхъ призраковъ безчисленны. Много подобныхъ случаевъ можно найти у Гобберта и Аберкромби, и всякій докторъ, имѣющій обширную практику, можетъ привести ихъ не одинъ.

Напряженное сосредоточеніе въ самомъ себѣ творить чудеса. Восточные кудесники считаютъ постъ, уединеніе и размышленіе необходимымъ условіемъ для развитія фантазіи. И не даромъ: потому что постъ, уединеніе и размышленіе, другими словами—мышленіе или воображеніе, напряженное и сосредоточенное, необходимо породить видѣнія и возбудить вѣру въ нихъ самого лица, ихъ вызвавшего.

Спицелло, стараясь представить себѣ образъ Люцифера для своей картины „Падшія ангелы“, не могъ избавиться отъ призрака врага рода человѣческаго, преслѣдовавшаго его всюду.

Самъ Ньютонъ видѣлъ призракъ, но ему явился призракъ солнца.

Ньютонъ писалъ Локку объ этомъ явленіи. Онъ говоритъ, что хотя смотрѣлъ на солнце только правымъ глазомъ, воображеніе производило впечатлѣніе и на лѣвый глазъ, такъ что, закрывъ правый и устремивъ лѣвый на облако, книгу,

или какой-нибудь свѣтлый предметъ, онъ видѣлъ солнце почти такъ же явственно, какъ прежде правымъ, т. е. если онъ немного напрягалъ свое воображеніе.

Даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, всякій разъ, какъ онъ принимался размышлять объ этомъ непонятномъ явленіи, свѣтлый спектръ солнца появлялся передъ его глазами, хотя бы это было ночью и онъ лежалъ бы въ постели съ задернутыми занавѣсками.

Читая подлинныя рассказы о мнимомъ вдохновеніи изступленныхъ ясенистовъ или о нескончаемыхъ явленіяхъ призраковъ въ монастыряхъ, какъ въ дѣлѣ Урбана-Грандье, о предсмертныхъ показаніяхъ колдуновъ и вѣдьмъ въ совершенно различныхъ мѣстахъ или, еще лучше, читая рассказы о «вызываніи духовъ», повторяющіеся почти въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ Америки—невольно замѣчаешь какое-то родственное сходство между суевѣріями извѣстной эпохи: что видитъ одинъ, то видитъ и другой, хотя бы между ними не было никакихъ сношеній.

Трудно объяснить, какимъ образомъ эти видѣнія принимаютъ характеръ эпидеміи, но фактъ несомнѣненъ.

Очень естественно, что нѣкоторые явленія пока еще не имѣютъ объясненій. Быть можетъ самъ Ньютонъ не могъ вполне объяснить себѣ, отчего средн ночи преслѣдовалъ его призракъ солнца, хотя, безъ сомнѣнія, какой-нибудь позднѣйшій мыслитель, заинтересованный рассказомъ Ньютона, и придумалъ какое-нибудь разумное объясненіе этой загадки *).

Кстати приведемъ здѣсь рассказъ одного молодого англичанина о видѣніяхъ, которымъ онъ подвергался въ своемъ дѣтствѣ.

«Я былъ ребенокъ впечатлительный и мечтательный, съ душой, преисполненной какихъ-то смутныхъ, тоскливыхъ порывовъ. Одаренный нѣжной и чуткой до чрезвычайности нерв-

*) До сихъ поръ книги, трактовавшія о подобныхъ предметахъ, составлялись на основаніи французскихъ и латинскихъ авторовъ, мы-же пользовались преимущественно англійскими источниками.

ной организаціей, я былъ вѣчно окруженъ какими-то видѣніями, до того ясными и отчетливыми, что мнѣ часто бывало трудно отличить дѣйствительные предметы отъ этихъ мелькающихъ фигуръ, во всемъ похожихъ на дѣйствительность, за исключеніемъ того, что онѣ исчезали отъ прикосновенія.

Въ особенности ночью, когда выносили изъ моей комнаты свѣчу, вся окружающая меня атмосфера наполнялась трепещущими, колеблющимися лицами и фигурами, безпрестанно мѣнявшимися и другъ друга оттѣснявшими. Эти призраки не только не смущали меня, но приводили въ какой-то мечтательный восторгъ. Изъ всѣхъ видѣній, мнѣ памятливе всего одна сцена или пантомима, въ которой главнымъ лицомъ являлся сѣдой старикъ, игравшій на скрипкѣ. Съ нимъ всегда была высокая, величественная женщина, въ какомъ-то странномъ костюмѣ, въ которомъ больше всего поражала меня высокая мѣховая шапка. Онъ игралъ, а женщина плавно двигалась въ тактъ подъ музыку. Кромѣ того представлялась мнѣ довольно часто женская фигура, въ бѣлой одеждѣ, съ широкимъ золотымъ поясомъ, съ длинными черными волосами, которые она, подходя ко мнѣ, постоянно приглаживала на лбу обѣими руками, тихимъ, правильнымъ движеніемъ. Подойдя ко мнѣ, не далѣе извѣстнаго разстоянія, она всегда поворачивалась спиной и быстро исчезала. Мать моя нерѣдко удивлялась, когда, нѣсколько часовъ послѣ того, какъ она меня уложила, находила меня лежащимъ совершенно смирно съ открытыми, нисколько не сонными глазами. Когда я пытался разсказать ей, что я видѣлъ, она сейчасъ же прерывала меня говоря: пустяки дитя мое, въ комнатѣ никого не было. Переѣздъ на новую квартиру произвелъ также перемѣну и въ моемъ таинственномъ мірѣ: старый скрипачъ съ женщиной хотя и являлись по обыкновенію, но казались недовольными новой мѣстностью, осматривали ее въ какомъ-то недоумѣніи, наконецъ, я ясно слышалъ, какъ женщина сказала: намъ здѣсь нельзя оставаться, и они немедленно прошли съвозъ стѣну. Я видѣлъ также ясно, какъ они направились къ дровяному складу, нерѣшительно оглянувшись на меня, наво-

нець взошли на дрова, и тамъ исчезли. Ихъ замѣнили другой призракъ, оказавшійся болѣе постояннымъ. Это былъ мальчикъ моихъ лѣтъ; онъ приходилъ довольно часто, ласково смотрѣлъ на меня, и у меня были съ нимъ особаго рода разговоры, безъ словъ, какимъ-то способомъ, казавшимся мнѣ несравненно болѣе совершеннымъ человѣческой рѣчи. Я обращался къ нему мыслью, и въ отвѣтъ получалъ такіа же безмолвныя заявленія сочувствія и дружбы. Вѣроятно, вслѣдствіе моей крайней нервозности, я относился также своеобразно и къ окружающимъ меня людямъ. Для меня каждый челоѣкъ былъ окруженъ особой, почти-что осязательной атмосферой, или какой-то эманацией. Къ нѣкоторымъ я питалъ сильнѣйшее инстинктивное отвращеніе, такъ что самое присутствіе ихъ причиняло мнѣ непріятное ощущеніе, доходившее почти до физической боли; къ другимъ, напротивъ, я чувствовалъ сильное влеченіе, и присутствіе ихъ около меня наполняло меня пріятнымъ ощущеніемъ, о которомъ я не могъ дать себѣ яснаго отчета».

Если мы встрѣчаемъ новые факты, для разрѣшенія которыхъ фізіологіи не достаетъ данныхъ, то должны держаться твердо простаго, но глубокомысленнаго изрѣченія Гете, что „непонятныя явленія еще не чудеса“.

Если же всѣ знанія, прибрѣтенныя фізіологіей и другими науками, не дають пока удовлетворительнаго отвѣта, тогда намъ остаются только нѣкоторые предположенія, уже болѣе или менѣе высказанныя нами, которыя, сознавая безсиліе знанія, необходимо допускають чудесное, потому-что, точно такъ же какъ тамъ, гдѣ знаніе вступаетъ въ свои права, чудесное не можетъ существовать, такъ и тамъ, гдѣ знаніе безсильно — чудесное выступаетъ впередъ.

Въ жизни челоѣка часто бывають поразительные случаи, которые своимъ противорѣчіемъ обыденнымъ явленіямъ заслуживають отчасти названіе сверхъ-естественныхъ. Вѣроятно, многіе хоть однажды въ жизни испытали что-нибудь странное и удивительное, противорѣчащее здравому смыслу и даже порождающее суетѣріе. То могло быть случайно сбывшееся

сновидѣніе, неопредѣленное предчувствіе, — но, начинаясь этихъ мелкихъ проявленій чудеснаго и до страшныхъ призраковъ и видѣній, сверхъ-естественное не премѣнно извѣстно каждому человѣку, къ какому бы образованному классу или вѣку онъ ни принадлежалъ — или по собственному опыту, или по разсказу друга, вполне достойнаго вѣры во всѣхъ обыденныхъ случаяхъ жизни.

Такія чудеса чаще случаются, чѣмъ мы предполагаемъ. Ихъ часто разсказываютъ въ шутку и принимаютъ съ усмѣшкой, ибо немногіе сознаются въ томъ, что сами видали видѣніе, или повѣряютъ тому, что противно здравому смыслу, по ихъ понятіямъ. Пусть тотъ, кому попадутся эти слова, потревожитъ свою память и, можетъ быть, въ какомъ-нибудь удаленномъ уголкѣ его мозга отыщется подтвержденіе ихъ.

Подъ гнетомъ ежедневной жизни, если какой-нибудь чрезвычайный случай озадачиваетъ или беспокоитъ насъ, мы спѣшимъ предать его забвенію; чѣмъ непонятнѣе, чѣмъ удивительнѣе явленіе, которое насъ поразило, тѣмъ настойчивѣе нашъ умъ старается освободиться отъ загадки, противорѣчащей здравому смыслу. Съ усиленнымъ рвеніемъ предаемся мы ежедневнымъ занятіямъ; мы чувствуемъ необходимость доказать самимъ себѣ, что мы все еще здравомыслящіе люди, чтобы не отчуждаться отъ знакомаго намъ міра, мы отказываемся отъ міровъ, которые лишь изрѣдка проглядываютъ изъ таинственнаго тумана, и удивительно, какъ мы, не забывая ихъ, стараемся скорѣе удалить, выбросить такіе случаи изъ своей памяти, подобно тому, какъ мы, по выздоровленіи, бросаемъ костыли, напоминающіе намъ о сломанной ногѣ.

Въ умахъ нашихъ современниковъ особенно развито чувство *причинности*. Люди не наслаждаются теперь чудеснымъ съ прежнимъ дѣтскимъ простодушіемъ. Они воскликнутъ: „какъ удивительно!“ и вслѣдъ за этимъ спросятъ: „но чѣмъ вы это объясните?“ Мы вовсе не намѣрены осуждать повсемѣстнаго нынѣ стремленія въ научной основательности; напротивъ, во всякомъ случаѣ похвальнѣе дѣлать дѣло на основаніи признанныхъ, доказанныхъ законовъ природы, чѣмъ

просто слѣдовать давнему обычаю. Но гдѣ законы еще не найдены и не доказаны, тамъ, конечно, лучше слѣдовать *указанію, опыта* пока не придетъ время объяснить, почему слѣдуетъ дѣйствовать такъ, а не иначе...

Итакъ, что-же надо думать о животномъ магнетизмѣ, mesmerismѣ, искусственномъ сомнамбулизмѣ, экстазѣ, спиритизмѣ и пр.?

Во-первыхъ, мы не назовемъ ихъ сверхъ-естественными явлениями, потому что онѣ неизмѣнно повторяются при всѣхъ одинаковыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ; не назовемъ ихъ и необъяснимыми, потому что значительная часть ихъ уже объясняется, хотя и неизвѣстными еще свойствами нашихъ нервовъ, но все-таки мы должны признать ихъ мало объясненными, загадочными и странными.

Все это будетъ легко и понятно, когда фізіологія и патологія вполнѣ изучать нервы, въ ихъ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи, особенно въ этомъ послѣднемъ, а также—вліяніе электричества и другихъ дѣятелей на нервы.

Подобныя явленія едва-ли выйдутъ изъ области таинственнаго, пока не будутъ изучены до такой степени ясности, что каждый самъ будетъ въ состояніи производить всѣ описываемые опыты.

Люди науки объясняютъ до сихъ поръ эти явленія экстазомъ, столбнякомъ, катаlepsіей, epilepsіей и другими разнообразными нервными состояніями, но не есть-ли это замѣна однихъ названій другими, въ сущности ничего необъясняющими? Вотъ еслибы мы знали сущность экстаза или даже epileptического состоянія, тогда другое дѣло, а пока называемъ-ли мы явленіе магнетизмомъ, спиритизмомъ или экстазомъ—не все-ли равно?

Мы уже высказали выше мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, что умъ есть сила, независимая отъ души. Принимая, что идеи суть продукты ощущеній, раздѣляемъ-ли мы теорію Локка или Кандильяка или Юма, все же какъ-то трудно понять и усвоить себѣ, что въ вещественномъ тѣлѣ заключается невещественный духъ; еще труднѣе прослѣдить исчезновеніе

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

его изъ организма, въ которомъ умственное начало уничтожается въ одно время съ началомъ жизни.

Метафизикъ, который доказываетъ безсмертіе разума, понимаетъ подъ этимъ не только разумъ человѣка, но и животнаго.

Возьмемъ опредѣленіе ума, которое дѣлаетъ Ридъ.

«Человѣческій разумъ—говоритъ Ридъ—есть способность думать, вспоминать, обсуживать и желать». Но такого рода опредѣленіе отличаетъ разумъ человѣка отъ разума животнаго только степенью совершенства, а не какими-нибудь исключительными качествами. Животное, даже низшаго разряда, думаетъ, помнитъ, разсуждаетъ и желаетъ. Мало натуралистовъ станетъ теперь поддерживать теорію, что всѣми умственными способностями животныя обязаны одному инстинкту; и даже еслибъ нашлись люди, которые раздѣляли бы старинное мнѣніе, то слово инстинктъ очень неопредѣленное, гибкое слово. И дѣйствительно, чѣмъ болѣе животное, напрѣ собака, воспитывается, тѣмъ инстинктъ его становится слабѣе, и идеи, пріобрѣтенныя опытомъ, т. е. *разумъ*, расширяются до того, что совершенно покоряютъ себѣ инстинктъ. Поэтому и докторъ Аберкромби говоритъ: признавать, что умственное начало прекращается послѣ смерти, тогда какъ мы знаемъ, что физическое начало, хотя и въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, продолжаетъ существовать,—есть произвольное предположеніе, противное всѣмъ правиламъ здоровой логики, и потому онъ замѣчаетъ, что мы должны вѣрить въ существованіе будущей жизни, даже у самыхъ незначительныхъ животныхъ. Далѣе онъ говоритъ, что если мы признаемъ, что душа человѣка невещественна и безсмертна, то то же должны сказать и о душѣ пчелы или муравья.

Посмотримъ и разберемъ, такъ-ли это?

У Декарта была переписка объ этомъ предметѣ съ Генрихомъ Моромъ. Моръ ясно опровергаетъ доводы Декарта, желавшаго унижить душу животныхъ и поставить ее въ уровень съ автоматами. Столько знанія, потраченнаго на разъясненіе неразрѣшимаго вопроса о душѣ животныхъ, только свидѣтель-

ствуешь о неутомимой пытливости ума человеческого. Существует даже цѣлая литература, старающаяся объяснить языкъ животныхъ.

Между тѣмъ разница между человѣкомъ и животнымъ должна бы быть ясна для каждаго: одинъ одаренъ безсмертною душою, другое только разумомъ, покидающимъ человѣка вмѣстѣ съ жизнью. Метафизики могутъ сколько угодно спорить о томъ, врожденны-ли идеи или нѣтъ; это вовсе не касается вопроса о духовномъ началѣ человѣка. Не все-ли равно, какъ бы ни образовались идеи; главное дѣло, какъ образуется способность *воспринимать идеи*. Положимъ, что идеи—результатъ опыта, но способность воспринимать эти идеи—врожденная. Всѣ органическія существа созданы со способностями воспринимать впечатлѣнія—какъ бы ихъ не называть, идеями или ощущеніями,—свойственныя ихъ сферѣ и назначенію. Изъ всѣхъ животныхъ одинъ человѣкъ имѣетъ способность воспринимать идеи о Богѣ, о поклоненіи Ему, о душѣ, о жизни вѣчной. Мы не видимъ никакихъ признаковъ этой способности въ низшихъ породахъ животныхъ. А по аналогіи со всѣми извѣстными законами природы, мы должны заключить, что если одному роду существъ дарованы способности, отличающія его отъ всѣхъ другихъ, то эти способности, конечно, даны Провидѣніемъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей этихъ существъ.

Ни мало не опровергаетъ этихъ положеній то, что способность человѣка познавать верховное начало недостаточна для того, чтобы онъ могъ составить себѣ правильное понятіе о божествѣ и будущей жизни. Человѣкъ, своими успліями и провидательностью, долженъ постепенно совершенствовать свои понятія. Прежде, чѣмъ воздвигнуть Пареенонъ, онъ долженъ былъ выстроить шалашъ; онъ сначала раздѣляетъ предразсудки дикаря и язычника, и только современемъ дѣлается философомъ или христіаниномъ. Однимъ словомъ, человѣкъ рожденъ несовершеннымъ, но ему дана возможность достигнуть совершенства. И потому Гамильтонъ въ своихъ лекціяхъ говоритъ: „Науки, несовершенно изслѣдованныя и

находящіеся въ состояніи развитія, изучаются съ большею жадностью; совершенная ясность и опредѣленность въ наукѣ уничтожили бы всякое стремленіе къ занятію ею, и самымъ большимъ несчастіемъ для человѣка было бы *полное обладаніе* истиной, къ которой онъ стремится.“

Вотъ въ этой способности воспринимать идеи, несвойственныя животнымъ, мы и можемъ видѣть доказательство присутствія въ человѣкѣ души.

Низшіе разряды животныхъ не имѣютъ способности познавать своего Творца и поклоняться Ему, потому что еслибъ даже и имъ предопредѣлена была загробная жизнь, то они, воскреснувъ, не имѣли бы самосознанія.

Симпатія, которую мы питаемъ другъ къ другу и которую обыкновенно называютъ человѣколюбіемъ, неизвѣстна животнымъ, даже живущимъ обществами, какъ бобры, пчелы, муравьи, ибо только людямъ предназначено встрѣтиться, знать и любить другъ друга въ будущей жизни; отношенія же между животными прекращаются со смертію.

Чѣмъ болѣе мы разсматриваемъ способности, исключительно врожденныя человѣку, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что онѣ отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ созданій возможностью постигать предметы, находящіеся внѣ міра сего. „Одинъ человѣкъ—говоритъ Мюллеръ—можетъ мыслить объ отвлеченныхъ предметахъ“. А на отвлеченныхъ понятіяхъ, каковы время, пространство, духъ, матерія, свѣтъ, форма, количество и сущность, основываются не только всѣ философскія системы, всѣ науки, но и самый прогрессъ человѣческихъ обществъ. Почему это? Потому, что отвлеченныя идеи увлекаютъ разумъ человѣка отъ всего матеріальнаго къ духовному. отъ настоящаго къ будущему.

Но еслибъ существованіе человѣка оканчивалось могилою то должно было бы признать, что онъ—единственное существо въ мірѣ, котораго природа или Провидѣніе обманываетъ, давъ ему бесплодныя способности. Справедливо говоритъ Чалмерсъ: какой выводъ должны мы вывести изъ верховнаго закона природы, что въ ней нѣтъ ничего пустого или бесполезнаго въ

способностяхъ, которыми одарены живыя существа? Каждое стремленіе удовлетворяется; каждая способность находить себѣ примѣненіе въ настоящемъ или въ будущемъ мірѣ. Человѣкъ же, еслибъ не имѣлъ надежды на будущую жизнь, противорѣчилъ бы своимъ существованіемъ этому закону: онъ былъ бы одаренъ стремленіями, которыхъ не могъ бы удовлетворить.

Многіе послѣдователи философскихъ школъ говорятъ, что молитва происходитъ отъ невѣдѣнія человекомъ явленій природы, и что страхъ или невѣжество научили, когда громъ гремитъ или дрожитъ земля отъ землетрясенія, слабыхъ людей повергаться въ прахъ, а сильныхъ молиться. На это можно замѣтить, что естественныя явленія гораздо сильнѣе поражаютъ животныхъ, чѣмъ человѣка: птица или звѣрь гораздо ранѣе, чѣмъ мы, предчувствуютъ, когда громъ загремитъ или задрожитъ земля, и все же ихъ инстинктъ учить ихъ искать себѣ убѣжища, а не учить ихъ молиться.

Если справедлива теорія, что очевидности присутствія души въ человѣкѣ не слѣдуетъ искать въ идеяхъ—все равно, врождены-ли онѣ или приобрѣтены опытомъ—но въ способности *воспринимать* эти идеи, то способность, дарованная одному человѣку,—видѣть въ явленіяхъ природы проявленіе силы, стоящей выше ея, съ которой онъ можетъ имѣть единеніе,—есть лучшее доказательство, что Творецъ одному человѣку открылъ свое бытіе черезъ природу, и что съ однимъ человекомъ божество вступаетъ въ единеніе—но только путемъ молитвы.

Не былъ-ли бы безуменъ медикъ, еслибъ, найдя въ человеческомъ организмѣ какую-нибудь способность, столь общую, что долженъ полагать ее присущею здоровому его состоянію, сталъ бы увѣрять, что природа повелѣла оставить ее въ бездѣйствіи? Разсуждая по аналогіи, не долженъ-ли онъ сказать, что постоянное бездѣйствіе этой способности должно болѣе или менѣе вредить всему организму?

Мы нѣсколько разъ упоминали объ инстинктѣ и даже называли это выраженіе слишкомъ гибкимъ и неопредѣленнымъ.

Инстинктъ бываетъ и у человѣка: этимъ именемъ можно назвать тѣ безотчетныя дѣйствія и чувства, которыя мы ни объяснить, ни понять не можемъ.

Мало-ли бываетъ дѣйствій, невольныхъ и совершенно необъяснимыхъ. Вотъ, напр., когда мы отворяемъ ротъ и произносимъ фразу—мы еще не знаемъ, что скажемъ послѣ нея; когда мы приводимъ въ движеніе мускулъ, имѣемъ-ли мы понятіе о томъ, что заставляетъ насъ такъ дѣйствовать? И, такимъ образомъ, не будучи въ состояніи объяснить простую связь, существующую между желаніемъ и дѣйствіемъ, мы хотимъ разрѣшить всѣ загадки, заключающіяся въ душѣ и мысляхъ человѣка! Развѣ не правда, что капля воды или вещественный атомъ не дотрогиваются другъ до друга? Между ними всегда есть пустое пространство, какъ бы оно ни было мало. Какъ же бы могъ существовать міръ, еслибъ всякій человѣкъ, прежде чѣмъ вступить въ какія-нибудь сношенія съ другимъ, хотѣлъ бы узнать всѣ сокровеннѣйшія тайны его существованія.

Что же касается власти и искусства, которыми одарены отъ природы нѣкоторыя исключительныя натуры, и которыя мы не рѣшаемся ни признавать, ни отрицать, то онѣ происходятъ отъ качествъ, скрытыхъ въ этихъ организаціяхъ. Эти качества, въ большей или меньшей степени, заключаются во всякомъ человѣкѣ и проявляются иногда помимо его воли и желанія — безотчетно, инстинктивно. Такъ, напримѣръ, одинъ инженеръ могъ прямо написать, чему равняется корень какой угодно степени, изъ числа написаннаго во всю школьную доску, но какъ онъ дѣлалъ то, чего другіе и лучшіе ученики достигали долгимъ рѣшеніемъ трудной задачи посредствомъ логарифмовъ—онъ самъ объяснить не могъ; онъ говорилъ, что это для него такъ же ясно, какъ дважды-два—четыре. Этотъ инженеръ, такъ сказать, инстинктивно рѣшалъ эти трудныя задачи и, мало того, когда его окончательный выводъ не сходился съ тѣмъ, который былъ найденъ посредствомъ долгихъ и сложныхъ вычисленій, онъ оспаривалъ вѣрность своего вывода, ошибку же приписывалъ другимъ—и за-

мѣчательно то, что всегда оказывался правымъ. Къ сожалѣнію, этотъ инженеръ не былъ замѣчателенъ ни чѣмъ, кромѣ своихъ необыкновенныхъ вычисленій.

Тутъ мы находимъ опять то же начало чудеснаго, которое вывело науку изъ бездѣйственнаго невѣжества въ дѣятельному знанію и которое, обращаясь снова въ область неизвѣстнаго, парализируетъ наши знанія и возвращаетъ всю силу чудесному.

Говоря объ умѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ души, мы подозрѣваемъ, что нѣкоторые не въ состояніи представить себѣ, что такое душа, и отдѣлить ее отъ ума.

Между тѣмъ ударъ по головѣ можетъ уничтожить разсудокъ,—неужели же онъ уничтожитъ и душу? Способности Ньютона такъ притупились въ старости, что его собственныя теоремы стали ему непонятны. Можемъ-ли мы представить, что и душа Ньютона притупилась, износилась, вмѣстѣ съ его разсудкомъ? Если мы не отличимъ души отъ разсудка, то и не можемъ объяснить себѣ, что душа нетлѣнна и безсмертна.

До сихъ поръ признано, что почти всякое тѣло въ природѣ способно принимать тройкое состояніе: твердое, жидкое и газообразное, смотря по количеству скрытаго въ немъ тепла. Тотъ же предметъ въ одну минуту можетъ быть твердымъ въ слѣдующую—жидкимъ, наконецъ—газообразнымъ. Вода, что течетъ передъ нашими взорами, можетъ вдругъ остановиться въ видѣ льда или подняться на воздухъ въ видѣ пара. Такъ и въ человѣкѣ три состоянія—животное, умственное и душевное, и, смотря по тому, какъ онъ приводится въ соприкосновеніе съ тайнымъ дѣятелемъ всего міра, — *тепломъ*, необъяснимымъ хорошо ни одной наукой, невѣсомымъ и невидимымъ—одно изъ этихъ трехъ состояній беретъ перевѣсъ.

Одинъ изъ оригинальныхъ мыслителей, Мэнъ-де-Биранъ, напиваетъ свое поприще, какъ философъ, съ слѣпою вѣрой въ Кондильяка и матеріализмъ.

По мѣрѣ того, какъ разумъ его, стремящійся къ познанію истины, расширяется посреди разрѣшаемыхъ загадокъ, онъ

открываетъ явленія, необъяснимыя чувственной теоріей Кондильяка.

Къ первой, животной жизни человѣка, съ ея ощущеніями и органическими отправлениями, управляемыми закономъ необходимости, онъ принужденъ прибавить еще вторую, или человѣческую жизнь, съ присущими ей: свободою волею и сознательною совѣстью. Такимъ образомъ онъ доходитъ до единенія матеріи и разума, но все еще чего-то недостаетъ,—недостаетъ ключа къ объясненію тѣхъ чудесъ, которыхъ не можетъ объяснить ни то, ни другое жизненное начало. И вотъ, наконецъ, великій мыслитель самъ собою доходитъ до третьей жизни человѣка—до жизни души.

„Въ человѣкѣ существуетъ—говоритъ Мэнъ-де-Биранъ въ концѣ своего сочиненія—не два противоположныя начала, но три. Въ немъ заключаются три жизни, три рода различныхъ способностей. Хотя всѣ онѣ должны быть въ согласіи и гармоніи между собою, однако надъ сознательными и дѣятельными способностями, составляющими человѣка, находится третья жизнь, которая даетъ почувствовать, что есть другое счастье, другой разумъ, другое совершенство, неизмѣримо выше счастья, разума, умственного и нравственного совершенства, достигаемыхъ человѣкомъ на землѣ“. (*Oeuvres inedites de Maine-de-Biran. Vol. 3, p. 546*).

ГЛАВА XII.

Природа дѣйствуетъ по простымъ и неизмѣннымъ законамъ, которые въ каждой отрасли естествознанія должны быть одни и тѣ же. Физика не можетъ имѣть законовъ, отличныхъ отъ законовъ химіи, химія не можетъ имѣть иныхъ противъ фізіологіи, явленія магнетизма и спиритизма особыхъ отъ фізіологіи.

Если явленія животнаго магнетизма и спиритизма находятся въ противорѣчій съ законами физики и фізіологіи, то мы обязаны изслѣдовать, точно-ли это противорѣчіе дѣйствительное или только кажущееся. Если оно дѣйствительное, то или фізіологи на ложномъ пути, или магнетизеры и спириты до-вѣрились призраку. Если же противорѣчіе только мнимое, происшедшее отъ ложнаго или неполнаго пониманія явленій природы, то, конечно, найдется и средство разрѣшить это мнимое противорѣчіе.

Не такъ давно извѣстный англійскій естествоиспытатель, сэръ-Гемфри-Деві, занимался изслѣдованіемъ электролизую-щаго свойства гальванической батареи. Тогда только-что было сдѣлано открытіе, что вода, посредствомъ гальваническаго то-ка, можетъ быть разложена на свои элементы: кислородъ и водородъ. Всего болѣе при этомъ разложеніи изумляло то об-стоятельство, что одинъ элементъ разложеной воды — кисло-

родъ, собирався у одного полюса, а другой—водородъ, у другого, между тѣмъ какъ въ водѣ невозможно было замѣтить никакого теченія этихъ газовъ между обоими полюсами. Это необъяснимое обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что въ продолженіи нѣкотораго времени думали, будто бы вода у положительнаго полюса вся превращается въ кислородъ, а у отрицательнаго—вся въ водородъ.

Девн, обративъ вниманіе на это явленіе, догадался испытать, можетъ-ли быть произведено разложеніе воды въ двухъ отдѣльныхъ сосудахъ, соединенныхъ однимъ кондукторомъ, при опущеніи положительнаго полюса гальванической батареи въ одинъ стаканъ, а отрицательнаго въ другой. Опытъ сдѣланъ, и разложенія не послѣдовало. Но, когда Девн опустил одинъ конецъ правой руки въ одинъ стаканъ, а палецъ лѣвой въ другой, то въ обоихъ сосудахъ немедленно началось разложеніе воды. Потомъ онъ повторилъ этотъ опытъ, соединивъ стаканы цѣпью изъ трехъ особъ, и результатъ былъ также успѣшенъ.

Обстоятельство, что при разложеніи воды незамѣтно теченія обоихъ выдѣленныхъ газовъ, Гроттисъ объяснялъ тѣмъ, что атомъ водорода, освободившійся у положительнаго полюса, не переходитъ прямо къ отрицательному, а разлагаетъ ближайшій къ нему атомъ воды, вступаетъ въ соединеніе съ его кислородомъ, между тѣмъ какъ освободившійся при этомъ процессѣ новый атомъ водорода совершаетъ то же самое съ другимъ атомомъ воды и т. д., пока не послѣдуетъ окончательное разложеніе у отрицательнаго полюса.

Гипотезу эту, пожалуй, можно бы принять, еслибъ дѣло шло только объ объясненіи отсутствія теченія газовъ въ одномъ стаканѣ. Но потребна чрезвычайная фантазія, чтобы предположить, что такой процессъ послѣдовательнаго разложенія и соединенія могъ совершаться черезъ цѣпь, составленную изъ трехъ человѣкъ, какъ въ опытѣ Девн. Еще невѣроятнѣе становится гроттисова гипотеза при соображеніи, что Девн (въ другомъ опытѣ) успѣлъ, помощью гальванической батареи, перевести химическія тѣла отъ одного полюса къ другому, че-

резъ нѣсколько стакановъ и при томъ черезъ жидкости, которыя по химическому своему составу были совершенно отличны отъ переводимыхъ тѣлъ.

Такъ какъ объясненія Фареде и Пулье тоже оказались не-удовлетворительными, то да позволено намъ будетъ замѣнить ихъ другою гипотезою.

Нельзя-ли предположить, что при упомянутыхъ опытахъ кислородъ и водородъ разложенной воды, какъ и основанія и кислоты разложенныхъ солей, дѣйствительно переходятъ изъ одного сосуда въ другой, но только не въ жидкомъ или газообразномъ видѣ, а въ состояніи, подобномъ электрическому, которое мы назовемъ *динамическимъ*.

Гипотеза эта не мало не противорѣчитъ принятымъ положеніямъ физики *). Поддержкою ей можетъ служить, напр., огонь. Что такое огонь?—Газъ, разогрѣтый до бѣлокаленія.

Химія учить насъ, что, при горѣніи, углеродъ и водородъ, вступая въ соединеніе съ кислородомъ воздуха, образуютъ угольную кислоту и воду, но оставляетъ въ совершенномъ невѣденіи, откуда происходятъ явленія свѣта и теплоты.

На основаніи же нашей гипотезы, мы можемъ принять, что теплота и свѣтъ происходятъ отъ поименованныхъ тѣлъ.

Мы знаемъ, что чистый водородъ, сгарая съ кислородомъ воздуха и образуя воду, производитъ самый сильный жаръ, какой только можетъ быть произведенъ. Извѣстно также, что этотъ процессъ почти или вовсе не сопровождается никакимъ явленіемъ свѣта. Для произведенія свѣта намъ нужны углеводородныя соединенія.

На этомъ основаніи очень легко принять, что отъ углерода въ *динамическомъ* состояніи происходитъ свѣтъ, отъ водорода въ томъ же состояніи — тепло.

Открытый Шенбейномъ озонъ—электричествомъ измѣнен-

*) Новѣйшіе физики, правда, уже уклоняются и осторожно обходятъ прямое названіе «невѣсомыя тѣла», и Миллеръ, напр., находитъ вѣроятнымъ, что онѣ со временемъ исчезнутъ изъ всей науки; однакожъ, нужно замѣтить, что въ ученіи о свѣтѣ еще остается „невѣсомый эфиръ“. Гипотеза эта взята изъ сочиненія Курта-Предча.

ний кислородъ, — повидимому, показываетъ, что въ положительномъ электричествѣ мы имѣемъ передъ собою ни что иное, какъ кислородъ въ динамическомъ состояніи, а недавно открытый однимъ мюнхенскимъ врачомъ *iodosmon*, развивающійся на подушкахъ электрической машины, и, говорятъ, подобный азоту, можетъ быть представляетъ динамическій азотъ.

Способъ возбужденія гальваническаго тока можетъ служить намъ указаніемъ при изслѣдованіи вопроса — что заключается въ этомъ токѣ?

Какъ въ горѣніи совершается разложеніе горящаго тѣла на его элементы, и какъ эти элементы — углеродъ и водородъ — подають поводъ къ явленіямъ свѣта и тепла, такъ гальанизмъ разлагаетъ воду на ея элементы — кислородъ и водородъ, можетъ быть, потому именно, что самъ состоитъ изъ кислорода и водорода въ динамическомъ состояніи.

Не менѣе вѣроятно также, что углеродъ, водородъ, азотъ и кислородъ, изъ которыхъ преимущественно состоятъ всѣ органическія тѣла, суть именно четыре начальныя стихіи древнихъ, и что они-то, въ динамическомъ состояніи, суть настоящіе начальныя дѣятели, начальныя силы (*urkräfte*).

Но разсмотримъ еще магнитность. Если обернуть кусокъ желѣза мѣдною проволокой перпендикулярно къ его оси и провести черезъ него гальваническій токъ, то желѣзо намагнитится, т. е. въ желѣзѣ установится магнитный токъ, перпендикулярный къ гальваническому току въ проволокѣ.

Стало бытъ магнитный токъ перпендикулярно прорѣзываетъ токъ гальваническій. Если же, какъ выше было предположено, гальваническій токъ состоитъ изъ элементовъ воды — водорода и кислорода — то можно безъ большого риска принять, что магнитный токъ состоитъ изъ остальныхъ двухъ элементовъ — углерода и азота. Такимъ образомъ, электричество состояло бы изъ кислорода и азота; гальанизмъ изъ кислорода и водорода, а магнитность изъ углерода и азота — вонечно, всѣ въ динамическомъ состояніи.

А такъ какъ въ природѣ, кромѣ простыхъ, элементарныхъ тѣлъ, есть тѣла сложныя, по свойствамъ своимъ отъ простыхъ

отличныя, то и дѣйствія или силы, обнаруживаемыя этими сложными тѣлами въ динамическомъ состояніи, должны быть столько же различны.

Слѣдовательно въ природѣ должно быть столько же различныхъ динамическихъ дѣятелей или силъ, сколько есть простыхъ и сложныхъ тѣлъ.

Выше мы замѣтили, что почти всякое тѣло въ природѣ можетъ принимать тройное состояніе: твердое, жидкое и газообразное.

Принявъ только что изложенную гипотезу *), это физическое раздѣленіе тѣлъ покажется намъ неполнымъ и мы можемъ основательно прибавить еще четвертое состояніе тѣлъ—динамическое. Основываясь на этой же гипотезѣ, мы идемъ дальше и рѣшаемся предположить, что и тѣло человека можетъ имѣть не три состоянія, какъ предполагалъ философъ Мэнъ де-Биронъ, а четыре,—т. е. прибавляемъ къ нему еще состояніе динамическое.

Все это опять напоминаетъ намъ идею древнихъ, выраженную и въ кабалистическомъ ученіи, именно то, что идея тройственна, а форма вещества четверная; и отъ сліянія этихъ двухъ чиселъ—3 и 4—произошло кабалистическое число 7, выражающее типы творенія.

Итакъ, мы видимъ, что эти идеи древнихъ имѣли нѣкоторое основаніе, и нѣкоторое, хотя отдаленное сходство съ предполагаемой гипотезой о динамическомъ состояніи тѣлъ.

Нѣтъ явленія безъ движенія; нѣтъ движенія безъ силъ, говорить наука.

Силы же выражаются въ центростремительномъ и въ центробѣжномъ состояніяхъ.

Нѣтъ тѣла безъ электричества. Разнородныя электричества (какъ принято ихъ называть) взаимно притягиваются, а однородны отталкиваются.

Если положеніе науки: „нѣтъ явленія безъ движенія“ — истинно, то, при объясненіи всякаго явленія, должно предвари-

*) Естествознаніе Курта-Претча.

тельно опредѣлить его движеніе, а потомъ уже приступить къ опредѣленію физическихъ и химическихъ свойствъ.

Второе положеніе говоритъ: „нѣтъ тѣла безъ электричества“; слѣд., электричество есть какъ бы всеобщій дѣйтель или сила. А такъ какъ электричество извѣстно намъ только въ видѣ явленій, то оно должно быть изслѣдовано на основаніи механики.

Есть два рода движенія: центробѣжное и центростремительное, а потому должно бы заключить, что если электричество проявляется свободнымъ только въ моментъ движенія, и являетъ, согласно физикѣ, два качества, т. е. положительность и отрицательность, то каждое изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ быть выраженіемъ одного и того же движенія.

И въ самомъ дѣлѣ мы знаемъ, что если полюсы электрической машины заострены, то мы не получаемъ искры, ибо воздухъ, не представляя болѣе электричеству упора, не препятствуетъ ему истекать помѣру его проявленія. Но извѣстно, также, что если натирать машину съ заостренными полюсами въ темной комнатѣ, то возбужденное электричество выражается длинною струей со стороны положительнаго полюса и огненнымъ шаромъ или звѣздочкою со стороны отрицательнаго.

Такая разнородность формы выраженія явленія электричества на обоихъ полюсахъ показываетъ намъ, что огненная струя служитъ выраженіемъ преобладанія центробѣжности электричества; огненный же шаръ—выраженіемъ преобладанія его центростремительности.

Нераспространяясь въ дальнѣйшихъ доказательствахъ противоположности движеній двухъ электричествъ, положительнаго и отрицательнаго, легко приходимъ къ тому заключенію, что если нѣтъ тѣла безъ двухъ электричествъ или безъ двухъ электрическихъ токовъ, то нѣтъ также тѣла безъ силъ въ двухъ противоположныхъ движеніяхъ.

Подтвердимъ такое заключеніе фактами явленій природы.

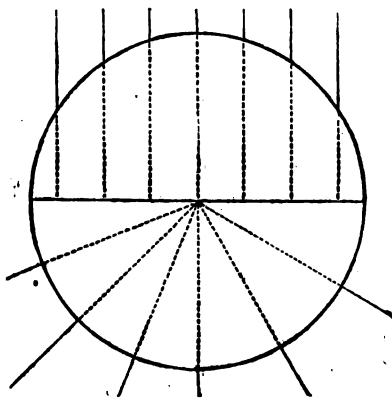
Если такое заключеніе справедливо, то солнце, земля и всѣ вообще тѣла, содержа въ себѣ электричество, должны въ то же время и выразить два противоположныя, самостоятельныя движенія. И въ самомъ дѣлѣ, солнце, напримѣръ, притяги-

даетъ къ себѣ всѣ планеты, чѣмъ доказывается центростремительный токъ его силы, и въ то же время отраженіемъ луча доказывается самостоятельность центробѣжной его силы, т. е. силы изъ него исходящей, ибо не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что отраженіе есть слѣдствіе сопротивленія тѣлу въ движеніи. Слѣдовательно лучъ, чтобы отразиться, долженъ произвести упоръ и даже давленіе, отталкивающее планеты отъ солнца.

Перейдемъ къ явленіямъ земного шара, обнаруживающимъ также и въ немъ самостоятельность обѣихъ силъ.

Земля притягиваетъ всѣ тѣла, находящіяся въ сферѣ дѣятельности ея силъ, чѣмъ ясно доказывается существованіе ея центростремительной силы, а производительность органическихъ тѣлъ землею, напр., растений, исходящихъ изъ земли на поверхность ея, доказываетъ, въ свою очередь, самостоятельность центробѣжной ея силы.

Если бы такое явленіе въ растительности земнаго шара происходило отъ кругообращенія его, т. е. отъ метательной силы, то всѣ растенія должны бы находиться въ отвѣсномъ положеніи къ оси шара а не къ поверхности или къ центру его.

Итакъ, нѣтъ тѣлъ безъ двухъ электричествъ — положительнаго въ центробѣжномъ и отрицательнаго въ центростремительномъ состояніяхъ.

Во взаимномъ напряженіи, въ степени, свойственной каждому отдѣльному веществу, и согласно взаимной дѣятельности этихъ первоначальныхъ силъ, всякое тѣло имѣетъ строеніе болѣе или менѣе явственно выраженное, имѣетъ и свое зародышное начало со свободнымъ дѣйствіемъ силъ на извѣстный радіусъ, и свой центръ, который образуетъ, такъ сказать, кристаллъ вещества.

Такое состояніе особенно наглядно выражается въ зародышѣ органическихъ тѣлъ, который представляетъ весь организмъ въ концентрированномъ состояніи, т. е. центръ со свободными силами, дѣйствующими на извѣстный радіусъ, и для всякаго элемента особо опредѣленный; вода, напр., имѣетъ и выражаетъ такую дѣятельность на радіусъ капли, которая составляетъ, такъ сказать, ея кристаллъ.

Замѣчаніе, что дѣятельность силы каждого центра простирается на радіусъ кристалла элемента, заставляетъ заключить, что до тѣхъ поръ, пока вещество не приобрѣло нормы вида своего кристалла, его первоначальныя силы находятся въ свободномъ или *динамическомъ* состояніи, и что онѣ тогда могутъ вліять на однородное вещество и поглощать его.

Факты подтверждаютъ такое заключеніе.

Полная капля воды, силы которой совершенно насыщены, не въ состояніи усвоить болѣе этого однороднаго, водяного вещества, тогда какъ каждая частичка этой капли можетъ усваивать его себѣ до развитія нормальной формы цѣлой капли.

Слѣдовательно, чѣмъ болѣе нормальная форма вещества частично раздѣлена на начальные центры, тѣмъ болѣе каждый таковой центръ въ состояніи поглотить однороднаго вещества. Напримѣръ, если раздѣлить каплю воды на четыре части, то каждая такая часть была бы въ состояніи поглотить три четверти капли, а если раздѣленіе послѣдуетъ на сто частей, то каждая сотая доля образовала бы центръ съ силою, способною усвоить сто разъ большіе массы воды, т. е. поглотить $\frac{99}{100}$ частей капли.

Слѣдовательно, чѣмъ больше дѣленіе нормальной формы

или кристалла вещества, тѣмъ выразительнѣе сила притяженія каждаго отдѣльнаго малѣйшаго центра со свободными силами на радіусъ своего кристалла.

Это, надѣюсь, наглядно показываетъ причину дѣйствія вещества, находящагося въ динамическомъ состояніи, или его силу.

Взглянемъ теперь на процессъ жизненныхъ отправленій животнаго.

Всѣ отдѣльныя отправленія фізіологическихъ снарядовъ выражаютъ два явленія, сжатіе и разширеніе, а именно: желудокъ сжимается и разширяется во время процесса пищеваренія, легкія сжимаются и разширяются, сердце сжимается и разширяется во все время жизненной дѣятельности, а такъ какъ нѣтъ ни явленія безъ движенія, ни движенія безъ силы, то понятно, что тѣло, для произведенія такого сжатія и разширенія отдѣльныхъ его снарядовъ, должно быть снабжено силами.

Кромѣ того, если ничто даетъ только ничто въ результатѣ (математическій законъ), то эти силы должны быть вещественныя.

Вначалѣ мы видѣли, что электричество, въ двойственной его дѣятельности, есть могущественный міровой двигатель. Поэтому, всѣ явленія движенія фізіологическихъ отправленій организма должны быть или слѣдствіемъ электричества, или, по крайней мѣрѣ, должны происходить при его содѣйствіи.

Легко указать вещества, причиняющія два основныя явленія фізіологическихъ отправленій, — сжатіе и разширеніе. Легкія, напримѣръ, принимаютъ попеременно то венозную кровь, то воздухъ, и такъ какъ легкія, послѣ принятія этихъ двухъ веществъ, подвергаются процессу дыханія, выражающемуся въ двухъ разнородныхъ движеніяхъ, то изъ вышесказаннаго должно заключить, что эти два вещества суть двигатели механическаго явленія дыханія и должны быть, судя по движенію дыханія, разноэлектренны.

И, въ самомъ дѣлѣ, главный элементъ венозной крови есть углеродъ, а углеродъ, по Берцеліусу, Реньо, Дюма и другимъ, есть тѣло электроположительное, между тѣмъ какъ

кислородъ, элементъ воздуха — есть тѣло электроотрицательное.

Слѣдовательно, первый есть вещество центробѣжное, и должно произвести разширеніе легкихъ, а второй—вещество центростремительное—легкія сжимаются. Подтвердимъ заключеніе о дѣйствіи этихъ двухъ элементовъ еще другими явленіями.

Намъ извѣстно, что углеродъ можетъ соединяться съ кислородомъ въ двухъ пропорціяхъ: въ видѣ окиси и въ видѣ кислоты. Но такъ какъ въ кислотѣ углеродъ соединяется съ двумя паями кислорода, то, значить, въ первомъ соединеніи, т. е. въ окиси, сила углерода еще не насыщена и находится въ свободномъ состояніи, и какъ электроположительный элементъ развиваетъ центробѣжность.

Вотъ причина, почему угарь, который есть ни что иное, какъ окись углерода, производитъ въ тѣлѣ явленія центробѣжныя, какъ, напр., головную боль, рвоту и т. п.

Этотъ фактъ соединенія углерода и кислорода также легко доказываетъ и центростремительность кислорода. Такъ какъ два пая кислорода, при соединеніи съ однимъ паемъ углерода, т. е. въ моментъ превращенія въ угольную кислоту, не представляютъ большаго объема, чѣмъ объемъ самаго кислорода, въ кислотѣ находящагося, изъ этого неоспоримо слѣдуетъ, что кислородъ сжалъ въ себя весь объемъ углерода.

Вотъ причина ускоренія дыханія отъ примѣси кислорода къ вдыхаемому воздуху и разширенія печени отъ излитія желчи, въ составѣ которой, какъ извѣстно, преобладаетъ углеродъ—тѣло центробѣжное.

Покажемъ еще другими явленіями, что всѣ отправленія организма суть выраженія взаимныхъ отношеній двухъ разнородныхъ качествъ электричества.

Два существа разнополюсныя—женскаго и мужского пола, инстинктивно взаимно притягиваются,—это фактъ природы.

Согласно наукѣ, тѣла, взаимно притягивающіяся, должны быть разно-электренны. Если же разносвойственность электричествъ есть слѣдствіе разнаго механическаго состоянія

одного и того же начала, то мы должны доказать фактами, преобладаніе противоположнаго свойства основнаго движенія силъ, т. е. центробѣжность или центростремительность, въ существахъ разнаго рода.

И въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ между снарядами воспроизводительности разницу: въ существѣ мужскаго пола — вырость, а въ существѣ женскаго пола — впадину; далѣе, мы знаемъ, что, при развитіи инстинктивныхъ отношеній, вырость увеличивается въ объемѣ, тогда какъ впадина суживается и удлиняется во внутрь. Далѣе, что, въ моментъ сильнѣйшаго развитія страстей, происходитъ выбрасываніе вещества изъ организма мужскаго, воспринимаемаго существомъ женскаго пола, и проч., — однимъ словомъ, всѣ отправления организма, фізіологическія и нравственныя, выражаются преобладаніемъ центробѣжности въ существѣ мужскаго пола и центростремительности въ женскомъ.

Новый организмъ, какъ произведеніе двухъ существъ, долженъ сложиться, согласно общему закону, изъ двухъ разно-электренныхъ началъ.

Извѣстно, что существо мужскаго пола отдаетъ сѣмя въ безформенномъ состояніи, непрерывно движущееся въ самомъ себѣ, такъ что предполагали видѣть въ немъ какую-то самостоятельную животную жизнь; женскій же полъ даетъ вещество круглое, откуда явно слѣдуетъ, что въ первомъ существѣ есть центробѣжная сила, а во второмъ преобладаетъ центростремительная.

Эти два начала, по разноэлектренности своей, взаимно слагаются и образуютъ самостоятельный центръ со свободными силами — центростремительной и центробѣжной. Первая притягиваетъ матеріалъ, а вторая разноситъ, слагаетъ и строитъ его въ организмъ, и такъ какъ новое существо, при его совершенномъ развитіи, всегда достигаетъ положительныхъ формъ, выражающихъ какъ бы кристаллъ существа, то явно, что въ зародышѣ эти силы, совершающія построеніе нормальнаго организма, находятся въ свободномъ динамическомъ состояніи и дѣйствуютъ на радіусъ совершеннаго существа.

Кровь, какъ вообще все существо или даже вся природа— вещество двойственное, шарики и сыворотка, т. е. центростремительное и центробѣжное начала организма,—находится подъ вліяніемъ нервной системы. Подъ этимъ вліяніемъ кровь разносится по всему организму, слагается и разлагается согласно мѣстной потребности въ отдѣльные снаряды съ самостоятельными фізіологическими отправленіями, которыя выражаются центробѣжностью и центростремительностью во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

Все доказываетъ, что всякое вещество въ природѣ представляетъ центръ съ двойственнымъ качествомъ электричества и свободнымъ дѣйствіемъ его силъ на извѣстный радіусъ, и что въ каждомъ должно преобладать (конечно относительно другого) одно изъ основныхъ движеній.

Хотя изъ физики, химіи и механики извѣстно, что стремленіе взаимной связи не одинаково развито въ веществахъ природы, но законъ взаимнаго притяженія одинъ и тотъ-же во всей вселенной.

ГЛАВА XIII.

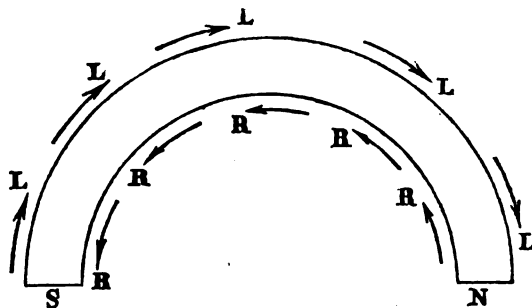
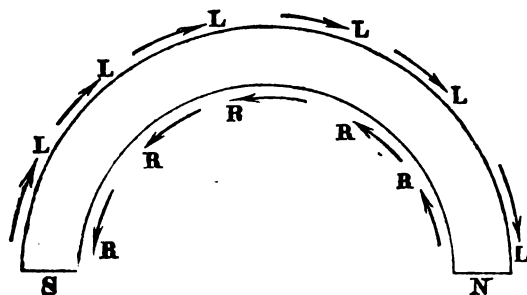
Раздѣленіе химическихъ тѣлъ на электроположительныя и электроотрицательныя едва-ли вполне основательно. Тѣло, относящееся къ какому-нибудь другому тѣлу какъ электроотрицательное, можетъ относиться къ третьему какъ электроположительное. Стало-быть, оно положительное и отрицательное только относительно, смотря по тѣлу, съ какимъ будетъ въ соприкосновеніи. Все это раздѣленіе было сдѣлано только на основаніи обнаруженнаго въ нѣкоторыхъ тѣлахъ расположенія быть притягиваемыми положительнымъ или отрицательнымъ полюсами гальванической батареи. Даже принятіе самыхъ полюсовъ, положительнаго и отрицательнаго, дѣло произвола; отрицательный полюсъ точно также можно было назвать положительнымъ и наоборотъ.

Такъ какъ было замѣчено, что у магнитовъ одноименные полюсы взаимно отталкиваются, а разноименные притягиваются, то и заключили, что тѣла, выделяемая у положительнаго полюса гальванической батареи, должны быть электро-

отрицательными, а выделяемые у отрицательнаго полюса— электроположительными. Но притяженіе разноименныхъ полюсовъ въ магнитѣ совершается вовсе не по закону противоположностей, а по совершенно иной причинѣ.

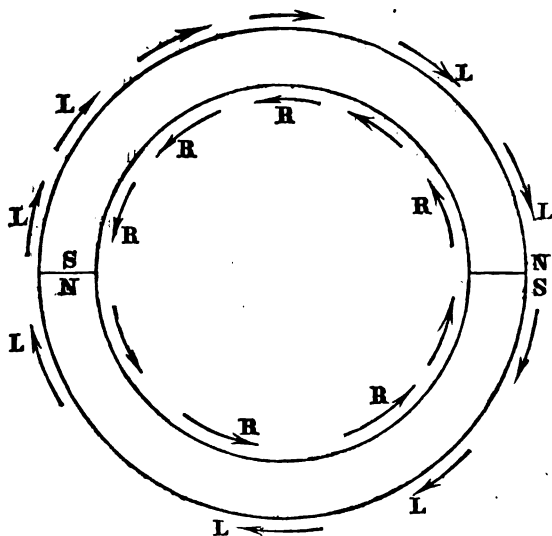
Въ этомъ убѣдится всякій, кто потрудится сдѣлать слѣдующій маленькій опытъ:

Начертите на двухъ бумажкахъ двѣ дуги въ родѣ подково-видныхъ магнитовъ и обозначьте на каждой двойное направ-леніе токовъ стрѣлками. Одинъ рядъ стрѣлокъ, идущихъ справа налѣво, оти́мъте буквою, R, другой слѣва на-право, буквою L; правый полюсъ магнита N, лѣвый S.

Теперь сложите оба рисунка, такъ чтобы они образовали кругъ, и при томъ такъ, чтобы S, или южный полюсъ одной

фигуры, приходяся въ соединеніи съ N, или сѣвернымъ другой.

Вы найдете, что концы стрѣлокъ R и стрѣлокъ L идутъ по принадлежащимъ имъ направленіямъ: всѣ R справа налѣво, всѣ L слѣва направо, и каждый рядъ обозначаетъ свой непрерывный токъ.

Если же сложить рисунки, оборотивъ одинъ изъ нихъ такимъ образомъ, чтобы N прикасался къ N, S къ S, то, по направленію стрѣлокъ, окажется, что оба тока сталкиваются.

Стало быть, взаимное притяженіе разноименныхъ полюсовъ двухъ магнитовъ зависитъ просто отъ того, что въ каждомъ магнитѣ происходитъ *двойное теченіе*, слѣва направо и справа налѣво, и что когда магниты складываются такимъ образомъ, что такъ-называемый южный полюсъ одного прикасается къ сѣверному другого, то токи одного и того же направленія могутъ продолжиться и проходить изъ одного магнита въ другой. Когда же сѣверный полюсъ одного магнита приложенъ къ сѣверному другого и южный къ южному,

тогда токи встрѣчаются, какъ двѣ противоположныя струи воды, и взаимно отталкиваются.

На этомъ же самомъ законѣ основываются притяженіе разнородныхъ и отталкиваніе одноименныхъ полюсовъ электрическихъ и гальваническихъ.

Все, какъ видите, зависитъ отъ способа объясненія. Объясненіе притяженія разнородныхъ полюсовъ сразу уничтожаетъ основанный на немъ законъ притяженія разнородно-электрическихъ тѣлъ, установленный химиками. Нигдѣ въ природѣ нѣтъ притяженія разнороднаго: вездѣ есть только притяженіе однороднаго, какъ мы сейчасъ увидимъ. Магнитъ обладаетъ свойствомъ притягивать желѣзо и намагничивать его. Кромѣ желѣза, подѣ влияніемъ его находится только *никкель*, подобный желѣзу минералъ. Ко всѣмъ другимъ веществамъ въ природѣ магнитъ—тѣло индифферентное. Стало быть магнитъ притягательно дѣйствуетъ только на тѣла ему подобныя, съ нимъ однородныя. Это одинъ образецъ притяженія однородныхъ.

Если магнитъ обнаруживаетъ склонность притяженія только къ желѣзу и никкелю, то, конечно, заходятъ слишкомъ далеко тѣ, которые притягательную силу земли выводятъ изъ магнитныхъ токовъ, существующихъ внутри или на поверхности шара. Если искусственный магнитъ притягательно дѣйствуетъ только на магнитъ, желѣзо и никкель, то нелогично же принимать, что земная магнитность въ состояніи притягивать всѣ тѣла *безъ исключенія*. Намъ кажется, что притягательная сила земли зависитъ отъ совершенно иной причины.

Тѣла падаютъ на землю, конечно, только отъ того, что онѣ не могутъ плавать въ воздухѣ, будучи по удѣльному вѣсу тяжелѣе его. Притягательная сила земли, поэтому, зависитъ не отъ земной магнитности, а просто отъ того, что тѣла *одинаковаго объема и одинаковой плотности* взаимно одно другое притягиваютъ.

Чѣмъ ближе тѣла между собою по удѣльному вѣсу, тѣмъ сильнѣе будетъ притяженіе; чѣмъ различнѣе вѣсъ, тѣмъ зна-

чительнѣе будетъ отталкиваніе. Это второй образчикъ притяженія подобнаго и отталкиванія различнаго.

Химическое сродство, повидимому, основывается на томъ же законѣ, хотя это положеніе не такъ легко поддѣржнть доказательствами.

Причина трудности заключается въ томъ, что настоящіе первоначальные элементы тѣлъ намъ покуда еще не достаточно извѣстны. Всякій химикъ, конечно, охотно согласится, что нынче въ учебникахъ химіи приводимые элементы или простыя тѣла еще не совершенно простые, не настоящіе элементы. По этому мы попробуемъ представить хоть слабый опытъ подтвержденія нашего положенія.

Положимъ, что существуютъ всего четыре простыхъ тѣла — углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ, — и что остальные тѣла, называемыя простыми, состоятъ изъ соединенія двухъ, трехъ или всѣхъ четырехъ первоначальныхъ. Такъ, напр., мы находимъ, что ртуть, почитаемая за простое тѣло, имѣетъ сильное химическое сродство съ азотной кислотою, а азотная кислота, какъ извѣстно, есть соединеніе азота и кислорода. Кислородъ и азотъ, въ свою очередь, въ *динамическомъ* состояніи представляютъ такъ-называемое положительное и отрицательное электричество. Положительное и отрицательное электричество возбуждается также треніемъ стекла о *ртутную амальгаму*. Нѣтъ-ли вѣроятности, что и ртуть также состоитъ изъ соединенія азота и кислорода и есть тѣло, подобное азотной кислотѣ? Далѣе: хлоръ растворяетъ золото. Хлоръ есть газъ зеленого цвѣта. Золото, накаливаемое на спиртномъ огнѣ, окрашиваетъ пламя въ зеленый цвѣтъ. Золото и хлоръ имѣютъ значительный удѣльный вѣсъ. Не сходны-ли они между собой и по химическому составу? Далѣе: азотнокислое серебро, какъ извѣстно, подъ влияніемъ солнечныхъ лучей разлагается, а именно отъ фіолетовыхъ лучей. Можетъ быть и солнечные лучи заключаютъ въ себѣ четыре первоначальныхъ элемента: согрѣвающие или красные — водородъ, свѣтящіе или желтые — углеродъ, синіе и фіолетовые или такъ-называемые химическіе — азотъ и кислородъ.

Если это положеніе вѣрно, то, значитъ, кислородъ и азотъ солнца,—фіолетовые лучи,—выдѣляютъ кислородъ и азотъ азотной кислоты изъ соединенія съ серебромъ *по закону притяженія однороднаго*.

Эти примѣры, конечно, очень слабыя доказательства вѣрности нашего предположенія, что химическое сродство основано на законѣ притяженія однороднаго; но они, можетъ быть, побудятъ кого-нибудь заняться изслѣдованіями въ этомъ направленіи.

Если законъ притяженія подобнаго дѣйствительно общій законъ природы, то и химическіе процессы, вѣроятно, можно будетъ окончательно свести къ нему же. Не нужно только забывать, что каждое тѣло все-таки снабжено двумя противоположными токами.

Подлѣ закона притяженія подобнаго, есть еще другой, играющій въ природѣ весьма важную роль и, вѣроятно, служащій основаніемъ всѣхъ физическихъ, химическихъ и физиологическихъ явленій. Мы разумѣемъ законъ индукціи.

Кусокъ желѣза, приведенный въ соприкосновеніе съ магнитомъ, самъ становится магнитомъ; тѣло, находящееся по близости другого, электрическаго, само становится электрическимъ; гальваническій токъ, проходящій въ мѣдной проволоцѣ, возбуждаетъ подобный же токъ въ сосѣдней параллельной проволоцѣ.

Законъ индукціи не ограничивается магнитностью, электричествомъ и гальванизмомъ, и индуктивная сила, хотя свойственная въ особенности динамическимъ агентамъ, принадлежитъ не имъ однимъ, но встрѣчается также въ газообразныхъ, жидкихъ и твердыхъ тѣлахъ; въ послѣднихъ, конечно, въ меньшей степени.

Доказательство тому мы находимъ въ геологическихъ картинахъ Котты (Cotta, Geologische Bilder, Leipzig, 1852. p. 168), гдѣ, въ статьѣ «Мѣстонахожденія рудъ», говорится: „родъ и сложеніе сосѣднихъ горныхъ породъ вовсе не остаются безъ вліянія на находящіеся въ жилахъ минералы и руды. Когда жила проходитъ черезъ нѣсколько горныхъ породъ, то она

часто представляет и неодинаковыя качества, и даже различный составъ минераловъ и рудъ, что для практическаго рудокopa, натурально, очень важно. Но не только свойство жилъ въ нѣкоторой степени зависитъ отъ сосѣдней горной породы, даже образованіе жилъ, въ свою очередь, имѣетъ вліяніе на породу, въ которой онѣ проходятъ. Отъ этого прохожденія, въ окрестности совершаются измѣненія, разложенія, окрашиваніе или пропитываніе породы проходящимъ минераломъ. Иногда такая пропитанная порода даже заслуживаетъ разработки.»

Индуктивная сила тѣлъ дѣйствуетъ какъ въ глубинахъ земли, въ камняхъ и рудахъ, такъ и въ самомъ господинѣ земли — человѣкѣ. Поговорка: «дурное общество портитъ нравы» можетъ относиться какъ къ человѣку, такъ и къ рудамъ. Нервы наши имѣютъ особенную (индуктивную) способность получать впечатлѣнія нервовъ другого человѣка, такъ сказать, отражать ихъ въ себѣ. Эта способность плохо изслѣдована, но несомнѣнно существуетъ и можетъ объяснить многое въ области психическихъ явленій. Хотя тѣла во всѣхъ четырехъ видахъ (твердомъ, жидкомъ, газообразномъ и динамическомъ) обладаютъ индуктивною силой, однакожъ кажется, что она въ высшей степени свойственна преимущественно тѣламъ въ динамическомъ состояніи.

Въ самомъ дѣлѣ кажется, какъ будто тѣла только въ динамическомъ состояніи становятся дѣятельными, самоподвижными и, такъ сказать, живыми, и какъ будто именно химическія соединенія и разложенія только тогда становятся возможными, когда тѣла приходятъ въ *динамическое* состояніе.

Если мы наполнимъ пузырь кислородомъ и водородомъ, то оба эти газа соединятся и составятъ воду тогда только, когда мы подѣйствуемъ на нихъ индуктивнымъ образомъ электрическою искрой, приведемъ ихъ въ динамическое состояніе и сдѣлаемъ химическое соединеніе возможнымъ.

Элементы масла, дерева, угля должны быть приведены въ динамическое состояніе, должны горѣть, чтобы соединиться въ угольную кислоту и воду.

Порохъ только подѣ индуктивнымъ вліяніемъ искры разлагается на свои элементы, которые въ самый моментъ разложенія вступаютъ въ новыя соединенія.

Фосфоръ, гремучая хлопчатая бумага, для взрыва и горѣнія, требуютъ удара или тренія. И нѣтъ почти ни одного химическаго процесса, въ которомъ бы не обнаруживалось явленій свѣта и тепла или электрическихъ, гальваническихъ и магнитныхъ токовъ.

Повторимъ вкратцѣ доселѣ найденное.

а) вмѣсто трехъ общепринятыхъ, мы принимаемъ четыре состоянія тѣлъ: 1) твердое, 2) жидкое, 3) газообразное и 4) динамическое.

б) Всѣ тѣла въ природѣ сводятся къ четыремъ первоначальнымъ элементамъ: 1) углероду, 2) водороду, 3) азоту, 4) кислороду.

в) Эти четыре элемента, въ четвертомъ или динамическомъ состояніи, представляются намъ какъ такъ-называемыя начальныя силы: 1) углеродъ въ видѣ свѣта, 2) водородъ въ видѣ тепла, 3) азотъ въ видѣ отрицательнаго электричества, 4) кислородъ въ видѣ положительнаго электричества.

г) Какъ есть сложные тѣла, такъ есть и сложные силы, т. е. сложные тѣла въ динамическомъ состояніи.

д) Различныя тѣла эти дѣйствуютъ одно на другое по законамъ индуктивнаго притяженія подобнаго и отталкиванія различнаго.

е) Тѣла только въ динамическомъ состояніи дѣйствуютъ.

Теперь попытаемся, нельзя-ли помощью этихъ положеній внести немножко свѣта въ доселѣ довольно темную область фізіологіи, потому что, пока мы не дойдемъ до приблизительно вѣрнаго пониманія фізіологическихъ явленій жизни, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь рациональномъ объясненіи явленій месмеризма и такъ-называемаго спиритизма.

Въ области фізіологіи еще довольно темный хаосъ,—не отъ того, чтобы фізіологи сидѣли сложа руки, а единственно

отъ того, что физики и химики не могли достаточно помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ.

Между тѣмъ сколько уже изрѣзано и препарировано труповъ, сколько собакъ, кошекъ, кроликовъ отравлено, зарѣзано и разными способами замучено; у сколькихъ тысячъ лягушекъ снята голова, вырѣзано сердце, гальванизированы мышцы и нервы. Послѣ всей этой траты времени, денегъ и труда, что узнали мы о тайнѣ органическаго процесса жизни? Знаемъ-ли мы въ точности отправленія хоть одного органа? Знаемъ-ли мы, какъ изъ крови вырабатывается въ печени желчь, какъ въ почкахъ образуется моча? Знаемъ-ли мы, какъ изъ крови слагаются мышцы, связки, перепонки, волосы, ногти, кожа и нервы? Знаемъ-ли мы, какъ совершаются зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе? Что мы знаемъ точнаго и положительнаго о существованіи или несуществованіи жизненной силы?

Причина, почему неутомимыя изысканія и многочисленныя опыты физиологовъ не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ, заключается частью въ несовершенствѣ нашего знанія физическихъ и химическихъ законовъ, а частью въ самомъ способѣ производства физиологическихъ опытовъ.

Правда, иногда случалось найти какое-то сходство между отдѣльными актами живого организма и произведеніями искусственныхъ физическихъ аппаратовъ.

Сердце сравнивали съ насосомъ, снабженнымъ соотвѣтствующими поршнями; артерій съ приборомъ эластическихъ трубокъ; глазъ съ оптической темной камерой; гортань и дыхательное горло—съ дудкой; образование животной теплоты—съ медленнымъ процессомъ горѣнія. Но для объясненія, какъ и отчего совершаются отправленія органовъ, наше знаніе физическихъ и химическихъ законовъ еще не достаточно.

Между тѣмъ, какъ неорганическая химія усовершенствовалась до высокой степени, органическая до сихъ поръ привела къ результатамъ еще очень мало удовлетворительнымъ. Неорганическія тѣла химикъ безъ большаго труда разлагаетъ и опять соединяетъ. Органическія же ему до сихъ поръ

удовалось только анализировать, но сложить их химическим путем онъ не въ состояніи, и едва-ли такая возможность когда-нибудь будетъ достигнута.

Хотя и можно сравнивать нѣкоторые акты органическихъ отправленій съ химическими процессами неорганическихъ веществъ, однакожъ вообще вещества въ организмѣ, кажется, подчиняются инымъ законамъ, чѣмъ въ лабораторіи химика.

Отсюда предположеніе жизненной силы, которую нѣкоторые отвергаютъ, утверждая, что явленія органической жизни и измѣненія тѣлъ неорганическихъ совершаются по однимъ и тѣмъ же физико-химическимъ законамъ.

На какое бы предположеніе мы не рѣшились, важность того и другого не велика, покуда мы не въ состояніи котормъ-нибудь изъ нихъ объяснить отправленія живыхъ организмовъ.

Вѣрно только то, что для произведенія органическихъ существъ необходимъ зародышъ, яйцо, которое не можетъ быть произведено иначе, какъ организмами уже существующими.

Хотя наука и не можетъ отвѣчать на вопросъ: откуда первоначально взялись зародыши всѣхъ породъ животныхъ и растений, — однакожъ мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, какъ они рождаются теперь, и этого для нашихъ цѣлей довольно.

Такъ какъ химія, очевидно, не въ состояніи была объяснить сущности зародыша или яйца, то физиологи ухватились за микроскопъ, чтобы прослѣдить постепенное его развитіе. Какъ ни прекрасны результаты, полученные этими изслѣдованіями, все-таки законы развитія зародыша остались неизвѣстны. Это потому, что съ помощью микроскопа изучалась анатомія, а не физиологія.

Законы явленій органической жизни никогда не могутъ быть открыты микроскопомъ. Отчего же нѣтъ? Да просто оттого, что нашъ глазъ ужъ такъ устроенъ, что онъ можетъ видѣть тѣла только въ твердомъ состояніи, и никакой микроскопъ не въ состояніи пополнить этого недостатка. Жидкія и газообразныя тѣла невидимы, какъ для невооруженнаго, такъ и для вооруженнаго глаза, и если окрашенные газы и

жидкости, повидимому, противорѣчатъ этому, то причина заключается единственно въ томъ, что жидкости и газы получаютъ свой цвѣтъ отъ плавающихъ въ нихъ твердыхъ частицъ. Твердые тѣла видимы глазу вслѣдствіе ихъ способности отражать свѣтовые лучи. Вода и другія безцвѣтныя жидкости видимы только потому, что способны преломлять свѣтъ.

Сила преломленія зависитъ отъ степени плотности жидкости; чѣмъ плотнѣе жидкость, тѣмъ преломленіе сильнѣе; другими словами, чѣмъ ближе жидкость по составу своему подходитъ къ твердымъ тѣламъ, тѣмъ легче она становится видимою.

Еще менѣе жидкаго и газообразнаго видимо динамическое состояніе тѣлъ. Собранное въ лейденскую банку электричество—невидимо. Свѣтовые явленія электрической искры, повидимому, зависятъ отъ оторванныхъ частицъ кондукторовъ; цвѣтъ электрическаго огня измѣняется, смотря по свойству металлической оконечности, изъ которой истекаетъ. Золотой кончикъ даетъ зеленый свѣтъ, серебрянный—красный, оловянный и цинковый—бѣлый.

Въ незримости динамическихъ состояній тѣлъ заключается причина, почему всѣ попытки проникнуть посредствомъ микроскопа въ таинственную работу природы навсегда должны остаться безуспѣшными. Точно также мало удовлетворительны результаты, къ которымъ привели опыты физиологовъ съ гальванической батареей.

Въ началѣ, когда только-что узнали дѣйствіе гальваническаго столба, полагали, что тайна жизни открыта. Мозгъ приняли за родъ гальванической батареи, которая разлагающимъ и сочетающимъ образомъ дѣйствуетъ на элементы, составляющіе тѣло; нервы за гальваническія проволоки, вдоль которыхъ мозгъ посылаетъ свои токи по всѣмъ направленіямъ, во всѣ части тѣла. Теорія казалась довольно вѣроятною; жаль только, что опыты не оправдали ее.

Безчисленныя наблюденія надъ дѣйствіемъ гальванической батареи на человѣка и умерщвленныхъ животныхъ дали только тотъ результатъ, что мышечныя волокна подъ вліаніемъ

гальванизма сокращаются. Но даже и эти сокращения оказывались неправильными.

Помощью гальванизма никто не может вызвать правильных, съ известной цѣлью направленныхъ, движеній мускуловъ, какія мы видимъ у живыхъ людей и животныхъ. Попытки побудить разные отдѣлительные органы тѣла къ свойственнымъ имъ отправленіямъ помощью гальваническаго тока совершенно не удались и принесли только ту пользу, что показали, что онъ не есть *жизненная сила*. Если мы допустимъ, что сила, дѣйствующая въ растительныхъ процессахъ живого организма и въ органическихъ существахъ—есть сама матерія въ динамическомъ состояніи, то изъ этого будетъ слѣдовать, что она должна быть вещественнаго, матеріальнаго свойства и состоятъ изъ такихъ-же элементовъ какъ и само видимое тѣло.

Какимъ же образомъ эта сила дѣйствуетъ? По какимъ законамъ совершаются отправленія органовъ? Какимъ образомъ происходитъ, растетъ и множится органическое существо?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, нужно пока оставить сложный организмъ чловѣка и обратиться къ простѣйшимъ, низшимъ.

Первыя движенія атомовъ матеріи и соединенія ихъ въ опредѣленныя формы, первые, такъ сказать, признаки жизни мы находимъ въ кристаллизаціи. Не безъ основанія принято, что атомы различныхъ кристалловъ имѣютъ ту же самую форму, какъ и сами кристаллы, какъ бы велики или малы они ни были, хотя-бы ихъ можно было мѣрить линіями и дюймами или видѣть только подъ микроскопомъ. Если посмотрѣть подъ микроскопомъ на сложеніе кристалловъ поваренной соли, то увидимъ, что они имѣютъ ту-же самую кубическую форму, какъ и видимые невооруженнымъ глазомъ. Стало-быть эта форма кристалловъ уже дана въ атомахъ. Атомы плаваютъ въ растворѣ; во время испаренія воды, они, взаимно притягиваясь, сплочиваются и, такимъ образомъ, становятся видимы. Кристаллизація въ сущности, стало быть, есть только уплотненіе прежде жидкихъ или бесконечно-малыхъ

атомовъ, которые, соединяясь между собою, наслаиваясь, образуютъ кристаллъ.

Между тѣмъ, какъ кристаллъ образуется чрезъ простое наслоеніе уже совершенно готовыхъ въ растворѣ атомовъ, растительная и животная ячейка растетъ изъ-нутра наружу, привлекая для образованія своего необходимый матеріалъ изъ окружающей ее среды, т. е. тоже привлекая вещество, быть можетъ, въ динамическомъ состояніи съ периферіей къ центру и образуя изъ него въ послѣдствіи видимую матерію для своего разрастанія.

Микроскопическія наблюденія надъ происхожденіемъ и ростомъ низшихъ породъ растений, напр. краснаго снѣга, *Protococcus nivalis* (ни что иное, какъ простая растительная ячейка), показали, что въ зародышевой ячейкѣ ея образуются новыя ячейки, которыя, достигнувъ извѣстной степени развитія, выступаютъ изъ лопнувшей оболочки ячейки-матери, послѣ чего въ каждой молодой ячейкѣ развитіе новыхъ начинается тѣмъ же порядкомъ. Каждая изъ этихъ ячеекъ есть особое недѣлимое и обладаетъ способностью воспроизводиться.

Изъ этого слѣдуетъ, что между образованіемъ кристалла и образованіемъ ячейки есть значительная разница. Перво-му стоитъ только притянуть къ себѣ уже готовые подобные атомы; послѣдняя всасываетъ извѣстныя вещества и внутри себя перерабатываетъ ихъ, претворяетъ въ себѣ подобныя недѣлимые. Но оба процесса, какъ процессъ сложенія кристалловъ, такъ и процессъ образованія ячеекъ, совершаются по одному общему закону природы, *по закону притяженія однороднаго*. Однакожъ вещества, всасываемыя ячейкою, не всегда совершенно однородны съ нею, а по химическому составу только болѣе или менѣе подобны. Совершенное претвореніе всосаннаго вещества въ однородныя ячейки совершается внутри ячейки матери, и именно черезъ посредство индуктивной силы. По тому же самому праву, по которому принято, что атомы кристалловъ имѣютъ одну форму съ кристаллами, можно также принять каждую ячейку (клеточку)

за атомъ, состоящій въ извѣстныхъ химическихъ пропорціяхъ изъ 2, 3, или 4-хъ элементовъ, сложившихся въ опредѣленную форму, — атомъ, который, вслѣдствіе индуктивной силы, заключающейся въ немъ, въ живомъ, свободномъ или динамическомъ его состояніи, извнѣ привлекаетъ, сквозь свои стѣнки всасываетъ вещества и *уподобляетъ*, то-есть индуктивно такъ дѣйствуетъ на нихъ, что онѣ по виду и химическому составу слагаются въ совершенно однородныя ячейки.

Сказанное здѣсь о низшихъ организмахъ, простыхъ ячеекъ, относится и къ высшимъ.

Мы сказали выше, что тѣла дѣйствуютъ только въ динамическомъ состояніи; слѣдовательно можно предположить, что углеродъ, въ динамическомъ состояніи представляющій свѣтъ, выражаетъ также и центробѣжную силу.

Кислородъ же въ динамическомъ состояніи выражаетъ силу центростремительную.

Такъ какъ есть сложные тѣла, такъ есть и сложные силы, то-есть сложные тѣла, находящіеся въ динамическомъ состояніи.

Отсюда вытекаетъ предположеніе, что и животный магнетизмъ есть, быть можетъ, тоже одна изъ сложныхъ силъ или одно изъ сложныхъ тѣлъ въ динамическомъ состояніи.

Всякое растеніе и всякое животное состоитъ изъ большаго или меньшаго числа ячеекъ, которыя, въ свою очередь, соединяются между собою и образуютъ опредѣленные формы органовъ и тканей, и каждая ячейка продолжаетъ свои отправления по законамъ притяженія однороднаго или подобнаго и по законамъ индукціи.

Индуктивная сила ячеекъ не неограничена, а имѣетъ свои предѣлы.

Не всякое органическое существо можетъ существовать, гдѣ угодно, и уподоблять всякое вещество, хотя четыре элемента, изъ которыхъ сложены тѣла, повсюду на землѣ могутъ быть находимы. Животныя не могутъ питаться ни минералами, ни чистыми элементами пищи. Напротивъ, пища

ихъ ограничивается извѣстными соединеніями элементовъ, большею частью предварительно подготовленными въ организмахъ растительныхъ и по химическому составу принявшихъ подобіе соковъ животнаго.

Всякое растение и всякое животное можетъ воспроизвести только себѣ подобное: изъ сѣмени дуба можетъ вырасти только дубъ; птица, рыба и четвероногое могутъ каждое родить только себѣ подобныхъ, однородныхъ.

Каждая ячейка, входящая въ составъ растительнаго или животнаго зародыша, обладаетъ способностью извнѣ привлекать, всасывать и уподоблять вещество однородное, и сумма дѣятельныхъ въ ячейкѣ силъ, или вещество въ динамическомъ состояніи, есть именно то, что названо было *жизненной силой*.

Изъ этого уже можно заключить, въ какомъ заблужденіи находились прежніе фізіологи, полагавшіе найти жизненную силу въ электричествѣ и гальанизмѣ машинъ и снарядовъ. Жизненная сила всякаго организма столь же отлична отъ жизненной силы другого организма, какъ отличны тѣла между собою по внѣшнему виду и распредѣленію ихъ внутреннихъ органовъ. Этимъ объясняется, если кто дивился, почему не удавались всѣ попытки оживить трупъ гальванической батареей.

Эти изслѣдователи не хотѣли знать, что въ живомъ существѣ есть другая, особая, динамическая сила, которая не имѣетъ ничего общаго съ гальанизмомъ.

Но когда другіе, новѣйшіе фізіологи, на основаніи такихъ же неудачныхъ опытовъ, совершенно вычеркиваютъ жизненную силу изъ словаря науки, то во всякомъ случаѣ поступаютъ слишкомъ торопливо, чтобы не сказать больше. Назвавъ жизненные явленія и управленія органовъ физико-химическимъ процессомъ, они вѣдь только замѣнили одно слово тремя другими, а насъ ровно ничему не научили.

Придержимся мысли, что человѣческій зародышъ (яйцо) содержитъ въ себѣ безконечно-малаго микроскопическаго чело-
вѣка (центръ съ свободными силами), и когда мы знаемъ,

какимъ образомъ развиваются отдѣльныя ячейки, то, не смотря на всю сложность человѣческаго организма, не трудно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, какимъ образомъ организмъ самъ собою развивается, питается и поддерживается.

Хотя отдѣльныя ячейки имѣютъ извѣстную самостоятельную дѣятельность, однакожъ опытами доказано, что мозгъ и нервныя узлы—ганглии нѣкоторымъ образомъ завѣдуютъ ими. Когда извѣстные нервы перерѣзываются, то отправленія органовъ и тканей, въ которыхъ они проходятъ, измѣняются или уничтожаются.

Перерѣзываніе или поврежденіе нервовъ уничтожаетъ силу сопротивленія ячеекъ и тканей.

Стало-быть эта сила сопротивленія заключается въ нервахъ. Какимъ же образомъ она тамъ зарождается? Въ самой-ли нервной системѣ она вырабатывается или откуда-нибудь приходитъ?

Нервная система, какъ извѣстно, растетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Въ первые дни развитія зародышъ почти весь состоитъ изъ одной нервной массы. Прежде всего развиваются головной и спинной мозгъ, а потомъ уже становятся видимы другіе органы.

Нервы получаютъ свое питаніе изъ всѣхъ частей. Мозгъ поэтому похожъ на растеніе, нервныя нити на корни, проникающіе во всѣ части тѣла, чтобы извлекать изъ нихъ питательные соки.

А такъ какъ нервы—лучшіе проводники электричества, т. е. по преимуществу способны проводить *токи веществъ въ динамическомъ состояніи*, то они, вѣроятно, не только не воспринимаютъ питательныя частицы отъ ячеекъ другихъ тканей, но и въ свою очередь дѣйствуютъ на ячейки тканей и органовъ *индуктивнымъ* образомъ, и тѣмъ поддерживаютъ въ нихъ силу сопротивленія внѣшнимъ вліяніямъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы показать, что различныя физическія, химическія и фізіологическія явленія могутъ быть объясняемы и другимъ, столько же, если не болѣе, правдоподобнымъ образомъ, сравнительно съ общепринятымъ,

и что явленія магнетизма и даже физическихъ, непонятныхъ намъ, экспериментовъ, совершаемыхъ медиумами, нисколько не противорѣчатъ основнымъ законамъ науки. Повторяемъ, что необходимо прежде всего заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ и объясненіемъ законовъ физики, химіи и физиологіи, а не оставлять ихъ въ исключительномъ вѣденіи людей, которые, въ надмѣнномъ созерцаніи своей глубокой учености, презрительно улыбаются при словѣ животный магнетизмъ, спиритизмъ, или разсказъ о какомъ-нибудь необъяснимомъ еще явленіи, считая все это чуждымъ всякаго научнаго основанія и недостойнымъ тщательнаго изслѣдованія, между тѣмъ, какъ сами не въ состояніи объяснить удовлетворительно самыхъ простыхъ физическихъ явленій, хоть, напр., силы тяготѣнія.

Допустивъ законъ динамическихъ силъ или динамическаго состоянія тѣлъ, а также законъ индукціи, и примѣняя ихъ къ живому организму, мы гораздо легче поймемъ вліяніе воображенія одного человѣка на воображеніе другого путемъ индуктивнымъ, а также и другія животно-магнитныя вліянія.

Какъ зѣвота есть самое простое нервное явленіе, передающееся отъ одного лица другому посредствомъ индукціи, такъ и другія, гораздо болѣе сложныя нервныя состоянія, вѣроятно, могутъ вызывать тождественныя состоянія у другихъ тѣмъ же путемъ и иногда помимо нашей воли, но при нѣкоторыхъ психическихъ условіяхъ, намъ пока неизвѣстныхъ.

Сюда относятся: тождественность идей, чувствъ и ощущеній. Психическіе же моменты или условія можно также отнести къ области динамическихъ силъ.

Припомнимъ теперь все, что говорилось вначалѣ о явленіяхъ спиритизма и мы легко увидимъ, что всѣ физическія дѣйствія медиумовъ зависятъ отъ тѣхъ же динамическихъ силъ, развивающихся при экстатическомъ состояніи, въ которое могутъ впадать только болѣзненные и исключительные субъекты. Это состояніе можетъ дѣйствовать индуктивно и на возбужденное воображеніе предрасположенныхъ къ тому лицъ.

Слѣдовательно, всѣ явленія физическаго спиритизма сводятся къ проявленію нѣкоторыхъ свойствъ *нашего* духа или того же динамическаго дѣятеля, который вызываетъ явленія сомнамбулизма, месмеризма, экстаза и магнетическаго столбняка.

Спириты напрасно приписываютъ свои дѣйствія вмѣшательству какихъ-то бесплодныхъ, постороннихъ духовъ, тогда какъ онѣ происходятъ исключительно отъ вліянія ихъ *собственнаго* духа и матеріальной динамической силы, которую онѣ возбуждаетъ и усиливаетъ.

Сила эта можетъ быть развита и увеличена различными способами, возбуждающими какое-то изступленное или, лучше сказать, восторженное состояніе нашего духа; но, безъ сомнѣнія, въ ущербъ тѣлесному здоровью.

Во всякомъ случаѣ эта сила и ея проявленія должны быть тщательно изслѣдованы и основательно изучены, и, можетъ быть, тогда только для психіатріи настанетъ лучшее время.

Эта сила и ея проявленія, переходя отъ древне-индѣйскихъ до нашихъ временъ, принимала только различные фазисы и названія. Живучесть ея служить доказательствомъ ея несомнѣннаго существованія, и потому остается только ждать, что дастъ намъ XX столѣтіе взамѣнъ спиритизма...

Закончимъ словами Гумбольдта: «непонятные факты существуютъ, дѣло науки ихъ объяснить; слѣдуетъ прямо сознаться въ ихъ непониманіи, но нельзя, не отказываясь отъ здраваго смысла, прибѣгать къ спиритизму для объясненія ихъ. Возможность убѣждаться доводами и приѣмами спиритовъ, къ чему столь многіе оказываются способными, можетъ служить только доказательствомъ недостатка научнаго мышленія въ большинствѣ такъ-называемаго «образованнаго общества», а затѣмъ спиритизмъ является дѣломъ свободнаго убѣжденія каждаго».

Относительно существованія непонятныхъ фактовъ, мы можемъ привести слѣдующее любопытное явленіе *), только что

*) Явленіе это сдѣлалось извѣстнымъ послѣ написанія этого трактата.

случившееся въ Петербургѣ, при многихъ свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ были весьма образованные люди. На Загородномъ проспектѣ, въ домѣ Палкина, № 23, есть мучной лабазъ. Квартира этого лабаза состоитъ изъ слѣдующихъ комнатъ: собственно лавка съ ходомъ на улицу и во дворъ, направо темненькая проходная кладовая (теплая), затѣмъ двѣ жилыя комнаты, одна свѣтлая въ два окна, другая, сообщаящаяся съ ней, безъ оконъ; свѣтъ въ эту комнату проникаетъ черезъ отверстіе двери, такъ какъ она не имѣетъ створчатыхъ половинъ, и всегда открыта. Эта задняя комната не имѣетъ никакихъ выходовъ. Всѣ комнаты довольно низки и ветхи. Что видѣлъ и слышалъ самъ испуганный хозяинъ, жившій въ этихъ комнатахъ, мы говорить не будемъ, а расскажемъ только то, чему были свидѣтелями многіе. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ комнатахъ этихъ, *что-то неладно* и жить въ нихъ стало невыносимо, многіе изъ любознательности, а другіе изъ простого любопытства являлись наблюдать эти странныя явленія, совершавшіяся, какъ говорится, среди бѣлаго дня. Началось съ того, что сверху желѣзной печки, находящейся въ свѣтлой жилой комнатѣ, полетѣли на полъ, какъ бы брошенные невидимой рукой, старая, покрытая пылью и паутиной, зубная щетка, затѣмъ изломанная и заржавленная бритва; вслѣдъ за этими полетѣли изъ полутемной комнаты въ свѣтлую кострюли и разная домашняя утварь, стоявшая тамъ на каменной низенькой печкѣ. Столъ, стоящій въ простѣнкѣ между окнами, опрокинулся вверхъ ногами, стулья двигались и прыгали, наконецъ одинъ изъ нихъ поднялся на воздухъ до самаго потолка, пробылъ въ такомъ положеніи съ минуту, и затѣмъ съ такою силою грянулся на полъ, что ножкой своей вдавилъ полъ на $\frac{1}{4}$ вершка, оставивъ вдавленный слѣдъ въ $\frac{1}{4}$ аршина длины; знакъ этотъ видѣнъ и теперь. Полъня изъ печки, передъ затапливаніемъ ея, вылетали съ такой силой, что одинъ изъ работниковъ былъ ушибенъ въ ногу. Нечего и говорить, что всѣ углы были предварительно тщательно осмотрѣны. Итакъ, не одинъ Юмъ можетъ творить такіа штуки, и въ средѣ на-

нихъ доморощенныхъ торговцевъ и приказчиковъ находятся настоящіе медиумы. Всѣ эти продѣлки невѣдомыхъ силъ, не смотря на различныя мѣры, принятія для ихъ прекращенія, совершались до тѣхъ поръ, пока жильцы не выѣхали совсѣмъ на другую квартиру.

Говорятъ, что какъ только переѣздъ этотъ былъ рѣшенъ— всѣ вещи и пожитки, лежавшія въ комодахъ и ящикахъ, были мгновенно выброшены изъ нихъ, связаны въ узлы и покоились среди комнаты. За точную вѣрность этого обстоятельства мы не ручаемся. Наши русскіе медиумы не такъ любезны, какъ американскіе или шотландскій медиумъ Юмъ, и вмѣсто того, чтобы, подобно послѣднему, предлагать себя въ распоряженіе ученыхъ, упорно молчатъ на дѣлаемые имъ вопросы и только твердятъ: ужь пожалуйста вы не говорите и не поминайте про *него*.

Во время этихъ явленій въ комнатѣ было замѣтно нѣчто въ родѣ слабого тумана или легкаго дыма—но безъ всякаго запаха.

Объяснять этихъ явленій мы не беремся; изъ нихъ можно только вывести слѣдующее разсужденіе: если бы эти явленія зависѣли только отъ мѣста, то онѣ происходили бы при всякихъ условіяхъ и всякихъ жильцахъ; если бы онѣ зависѣли только отъ скрытыхъ свойствъ самого жильца (медиума), то происходили бы во всякой квартирѣ и при всякой обстановкѣ.

Слѣдовательно нужно принять какую-то зависимость, какія-то необъяснимыя или, вѣрнѣе, неуловимыя условія между извѣстнымъ человѣкомъ и извѣстной обстановкой, въ которой онъ находится.

Подобныя явленія очень рѣдки въ настоящее время или онѣ такъ мало извѣстны, потому что ихъ невольные виновники стараются скрывать всѣ факты такого рода, боясь даже упоминать про *него*, а между тѣмъ, насколько онѣ любопытны для пытливаго ума, на сколько могли бы подвинуть, при ихъ тщательномъ изслѣдованіи и изученіи, психологію и другіе научныя взгляды—предоставляемъ судить читателю.

Не только въ нашемъ обществѣ, но и повсюду мы видимъ два враждебные лагера: совершенныхъ скептиковъ, отрицаю-

щихъ все нематеріальное и идеальныхъ фантазеровъ фанатиковъ. Развѣ такое, такъ сказать, *научное* отношеніе между людьми естественно? Которая-нибудь сторона должна же быть неправа, а если она неправа, то какъ объяснить, что всѣ принадлежащіе къ ней умные и серьезные люди остаются такъ долго въ заблужденіи?

Другой случай—тотъ, когда обѣ стороны неправы.

Нашей книгой мы надѣемся указать средину между этими двумя крайностями и, съ помощью нѣкоторыхъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ, привести хотя немногихъ къ единодушному соглашенію.

Какъ бы то ни было, явленія эти, очевидно, должны зависѣть отъ нѣкоторыхъ свойствъ нашего духа, при такомъ состояніи его, когда онъ можетъ вліять даже на бездушные предметы, но при какихъ условіяхъ и какъ,—это намъ неизвѣстно. Или же подобныя явленія могутъ происходить при такомъ состояніи духа, которое допускаетъ его вліять, исключительно въ моменты такого состоянія, на невѣдомыя еще, постороннія силы природы, или имъ подчиняться и, совокупно съ ними, хотя и безсознательно, производить, напр., движеніе предметовъ, измѣнять временно нѣкоторые ихъ свойства и пр. Повторяемъ еще разъ, что все это должно быть основательно и неоднократно изслѣдовано. Къ сожалѣнію, наука вообще стала на *слишкомъ* реальную почву. Физиологія, отыскивающая въ мозговыхъ клѣточкахъ зародышъ мысли, не только надѣется найти путемъ анатомическимъ причины явленій нашей психической дѣятельности, но и рѣшается утверждать, что это быть иначе не можетъ.

Химія, сводя все къ простымъ тѣламъ, трактуетъ о ихъ видоизмѣненіяхъ, о сродствѣ, какъ о чемъ-то положительно извѣстномъ, забывалъ, что не можетъ не только разложить, но и объяснить даже сущность этихъ простыхъ тѣлъ и самый законъ химическаго сродства.

Физика гордится своими выводами, формулами, остроумными теоріями, твердо опираясь на *движеніе* и *силу*, но можетъ-ли она сколько-нибудь удовлетворительно объяснить

пытливымъ молодымъ умамъ сущность силы? Сущность вещей вездѣ забыта, если не отвергнута, и наука какъ-будто боится говорить о ней.

Физиологія, ближе стоящая къ міру одушевленному и особенно къ человѣку, вмѣсто того, чтобы исправить эту ошибку такъ-называемыхъ *положительныхъ* наукъ, едва-ли не превзошла ихъ въ отрицаніи сущности вещей, — въ отрицаніи духа въ его высокомъ значеніи, или старается подвести его подъ тѣ же частички законовъ неорганической природы, которые намъ извѣстны.

Естествознаніе, раскрывая передъ человѣкомъ тайны и чудеса природы, подводя ихъ подъ извѣстные уже мудрые законы, должно бы помогать уясненію и духовной ихъ стороны, а между тѣмъ человѣкъ, овладѣвъ умственно нѣкоторыми изъ этихъ законовъ относительно явленій природы, часто приходитъ къ тому, что считаетъ законы эти существующими сами по себѣ почти самопроизвольно. Часто-ли мы слышимъ съ кафедры учителя, раскрывающаго передъ нами эти тайны природы, хотя одно слово о Богѣ? И можно-ли удивляться послѣ того возникновенію и распространенію всеобщаго отрицанія, скептицизма и грубаго матеріализма, какъ это мы видимъ во Франціи?...

***3558-1973A-PG**
5-29
CC

UNIVERSITY OF CHICAGO

13 837 077

BF 1251 Sumarokov
.S92 Istoricheskoe i
nauchnoe izsliedovanie
drevniago volkhvovaniia
zhivotnago magnetizma
i spiritizma

1973 A NOV 25 '75

BF 1251 Sumarokov
.S92 Istoricheskoe i
nauchnoe izsliedovanie
drevniago volkhvovaniia
zhivotnago magnetizma
i spiritizma

Digitized by Google

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago

13837077